

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№1(63)
2025

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№1(63)
2025

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (63) 2025:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2025. 176 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Лучиан Блага», Сибю (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блудману Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж – доктор философии, доцент Люблинского университета, специалист по истории политических учений, Люблина (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Каценко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Лицов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7** **Алферова И.В., Сорокина Ж.А.**
«ОППОЗИЦИОННОСТЬ» РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- 19** **Глаголев В.С., Коннов В. И.**
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА
- 37** **Калашников А.В.**
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ И КОНГРЕССОВСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮГА И АМЕРИКАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (1863-1870 ГГ.)
- 54** **Краева Т.А.**
ПРОБЛЕМА «КРИЗИСА МАСКУЛИННОСТИ» В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- 70** **Лохов А.Ю., Еремин Е.И., Нацвин А.В.**
ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ ОСАДЫ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА 1685 г. II
- 85** **Петрусев Д.С.**
МОДЕЛИ СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.
- 98** **Прилуцкий В.В.**
КИТАЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В США НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (1870-Е ГГ.)
- 109** **Семенова Д.А.**
ДИНАМИКА ВОВЛЕЧЁННОСТИ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В САР
- 124** **Сидорчук И. В.**
КАМПАНИЯ «НЕДЕЛЯ ПОМОЩИ ПРОЛЕТАРСКОМУ СТУДЕНЧЕСТВУ» В ПЕТРОГРАДЕ/ЛЕНИНГРАДЕ В 1923 И 1924 ГГ.
- 134** **Талагаева Д.А.**
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мязгов Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

149 Федосов А.В.
ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-Е - 1930-Е ГОДЫ

159 Фролов В.Н.
«ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ» РОССИЙСКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА (1902-1922 ГГ.) В СОВРЕ-
МЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 1(63) 2025: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2025. 176 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.1 – No.63
Scientific
peer-reviewed journal
MARCH
ISSN 2072-2087
ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Alferova I.V., Sorokina Z.A.**
«OPPOSITIONALITY» OF THE RUSSIAN PERIODICAL PRESS IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC CRISIS PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR
- 19 Glagolev V.S., Konnov V.I.**
THEORETICAL PROBLEMS OF SELF-ORGANIZATION OF BASIC SCIENCE: A HISTORICAL RETROSPECTIVE
- 37 Kalashnikov A.V.**
THE MAIN FEDERAL LEGISLATIVE ACTS IN RELATION TO THE SOUTHERN UNITED STATES DURING THE PRESIDENTIAL AND CONGRESSIONAL RECONSTRUCTION (1863-1870)
- 54 Kraeva T.A.**
THE PROBLEM OF THE "CRISIS OF MASCULINITY" IN GERMANY DURING THE FIRST WORLD WAR
- 70 Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V.**
HISTORICAL AND TOPOGRAPHIC MODELING THE FIRST SIEGE OF THE ALBAZINSKY PRISON. II
- 85 Petrushev D.S.**
INTERDEPARTMENTAL INTERACTION AND LEGAL BASIS FOR BUILDING A MODEL OF ESTATE SELF-GOVERNMENT IN THE CITIES OF SMOLENSK PROVINCE AT THE LATE 18TH - FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES
- 98 Prilutskiy V.V.**
CHINESE IMMIGRATION TO THE USA ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «OTECHESTVENNYE ZAPISKI» (1870S)
- 109 Semenova D.A.**
DYNAMICS OF RUSSIA'S ENGAGEMENT IN SYRIAN CRISIS SETTLEMENT AND PROSPECTS OF MAINTAINING RUSSIAN PRESENCE IN SYRIA
- 124 Sidorchuk I.V.**
THE CAMPAIGN "WEEK OF ASSISTANCE TO PROLETARIAN STUDENTS" IN PETROGRAD/ Leningrad in 1923 and 1924.

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

134 Talagaeva D.A.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF IRRATIONALITY IN ANTHROPOLOGICAL MODELS OF ECONOMIC SCIENCE

149 Fedosov A.V.

THE EVOLUTION OF THE IDEAS OF THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN IN THE 1920S - 1930S

159 Frolov V.N.

MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE «PROTEST SENTIMENTS» OF THE RUSSIAN PEASANTRY 1902–1922.

УДК 32.019.51

Алферова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

Сорокина Ж.А., аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

«ОППОЗИЦИОННОСТЬ» РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Социально-экономический кризис в России периода Первой мировой войны, который предопределил последующие политические пертурбации, имел многие предпосылки и причины. Свое определенное место в этом процессе занимала и периодическая печать, которая смогла сформировать общественные настроения, предопределившие поддержку оппозиционных по отношению к российской власти сил. Однако до сих пор в отношении российской печати в отечественной историографии распространены оценки, сформированные в советское время, которые уровень оппозиционности издания строго увязывали с его партийной или идеологической направленностью. В статье предлагается корректировка советской классификации газет. Демонстрируется, что на разных этапах Первой мировой войны даже проправительственные газеты оказывались в оппозиции к государственной власти, а издания оппозиционных партий, поддерживавшие патриотический дискурс в отношении военных устремлений государства, критически оценивали способы российского правительства в решении социально-экономических проблем. В то же время общественные настроения в стране определялись массовыми изданиями, зачастую не имевшими партийной принадлежности и четкой идеологической направленности, но на страницах которых находили отражение значимые социально-экономические проблемы, актуальные для различных групп населения.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская печать, оппозиционная печать, общественные настроения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-07-18

Введение. По сведениям публициста, социолога Павла Григорьевича Мижужева, в начале XX века наибольшее число периодических изданий в Европе приходилось на Германию – около 7 тыс., затем следовала Великобритания с 5 тыс. изданий, в Австрии насчитывалось 4 тыс. газет, почти столько же во Франции, причём около трети из них печаталось в одном только Париже. До 2 тыс. периодических изданий выходило в Италии. Наибольшее развитие печать получила в США, где

число периодических изданий превышало 21 тыс. В России вместе с Финляндией, входившей в ее состав, выпускалось до 1 тыс. 200 изданий. В то же время в Швеции и Норвегии, насчитывавших вместе около 7 млн жителей, было зарегистрировано приблизительно такое же количество органов массовой информации, как и во всей России с её 130-миллионным населением. [12, с. 310-311].

Вместе с тем приведенная статистика не отражает в полной мере про-

¹ Статья написана в рамках реализации гранта РНФ – 25-28-00933. Печать в публичной сфере, как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны.

© Алферова И.В., Сорокина Ж.А.

© Alferova I.V., Sorokina Zh.A.

цессов, которые происходили в информационной среде Российской империи. Несмотря на небольшое на фоне некоторых западных стран количество издававшихся периодических изданий, их число заметно увеличилось по сравнению с 1870 г., когда их насчитывалось всего 350 [12, с. 308]. Причем, если на первых порах рост происходил за счет появления журналов и газет научного и узкоспециальных направлений, то к 1914 г. заметную роль в России стала играть пресса, рассчитанная на широкую аудиторию, содержащая на своих страницах разнообразный контент, в соответствии с запросами читающей публики. Массовому читателю «для семейного чтения» был адресован, например, еженедельный журнал «Нива», выходящий в начале XX в. тиражом в 200 тыс. экземпляров, или дешевая, с 70-тысячным тиражом, ежедневная газета «Свет».

С началом Первой мировой войны значительно прибавилось число людей, для которых чтение газет и журналов стало насущной потребностью, вследствие чего произошло и увеличение наименований периодической печати. Только в 1914 г. появились 431 газета и 411 журналов [15, с. 35], а в 1916 г. количество новых изданий возросло в два раза по сравнению с 1901 г. [9, с. 29].

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает российская периодическая печать периода Первой мировой войны, а также классификация повременных изданий в зависимости от ее партийной принадлежности и идейной направленности. Новизна исследования заключается в корректировке оценок периодической печати, сформированных в советской историографии. В демонстрации того, что печать, разделявшая различные идеологические воззрения (от

монархических до либеральных), по определенным вопросам внутренней жизни страны становилась на разных этапах периода Первой мировой войны оппозиционной в отношении государственной власти.

При интерпретации периодических изданий периода Первой мировой войны, применялись традиционные методы исторического исследования. Прежде всего это – проблемно-хронологический метод, согласно которому становление периодической печати, изменение ее контента рассматривалось поэтапно в связи с историческими событиями начала XX в. и вплоть до 1917 г. Историко-сравнительный метод использовался при выявлении различия или сходства периодических изданий разной тиражности, партийной и идеологической направленности в процессе воздействия на общественные настроения в стране. Наконец историко-системный метод позволил выявить определенную систему в формировании и функционировании информационной среды Российской империи в годы Первой мировой войны.

Результаты и их обсуждение. Советский и российский журналист А.А. Антонов-Овсеенко, исследовавший в своей диссертации роль периодической печати в процессе формирования общественного мнения в России в 1917 г., пришел к выводу, что до начала Первой мировой войны рынок печати в России определяли газетно-журнальные тресты, главной целью которых являлось извлечение материальных, а не политических выгод [1, с. 9]. Действительно, к началу XX в. в Российской империи уже существовали крупные издательские монополии. Так, самый распространенный в России иллюстрированный журнал

«Нива» на протяжении 48 лет выпускался «Товариществом издательского и печатного дела А.Ф. Маркс». Крупным предприятием являлось акционерное общество «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина», которое с января 1895 г. издавало в Москве газету «Русское слово». Основатель товарищества «привлѣк известнейших в России журналистов, литераторов, репортѣров и типографов и с их помощью постепенно превратил свою газету в "Левиафана русской прессы"» [4, с. 55].

Накануне революции 1917 г. ему в Москве принадлежали также газеты «Раннее утро», «Копейка» и «Вечерние известия». В качестве издателя И.Д. Сытин участвовал и в петербургской газете «День», а за два года до революции приобрѣл всё тот же журнал «Ниву» [5, с. 78]. Трест А.С. Суворина выпускал влиятельное «Новое время» и городскую «Маленькую газету», журнал «Лукоморье».

Рост грамотности в стране формировал новый тип массового читателя, что послужило причиной для создания дешѣвых, небольшого формата газет, которые отказывались от сухого академического стиля и излагали информацию более коротко, живо и образно [8, с. 106]. В разных городах страны: от столичных Петербурга и Москвы, и до самого Иркутска издательством П.П. Сойкина большими тиражами печатались дешѣвые издания бульварного типа под названием «Газеты-копейки» («копеечная печать»). Они были рассчитаны на малоимущие слои, привлекая читателей уголовными романами, скандальными и сенсационными новостями.

С началом Первой мировой войны как дорогие, объемные периодические

издания, так и дешѣвые стали пользоваться небывалым спросом, и их тиражи мгновенно раскупались. Читающая публика искала на страницах периодических изданий ответы на насущные вопросы, во множестве появлявшиеся в связи с начавшейся войной. И если в первые месяцы военных действий читателей интересовали в первую очередь сводки с фронтов, то по мере затягивания мирового конфликта их внимание все более переключалось на нараставшие внутрироссийские проблемы, прежде всего экономического и социального характера.

В сельской местности, например, практиковалось приобретение газет вскладчину с последующим чтением их вслух собравшимся для этого соседям. Уполномоченные от общества отправлялись в уездные центры или на близлежащие железнодорожные станции, чтобы купить или хотя бы переписать самые интересные для односельчан сообщения [17, с. 30]. Газета «Новое время» имела 600 железнодорожных киосков на станциях, вела торговлю на пристанях, т.е. охватывала значительное число путей сообщения [5, с. 88].

Периодические издания оказывали немаловажное влияние даже на ту часть населения, которая не умела, или не хотела читать, так как выражаемые в прессе взгляды распространялись в обществе путѣм последующей устной передачи. Исследователь Т.И. Толчинская констатировала: «Именно Первая мировая война дала человечеству тот опыт использования печатных средств массовой информации, который в последующем стал во многом одним из основных механизмов реализации политических задач» [17, с. 26].

Одними из популярных изданий являлись петроградское «Новое время» и московское «Русское слово»

(тираж последнего к 1917 г. достиг 1 млн экземпляров [11, с. 15]).

«Новое время» расценивалось советской историографией в качестве «одной из наиболее реакционных газет», занявших место «на самом правом фланге ура-патриотической и шовинистической печати...» [3, с. 29]. Издание и «подобные ему газеты» обвинялись в том, что они «атаковали малейшие попытки высказать какие-либо более или менее трезвые мысли и представить действительно правдивые факты из жизни фронта и тыла» [3, с. 29].

Крайне отрицательную оценку «Новому времени», давал, например, исследователь Н.С. Вертинский заявляя, что «в течение десятков лет оно служило орудием пропаганды и организации всех реакционных сил страны для влияния на правительственные круги и поддержки реакционного правительственного курса» [5, с. 75].

В отношении газеты «Русское слово» советские авторы высказывались более снисходительно, отмечая высокий уровень информативности издания. Так, тот же Н. С. Вертинский отмечал, что «это была, пожалуй, самая осведомлённая из всех русских газет» [5, с. 76]. В вину же газете ставилось замалчивание вопросов политической борьбы. «Русское слово» определялось как оппозиционная газета, «но отнюдь не партийная», она «не является органом ни прогрессистов, ни кадетов, ни какой-либо партии вообще» [4, с. 58].

На наш же взгляд, главной целью для издателей «Русского слова» и «Нового времени» до определенного момента являлось извлечение прибыли, что само по себе представляется логичным, учитывая большие денежные затраты, требовавшиеся для выпуска

прессы такого уровня (стоимость оборудования, большой формат, объем более 10 страниц). Газета «Русское слово» «при систематическом увеличении расходов по изданию (в 1912 г. – около 2,5 млн руб., в 1913 г. – 3,3 млн руб.)», неуклонно наращивала и объемы получаемой прибыли [4, с. 63], что с неизбежностью вызывало критику.

В данном случае уместно замечание американского журналиста, социолога, автора классической концепции общественного мнения Уолтера Липпмана, отмечавшего в своей работе, написанной еще в 1922 г.: «...критики прессы практически озвучивают моральные нормы сообщества, провозглашая, что этот институт должен жить по тем же принципам, по каким, согласно их представлениям, должны жить школа, церковь и нейтральные профессиональные сообщества» [10, с. 303]. Действительно, по весьма распространенным представлениям, информация должна циркулировать естественным путём, если же за нее приходится платить, например, приобретая газеты, ей нельзя доверять.

Однако нацеленность на извлечение максимальных доходов отнюдь не означала, что содержание этих газет было привлекательно только для крайне консервативно настроенных жителей страны, и контент изданий не содержал объективных оценок событий, происходивших на фронте и в тылу. Напротив, в сфере их внимания находились различные слои населения, способные приобретать издания, а значительный объем информации, размещавшийся на страницах этих газет, создавал возможность удовлетворять самые разнообразные читательские запросы, работая на популярность.

Характеристика журналиста, а

позже советского государственного деятеля П.М. Керженцева, которую он давал в целом буржуазной прессе, вполне можно отнести к редакторской политике указанных изданий: «Буржуазная газета стремится угодить всем вкусам и дать материал для чтения всякому – от нищего до лорда. Она виртуозна в изыскивании новостей и сообщений, которые затрагивают интересы всех читателей – даже каких-нибудь чудаков-собирателей марок или специалистов по машиностроению» [8, с. 6].

Желание получения материальной выгоды не исключало, а, наоборот, усиливало заинтересованность издателей крупных газет в широком круге читателей. В то же время вполне естественным выглядит их стремление воспользоваться возможностью убедить общественность взглянуть на те или иные события с точки зрения редакции газеты или журнала. Таким образом, контент таких массовых газет как «Новое время» и «Русское слово» можно рассматривать в качестве продукта общественных запросов, поскольку на их страницах публично обсуждались самые разнообразные общественно значимые проблемы, и средством воздействия на общественные настроения, которые впоследствии могли трансформироваться в устойчивое мнение, например, по поводу внутренней политики российской власти [14, с. 65].

На наш взгляд, указанные и подобные повременные издания можно охарактеризовать как внепартийные и внеклассовые, которые в условиях военного времени стали во многом определять восприятие населением социально-экономических и политических процессов.

Неслучайно политик и первый генерал-квартирмейстер немецкой ар-

мии Эрих Людендорф, рассуждая о недостатках немецкой пропаганды, отмечал, что в Германии отсутствовала газета, обладавшая «сильной национальной основой», «которая имела бы такое же влияние и такое же значение для Родины, как «Times» в Англии, «Temps» во Франции и «Новое время» в России...» [13, с. 60].

Уже упомянутый А.А. Антонов-Овсеенко отмечал следующую тенденцию в информационном пространстве Российской империи. С началом войны и по мере приближения к 1917 г. в России, по его мнению, «неуклонно возрастала роль печатных изданий политических партий в процессе формирования общественного мнения» [1, с. 9]. Соглашаясь с этим утверждением, считаем необходимым его прокомментировать и дополнить.

По идеологическим признакам в отечественных исследованиях выделяются консервативные, либеральные и социалистические партии. Все три группы к началу XX в. создали широкую сеть газет, которые имели «политическую подкладку», отражая партийную идеологию и участвуя в решении агитационно-пропагандистских, воспитательных, просветительских и организационных задач. Практически любые партийные издания находили своего читателя, но устойчивый интерес к ним присутствовал у относительно небольшого количества сторонников.

Прежде всего, это относится к правой печати, которую к чисто партийной можно отнести с оговорками, так как она по большей части получала содержание от государственных структур. В годы войны эти издания являлись основным средством пропаганды право-монархических идей среди населения России.

Их основная функция заключалась в отстаивании традиционного уклада жизни в социальной, экономической, религиозной, бытовой сферах, в сохранении и упрочении основ существовавшего монархического строя. Правая печать в этом смысле «была большим сдерживающим фактором в революционизации масс» [2, с. 121]. Вместе с тем монархическая система правления, с точки зрения официальной пропаганды, являлась обязательной для сплочения народа в условиях войны: «Царь-батюшка приказал, значит так тому и быть...» Этот принцип выступал гарантом будущей победы и перспектив послевоенного развития. Императору отводилась роль вождя нации, и монархические органы печати продвигали концепцию нерушимости единения государя и его подданных.

С ноября 1905 г. право-монархическое направление было представлено петербургской газетой Союза русского народа «Русское знамя», которая, однако, в условиях начавшейся войны не пользовалась безусловной читательской поддержкой даже среди основной массы сторонников черносотенного движения. Причина заключалась в том, что в ней «подчас появляются статьи, не способствующие патриотическому подъему» [16, с. 103]. Не способствовал популярности газеты и оголтелый антисемитизм. Более того, газета с 1915 г. стала резко критиковать деятельность министров, которых она оценивала, как либеральных, а, следовательно, царское правительство, за что неоднократно подвергалось взысканиям со стороны власти.

В 1909 г. была основана еще одна известная ежедневная монархическая газета под названием «Земщина». С осени 1915 г. ее издателем стал известный деятель правого движения Н.Е.

Марков 2-й. На ее страницах регулярно появлялись разоблачительные статьи, посвященные деятельности П.П. Рябушинского, А.И. Коновалова, резкой критике подвергался влиятельный в царском правительстве главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. Примечательной особенностью содержания газеты являлась жесткая критика буржуазии – «биржевых дельцов, "хапуг", обкрадывающих народ, наживающихся на его нуждах» [16, с. 105], т. е. с вполне радикальных позиций.

Менее значимыми правыми изданиями являлись столичные «Голос Руси» и «Колокол», именовавший себя «единственной крестьянской газетой в России, которая против врагов церкви и государства» [3, с. 28]. В Москве в качестве органа Русской монархической партии печатались «Московские ведомости». По мнению известного автора работ и учебников по истории российской журналистики Е.В. Ахмадулина, «среди всех изданий монархического лагеря "Московские ведомости" выглядели "образцом" идейной выдержанности» [2, с. 74].

Партия крупного капитала и промышленников «Союз 17 октября», которую некоторые исследователи склонны относить к консервативному направлению, издавала газету «Новый путь». Близкую к ней позицию занимали издания «Слово» и «Голос Москвы». Однако чиновники Главного управления по делам печати отмечали, что «главный октябристский орган являлся вполне октябристским до осени 1914 г., когда в составе пайщиков этой газеты произошли перемены, и директором-распорядителем был приглашен П.И. Крашенинников» [19, с. 98]. Издание стало «уходить» влево и всё в большей степени обретало кадетские черты.

Газета «Утро России», организатором которой в сентябре 1907 г. выступил П.П. Рябушинский, позиционировала себя в качестве «внепартийного органа прогрессивной деловой мысли» и отчасти отражала политические взгляды группы прогрессистов, имевшей фракцию в IV Государственной Думе. По существу, издание было не партийным, а отражало интересы группы промышленных и финансовых деятелей, находясь отчасти на их содержании. Советскими исследователями газета характеризовалась как «глашатай воинствующих московских капиталистов, как издание, в июле 1914 г. громко выступившее за войну с Германией» [7, с. 59]. Однако современники оценивали издание несколько иначе: «Демонстрируя так называемую оппозиционность крупной буржуазии, газета продолжала выступать с критическими замечаниями в адрес правительственной политики и отдельных представителей государственной власти, что приводило к административным преследованиям» [4, с. 77].

Главным периодическим изданием партии конституционных демократов являлась газета «Речь», выходившая в Петербурге с февраля 1906 г. Кадетские воззрения, как и прогрессистские, в целом были созвучны основополагающим принципам государственной идеологии. Кадеты в своем большинстве не мыслили будущего страны без монархической формы правления, за что и подвергались в последующем критике со стороны советских исследователей. Призывы к самопожертвованию и продолжению активной борьбы на поле боя были обязательным рефреном прогрессистско-кадетской печати с началом Первой мировой войны.

Тем не менее при наличии некоторых общих взглядов с правыми силами на российское политическое устройство, представители умеренно-либерального и радикально-либерального кругов общественности по многим вопросам экономической и социальной жизни выступали с противоположных позиций. Особая роль в решении многочисленных проблем как в тылу, так и на фронте ими отводилась различным общественным структурам, что, по их мнению, предполагало и усиление их политического влияния. В этом смысле этот вид периодических изданий выступал с оппозиционных позиций относительно государственной власти.

Газета «Речь» была убыточной в первые годы издания, и «после первых пяти лет дефицит превысил сумму основного капитала товарищества» [4, с. 65]. Однако в дальнейшем благодаря своей информативности, появлению социально важной проблематики на ее страницах, газета становится привлекательной для широкого круга читателей и в годы войны значительно увеличивает свои тиражи. Петербургский комитет по делам печати среди многочисленных печатных органов «кадетской прессы» выделял в качестве наиболее влиятельных с точки зрения формирования общественного мнения помимо газеты «Речь», также «Петербургскую газету», «Право», «Современное слово» [19, с. 56].

По мнению, высказанному еще в середине XIX в. немецким профессором права Францем фон Хольцендорфом, «пресса, отдавшаяся служению интересам партии, не может претендовать на роль выразительницы общественного мнения, *которое всегда должно сохранять за собой право свободного суждения в отношении партийных учений* (курсив в тексте. – И.А.,

Ж.С.)» [6, с. 36]. В данном случае издания, изначально партийные, стали находить многочисленных подписчиков среди лиц, в том числе принципиально не сочувствовавших их идеологическим взглядам только после того, как стали ориентироваться на широко представленные общественные запросы.

Партии социалистического направления в лице большевиков, начиная с 1905 г., издавали 58 наименований периодических изданий, из них 12 легальных и в том числе наиболее заметную газету «Новая жизнь». Большевики выпускали около 20 легальных изданий, среди которых наиболее известными были газета «Начало» и журнал «Наше дело». Эсеры вели пропаганду со страниц газеты «Сын Отечества» [15, с. 34-35]. Однако вскоре после начала Первой мировой войны большевистская печать была запрещена. Печать же других социалистических партий была востребована незначительным числом читающей публики и до конца 1916 г. не оказывала влияние на формирование общественных настроений.

«Партийность» печати проявлялась в первые годы войны, прежде всего в критике печатью своих политических оппонентов. «Либералы – сторонники политической свободы "по определению" – стремились освободить страну и народ не только от самодержавия (от неограниченного. – И.А., Ж.С.), но и от идеологического влияния его сторонников» [16, с. 266]. Большевики последовательно осуществляли такие действия в отношении не только черносотенной печати, которая исчезла сразу после Февральской революции, но и самих либералов, а заодно и умеренных социалистов.

Активизация же партийной пе-

чати как таковой действительно происходила в Российской империи в период открытой политической агитации во время выборов в Государственную Думу, а также после прихода к власти Временного правительства и объявления о предстоящем созыве Учредительного собрания. Различия в политической направленности изданий проявлялись в том, как они отвечали на вопросы относительно существующего социально-политического устройства Российской империи: что необходимо сохранить в старой системе социально-экономических отношений; как перейти от старой формы устройства к новой; насколько радикальными должны быть преобразования и пр.

Подводя итог анализу партийных направлений в печати, следует отметить, что партийная печать являлась неотъемлемой частью не только организационной работы самой партии, но и издательской деятельности в России в целом. Однако, ни одно из изданий революционной, промонархической (консервативной) или прогрессистско-кадетской (либеральной) ориентации не пользовалось такой популярностью, как «Новое время» или, например, «Русское слово».

Заключение (выводы). Современники начала XX в., чью точку зрения отразил в своем исследовании П.Г. Мижухев, были убеждены, что «число и распространение периодических изданий можно считать показателем степени распространения в обществе интереса к жизни своей страны, к жизни своих сограждан, почему существование значительной прессы в свою очередь является <...> наилучшим ручательством того, что никакие общественные нужды не останутся долго без удовлетворения, и что самое удо-

влетворение общественных нужд будет иметь более или менее рациональный характер» [12, с. 308].

Крупные российские газеты, «благодаря внедрению новейших методов в типографское и редакторское дело завоёвывают читательскую аудиторию оперативностью информации, яркостью изложения материала, изданием приложений, устройством различных лотерей и конкурсов» [4, с. 69-70]. Однако именно «удовлетворение общественных нужд» в условиях Первой мировой войны оказалось на одном из первых мест в государственной и политической жизни страны, и участие прессы в решении насущных вопросов

через распространение социальной информации заняло особое место в повседневной практике значительной части населения.

Главными инструментами в формировании общественных настроений стали массовые газеты, которые за счет информативности, значимости контента, размещенного на своих страницах, способов подачи материала, могли найти читателя в разных группах населения. При этом массовые «внепартийный» газеты, изначально преследовавшие коммерческие цели, с нарастанием внутренних проблем также оказывались в ряду оппозиционных изданий.

Список литературы

1. Антонов-Овсеенко А.А. Роль периодической печати в формировании общественного сознания в России в 1917 г.: диссертация ... доктора филологических наук. Тверь, 2013.
2. Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. Ростов н/Д: Изд-во «Книга». 2001. 132 с.
3. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. 152 с.
4. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. – 1914 г. Л., 1984. 148 с.
5. Вертинский Н.С. Газета в России и СССР: XVII – XX вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. 167 с.
6. Гольцендорф Ф. Общественное мнение. Пер. с нем. Н. О. Бера. Санкт-Петербург, 1895. 124 с.
7. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914 – 1917). Л., 1967. 366 с.
8. Керженцев П.М. Газета. Ее организация и техника. М.: Изд-во ВЦИК, 1919. С. 6. 158 с.
9. Летенков Э.В. Печать и капитализм в России конца XIX – начала XX века: экономический и социальный аспекты капитализации печати: диссер. ... доктора исторических наук. Ленинград, 1988. 403 с.
10. Липпман Уолтер. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
11. Менделеев А.Г. Жизнь газеты «Русское слово»: Издатель. Сотрудники. М.: РОССПЭН, 2001. 205 с.

12. *Мижуев П.Г.* Несколько слов по поводу статистики периодической печати в России и за границей // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903. К 200-летию выхода первой русской газеты. Санкт-Петербург: Русское библиол. о-во, 1903. С. 307-311.

13. *Потанов Н.М.* Печать и война. М.; Л.: Гос. воен. изд-во, 1926. 82 с.

14. *Пронин Е.И.* Печать и общественное мнение. М.: Издательство МГУ, 1971. 132 с.

15. *Раскин Д.И., Рябова Л.К.* Периодическая печать России как исторический источник: учебное пособие. СПб.: Лема, 2022. 100 с.

16. *Стогов Д.И.* Русская правая периодическая печать в годы Первой мировой войны // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 101-112.

17. *Толчинская Т.И.* Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900 – 1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет). Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. 152 с.

‘OPPOSITIONALITY’ OF THE RUSSIAN PERIODICAL PRESS IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC CRISIS PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR

The socio-economic crisis in Russia during the First World War, which predetermined the subsequent political perturbations, had many preconditions and reasons. The periodical press had its certain place in this process, which was able to form public sentiments that predetermined the support of the forces in opposition to the Russian authorities. However, until now, the Russian press in the Russian historiography is still subject to the assessments formed in the Soviet period, which strictly linked the level of opposition of the publication with its party or ideological orientation. The article proposes a correction of the Soviet classification of newspapers. It is demonstrated that at different stages of the First World War even pro-government newspapers were in opposition to the state power, and the publications of opposition parties, which supported patriotic discourse regarding the military aspirations of the state, critically assessed the ways of the Russian government in solving socio-economic problems. At the same time, the public mood in the country was determined by mass publications that often had no party affiliation and no clear ideological orientation, but whose pages reflected significant socio-economic problems relevant to various groups of the population.

Keywords: World War I, Russian press, opposition press, public sentiment.

References

1. *Antonov-Ovseenko A.A.* (2013) Rol` periodicheskoy pechati v formirovanii obshchestvennogo soznaniya v Rossii v 1917 g. [The role of the periodical press in the formation of public consciousness in Russia in 1917]: dissertation. A. Doctor of Philological Sciences. Tver.

2. *Akhmadulin E.V.* (2001) *Pressa politicheskix partij Rossii nachala XX veka: izdaniya konservatorov* [Press of political parties of Russia in the early twentieth century: editions of conservatives]. Rostov n/D: Izd-vo "Kniga". 132 p.

3. *Berezhnoi A.F.* (1975) *Russkaya legal'naya pechat` v gody` Pervoj mirovoj vojny`* [Russian legal press in the years of the First World War]. L. 152 p.

4. *Bokhanov A.N.* (1984) *Burzhuaznaya pressa Rossii i krupny`j kapital: konec*

XIX v. – 1914 g. [Bourgeois press of Russia and big capital: the end of the XIX century – 1914]. L., 148 p.

5. *Vertinsky N.S.* (1931) *Gazeta v Rossii i SSSR: XVII – XX vv.* [Newspaper in Russia and the USSR: XVII – XX centuries] M.; L.: State Socio-Economic Publishing House. 167 p.

6. *Golzendorf F.* *Obshhestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Per. with German. N.O. Bera. St. Petersburg, 1895. 124 p.

7. *Dyakin V.S.* (1967) *Russkaya burzhuaziya i czarizm v gody` Pervoj mirovoj vojny`.* (1914 – 1917). [Russian bourgeoisie and tsarism in the years of the First World War]. (1914 – 1917). L., 366 p.

8. *Kerzhentsev P.M.* (1919) *Kerzhentsev P.M. Gazeta. Ee organizaciya i texnika.* [Newspaper. Its organisation and technique]. M.: Izd-vost VTSIK. 158 p.

9. *Letenkov E.V.* (1988) *V. Pechat` i kapitalizm v Rossii koncza XIX – nachala XX veka: e`konomicheskij i social`ny`j aspekty` kapitalizacii pechaty: disser. ... doktora istoricheskix nauk.* [Seal and capitalism in Russia at the end of XIX – beginning of XX century: economic and social aspects of the capitalisation of the press]: dissertation Doctor of Historical Sciences. Leningrad. 403 p.

10. *Lippman Walter* (2004) *Obshhestvennoe mnenie* [Public Opinion] Translated from English by T.V. Barchunova. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. 384 p.

11. *Mendeleev A.G.* (2001) *Zhizn` gazety` «Russkoe slovo»: Izdatel`. Sotrudniki.* [Life of the newspaper "Russkoye Slovo": Publisher. Employees]. M., 205 p.

12. *Mizhnev P.G.* (1903) *Neskol`ko slov po povodu statistiki periodicheskoy pechaty v Rossii i za granicej // Sbornik statej po istorii i statistike russkoj periodicheskoy pechaty 1703-1903. K 200-letiyu vy`xoda pervoj russkoj gazety`.* [A few words about the statistics of periodicals in Russia and abroad] // Collection of articles on the history and statistics of Russian periodicals 1703-1903. To the 200th anniversary of the publication of the first Russian newspaper. St. Petersburg: Russian Bibliological Society. Pp. 307-311.

13. *Potapov N.M.* (1926) *Pechat` i vojna* [Print and War]. M.; L.: Gos. military izdvo. 82 p.

14. *Pronin E.I.* (1971) *Pechat` i obshhestvennoe mnenie* [Print and public opinion]. Moscow: Moscow State University Publishing House. 132 p.

15. *Raskin D.I., Ryabova L.K.* (2022) *Periodicheskaya pechat` Rossii kak istoricheskij istochnik: uchebnoe posobie* [Periodical press of Russia as a historical source]: textbook. SPb.: Lema. 100 p.

16. *Stogov D.I.* (2011) *Russkaya pravaya periodicheskaya pechat` v gody` Pervoj mirovoj vojny` // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina.* [Russian right-wing periodicals in the years of the First World War] // Vestnik of A.S. Pushkin LSU. № 1. Pp. 101-112.

17. *Tolchinskaya T.I.* (2014) *Pechat` v bor`be za obshhestvennoe mnenie v Rossii v 1900 – 1930-x godax: tradicii i osobennosti istoricheskoy e`volyucii (na primere central`ny`x i regional`ny`x gazet).* [Print in the struggle for public opinion in Russia in 1900 – 1930s: traditions and features of historical evolution (on the example of central and regional newspapers)]. Pyatigorsk: RIA-KMV, 152 p.

Об авторах

Алферова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Сорокина Жанна Александровна – аспирант кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: to-janna@yandex.ru

Alferova Irina Victorovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of National History, Bryansk State University (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Sorokina Zhanna Alexandrovna – Postgraduate student of the Department of National History Bryansk State University (Russia), E-mail: to-janna@yandex.ru

УДК 001.89

Глаголев В.С., доктор философских наук, профессор, МГИМО МИД России, г. Москва (Россия)

Коннов В.И., доктор философских наук, профессор, МГИМО МИД России, г. Москва (Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

В статье рассматривается обсуждение теоретических проблем самоорганизации фундаментальной науки, как оно протекало в рамках социологии науки, в том числе под влиянием обращения к этнографическому подходу, а затем в исследованиях науки и технологий (СТС). Анализируются ключевые концепции, характеризующие науку как саморегулируемую систему, которые были предложены К. Поппером и Р. Мертоном, а также критические подходы, развивавшиеся в рамках СТС. Особое внимание уделено работам Т. Куна, Д. Блура, Б. Латтура и К. Кнорр-Сетины, которые ставят под сомнение представление о науке как деятельности, нацеленной исключительно на формирование объективного знания и управляемой внутренними нормами научного сообщества. Особо выделяется полемический эпизод, известный как «научные войны», в котором отразились разногласия естественных и гуманитарных наук относительно объективности научного знания и его социальной обусловленности. В статье анализируется как критика научного знания со стороны гуманитарных дисциплин, так и ответные аргументы ученых-естественников, включая известный «розыгрыш Сокала». Рассмотренный конфликт между самопредставлением, характерным для естественных наук, и критическими подходами в гуманитарных исследованиях демонстрирует тенденцию к замыканию академических сообществ в рамках собственных мировоззрений.

Ключевые слова: социология науки, этнография науки, самоорганизация науки, научная политика, научные войны.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-19-36

Введение. Начиная с 1960-х гг. наиболее последовательным выражением интерпретирующей традиции гуманитарной науки стало движение «культурных исследований», которые прямо противопоставляли себя позитивной традиции и важной составляющей которых был поворот методов культурной антропологии на современные европейские общества [5]. Такой поворот делал неизбежным столкновение интерпретирующего подхода с главным институтом, выражающим европейскую рациональность, - есте-

ственной наукой. Это столкновение состоялось в рамках «исследований науки науки и технологий» - «science and technology studies», сокращенно СТС. Понятие «studies» исходно противопоставлялось научным исследованиям в строгом, позитивистском смысле, и речь здесь шла об изучении науки с позиции методов гуманитарных дисциплин, ключевое место среди которых заняла этнография. На основе этого подхода сложился взгляд, который противопоставлялся образу науки, сложившемуся в первые два десятиле-

тия после Второй мировой войны, когда шел стремительный рост научного комплекса.

В эту эпоху в нем отчетливо выделились два уровня – фундаментальный и прикладной: считалось, что фундаментальная или «чистая» наука изучает законы природы безотносительно их полезности, а прикладная уже создает на основе этих законов технологии. Это разделение просматривалось и раньше, но за годы войны правительства всех ведущих стран радикально изменили свое отношение к фундаментальной науке. Главной причиной послужило атомное оружие, так как принципы, положенные в его основу, были открыты в исследованиях, которые долгое время практически никто, включая самих ученых, не рассматривал как способные принести практическую пользу. И если раньше такого рода наука поддерживалась преимущественно в форме филантропии, то теперь правительства вознамерились всячески способствовать ее развитию. Логика была простая: мы не можем заранее угадать, какое из фундаментальных исследований окажется полезным, но если в них будет хотя бы еще одно открытие, аналогичное атомной реакции, то это оправдает любые затраты.

Проблема заключалась в том, как при этом контролировать расход средств. Практически никто, кроме самих ученых, не способен понять, что происходит на переднем крае фундаментальной науки. И здесь к их результатам не получается предъявить критерий «работает – не работает», применимый к технологиям. Таким образом, возникает вопрос: как убедиться, что ученые не занимаются шарлатанством за государственный счет? И можно

сказать, что именно из попыток ответить на этот вопрос выросла социология науки как отдельная исследовательская отрасль.

Методы исследования. В статье рассматривается эволюция исходно социологических исследований науки под влиянием внедрения этнографического метода. Методологическую основу статьи составляет подход «интеллектуальной истории», который предполагает интерпретацию любого научного текста как действия его автора, совершаемого им в определенном социально-политическом контексте [3; 18]. В настоящем исследовании тексты авторов, относящиеся к социологии науки и СТС, рассматриваются как часть дискуссии вокруг проблемы самоорганизации фундаментальной науки, ставшей центральной для послевоенной научной политики. Соответственно, аргументы, выдвигаемые авторами, представляющими эти направления, рассматриваются с точки зрения обоснования или критики возможности такой самоорганизации.

Карл Поппер и социология науки.

Отсчет социологии науки как самостоятельной дисциплины ведется от так называемой попперо-мертоновской модели, которая была в целом принята и самими учеными, и, что важно, закрепилась в ведомствах научной политики. От философа Карла Поппера в этой модели было понимание главного отличия науки ото всех других видов деятельности как устойчивого скептицизма: в ней никакие мнения не могут быть приняты как окончательные и все всегда должно оставаться под сомнением. Если наука этому критерию соответствует, если в

ней нет единогласия, а налицо постоянный конфликт мнений, то это служит гарантией, что в ней не закрепятся шарлатанские воззрения, так как они будут быстро разоблачены.

Основанную на этом схему работы науки Поппер описал в известном докладе «О теории объективного разума». [9]. Речь в нем шла о мирах знания. В этой схеме мир 1 – это объективное состояние действительности, человеку никогда в полной мере недоступное. В свою очередь, мир 2 – это мир субъективных мнений. В принципе, он связан с миром 1 и не может уж совсем от него оторваться, но и в пределах субъективности, укладывающейся в рамки нормального, могут существовать воззрения, заметно отклоняющиеся от реальности. А мир 3 – это результат сопоставления мира 2 с миром 1. Это сопоставление происходит, в первую очередь, в науке, где различные мнения из мира 2 сталкиваются между собой, а мир 1 выступает в роли арбитра. В результате в мире 3 остается только то, что хотя бы временно выдерживает такое сопоставление. И по мере развития цивилизации он все больше совпадает с миром 1. Скорость же такого сближения зависит от интенсивности споров в науке. Если они ослабевают, сближение замедляется.

Соответственно, возникал вопрос, как обеспечить такой постоянный конфликт. И эту составляющую модели обеспечивал социолог Роберт Мертон, который полагал, что в науке уже действуют неформальные нормы или обычаи, поддерживающие эти разногласия. Он исходил из того, что наука сложилась как сообщество энтузиастов, главный мотив которых – любознательность. Это особенные люди, что подтверждается историей науки,

показывающей, что многие из них готовы были жертвовать ради этой любознательности собственным благополучием. Люди такого рода, естественно, выступают против попыток закрыть обсуждение вопросов, которые их интересуют, и как защиту от этого они в своем сообществе принимают за норму оспаривание любых мнений. Отсюда возникает императив «организованного скептицизма», подразумевающий, что вся организация науки основана на оспаривании как норме. Как пишет Мертон: «В какой бы степени ни заключало научное исследование уже в самом себе проверяемость результатов, оно подлежит уточняющей проверке других экспертов [8, с. 779].

Скептицизм дополняется нормой универсализма – она «находит непосредственное выражение в каноне, согласно которому претензии на истину, каким бы ни был их источник, должны быть подчинены заранее установленным безличным критериям», а «согласие или отказ внести эти притязания в анналы науки не должны зависеть от личностных или социальных атрибутов их защитника» [8, с. 770-771]. Суть этой нормы – в том, чтобы исключить влияние авторитета. В соответствии с ней все утверждения в науке в равной мере открыты критике, независимо от того, кто их выдвигает – академик или студент. Никаких привилегированных спикеров, которые могут избежать критики, в науке быть не должно.

Но эти нормы могут работать, только если в научное сообщество входят люди, главным мотивом которых действительно является любознательность, а не обычные материальные человеческие интересы. Таких людей меньшинство, и наука прямо зависит от того, чтобы в нее попадали только

они, а обычные люди с обычными интересами из нее изгонялись. Это, собственно, и гарантируют нормы бескорыстности и коллективизма.

Бескорыстность означает, что «притязания ученого на свою интеллектуальную собственность ограничиваются притязаниями на признание и уважение» [8, с. 775]. В предельном виде это подразумевает, что в фундаментальной науке ученый в принципе не может быть замечен ни в каком корыстном мотиве. Если он сделал какое-то пусть даже достоверное заявление с мотивом обогатиться, например, биолог – за счет фармацевтических компаний, - ему тут же следует, как минимум, перейти в прикладную науку.

Коллективизм же означает, что в фундаментальной науке ничего нельзя присвоить. «Фундаментальные открытия науки являются продуктом социального сотрудничества и предназначены для сообщества. Они образуют общее наследие, в коем доля индивидуального производителя строго ограничена» [8, с. 775]. На открытия природных законов интеллектуальная собственность не распространяется, а как только появляется что-то, что можно сделать такой собственностью, это, опять же, сразу переводит исследование в разряд прикладной науки.

Конечно, Мертон хорошо осознал, что это идеализированная картина, но чем четче соблюдаются эти нормы, тем эффективнее наука в приближении мира 3 к миру 1. И в целом эта модель давала основание считать, что ученые, занятые фундаментальной наукой, уже имеют внутреннюю систему контроля и ее надо лишь поддерживать. Соблюдение нормы, следующих мертоновским императивам, стало типичным требованием, которое

предъявляется к ученым со стороны организаций, занимающихся финансированием фундаментальных исследований. И, собственно говоря, этот взгляд до сих пор составляет главное объяснение, почему ученым, которые не берут на себя обязательств получить и передать какие-либо осязаемые практически полезные результаты, можно доверять деньги.

Томас Кун и социология знания.

Однако в исследованиях науки эта картина начала ставиться под сомнение уже в 1960-е гг. Начало этой тенденции ассоциируется с книгой Томаса Куна «Структура научных революций», вышедшей в 1962 г. [4] Кун был историком науки, с большим уважением относившимся к Попперу и его взглядам, однако реальная история показывала, что большую часть времени ученые занимаются вовсе не опровержением друг друга, а работают как коллективы единомышленников, детализируя и уточняя теории, которые принимают как данность. Когда же споры возникают, то они воспринимаются не как норма жизни, а как полноценные мировоззренческие конфликты. И сталкивающиеся в этих конфликтах мировоззрения Кун описывал как парадигмы. Парадигма в его понимании подразумевает одновременно и метод, и теорию и особый способ смотреть на мир [14].

Самый известный пример парадигмы – это физика Ньютона, который совместил астрономические наблюдения с разработанным им математическим аппаратом и перенес установленные таким образом закономерности в меньший масштаб – к перемещению тел на Земле. И однажды приняв такой

взгляд, ученым сложно от него отказаться, потому что для этого, требуется, по сути, увидеть мир по-новому. Что ярко проявилось в начале XX века с появлением теории относительности: у очень многих выдающихся физиков взгляды, согласно которым пространство в разном масштабе и в разных точках вселенной может быть разным, искривленным, уплотненным и т.д., вызывало недоумение и нередко возмущение. Как точно отметил один из критиков «Структуры научных революций» Имре Лакатос: «С точки зрения Куна, изменение научного знания – от одной "парадигмы" к другой – мистическое преобразование, у которого нет и не может быть рациональных правил... Изменение научного знания подобно перемене религиозной веры» [6, с. 284] Смена же парадигм в научном сообществе происходит не потому, что новая парадигма лучше противостоит попыткам опровержения, а в результате разных социальных причин, чаще всего в результате смены поколений. Из этого следовало, что ученые, если и привержены истине, то не какому-то объективному миру 1, а истине так, как они ее видят. И если это так, то наука лишается своего принципиального отличия от других интеллектуальных профессий.

Хотя Кун не был социологом, с наибольшим интересом на его работу откликнулась именно социология. Популярным направлением в послевоенные годы была социология знания, которая занималась главным образом идеологиями, объясняя их, исходя из интересов тех, кто эти идеологии создает и продвигает. Однако при этом считалось, что таким образом можно объяснять только заблуждения, потому

что ими можно манипулировать. Объяснять так научное знание нельзя, потому что оно объективно и не поддается манипулированию. Против этой точки зрения выступил социолог из Эдинбургского университета Дэвид Блур, который провозгласил так называемую «сильную программу» социологии знания, сильную в том смысле, что она претендовала на объяснение всего знания, не исключая научное. «Социологию научного знания...», - пишет он, - предполагается сделать симметричной по стилю объяснения. Одни и те же причины будут использоваться для того, чтобы объяснять, например, верные и ложные убеждения». И далее поясняет: «Значение постулата симметричности заключается в том, что даже лучшие из научных достижений, наиболее высоко ценимые нами, не могли существовать в том виде, в котором они существуют, если бы не имели характера социальных институтов. И поэтому они так же подвержены социальному влиянию и так же проблематичны с точки зрения социологии, как и любой другой институт» [11, p. 164].

Этот подход основывался, в сущности, на простом наблюдении: с исторической точки зрения все научное знание может оказаться заблуждением. Например, во времена Ньютона считали, что вселенная выглядит как бесконечный трехмерный аквариум, а теперь преобладает точка зрения, что она представляет из себя «бублик» из пространственно-временного континуума. И эта теория «бублика» уже сейчас оспаривается, и, вполне возможно, в дальнейшем будет заменена какой-то другой. Таким образом, претензия на заведомую объективность со стороны

науки безосновательна, и научные знания можно рассматривать с тех же позиций, что и идеологию, то есть исходя из интересов тех, кто ее создает и распространяет.

При этом Блур, конечно же, не считал, что в науке нет вообще ничего объективного, как, впрочем, и идеология не сводится к заблуждениям. Он полагал, что там, где выводы ученого не получается объяснить его интересами, следует признать его объективность. Но признавать за ним эту объективность заранее, приписывая ему исключительную приверженность истине, оснований нет.

Этнография науки Бруно Латура

Блур и сложившаяся вокруг него школа работали с историческими случаями, на материале которых можно было показать, что у таких-то ученых во время работы над такими-то проблемами были такие-то и такие-то экономические или политические интересы, и на основе этого предположить, что они повлияли на полученные ими результаты [10]. Такой подход может давать более или менее убедительные выводы, но в конечном счете они всегда остаются предположениями. Зафиксировать, как и когда интересы вплелись в умозаключения ученого, таким образом в большинстве случаев невозможно. Добиться этого можно только наблюдая за его действиями в реальном времени, иначе говоря, с помощью включенного или этнографического наблюдения.

Пионером такого подхода стал француз Бруно Латур, который буквально отправился в экспедицию в лабораторию, занимавшуюся эндокринологией. В течение двух лет он регулярно

посещал эту лабораторию и наблюдал за ее сотрудниками. Главный трюк его подхода заключался в том, чтобы выстроить понимание работы ученых, не опираясь ни на какие предварительные знания. Как пишут Латур и его соавтор Стивен Вулгар: «Для нашей работы ключевой момент – воспринимать как непонятные и загадочные именно те аспекты научной деятельности, которые моментально принимаются как сами собой разумеющиеся» [16, p. 29]. К ученым надо было относиться так же, как какой-нибудь антрополог на островах Океании относился к туземцам, исполняющим магический ритуал. Это означает, что наблюдателю нужно признать, что сам он ничего не понимает в том, что происходит, и при этом, естественно, нельзя полагаться на объяснения туземцев. Остается только смотреть и выстраивать картину происходящего, что называется, с нуля. И применение такого подхода к науке должно было выявить механизмы, которые скрыты за идеализированными представлениями. По словам Латура и Вулгара: «Мы не придаем значения, казалось бы, очевидному превосходству работников лаборатории в технических вопросах, поскольку мы не считаем, что, для того чтобы разобраться в работе ученых, необходимо какое-то предварительное понимание. По сути, мы поступаем так же, как антрополог, отказывающийся преклоняться перед знанием первобытного колдуна» [Latour, Woolgar, p. 29]. И откровенно признают, что их взгляд «могут расценить как особенно непочтительный подход к анализу науки» [16, p. 29].

Этот анализ подытоживался следующим выводом: буквальные наблюдения за работой ученых показывают,

что ее основная цель – это производство литературы. Данная литература имеет особенный характер, проявляющийся в первую очередь в том, что она создается на основе записей, получаемых от исследовательского оборудования. В обобщенном виде работа научных аппаратов выглядит следующим образом: в них помещается что-то материальное, какая-то смесь, кусочек какого-то материала или что-то подобное, и они превращают эту материю в запись в виде чисел или диаграмм на бумаге или на дисплее. Например, в лаборатории использовались кимографы – приборы, измеряющие проводимость нервных волокон, с помощью которых фиксируют воздействие химических веществ на нервную активность в мышцах. Для этого кусочек мышечной ткани, в который введен изучаемый состав, помещается в ванночку, предусмотренную устройством прибора, в которой через эту ткань пропускается электрический ток, и эффект от этого воздействия фиксируется как кривая, которая вырисовывается на бумаге или дисплее. Но это объяснение, которое предлагается самими учеными. А с точки зрения наивного наблюдателя этот аппарат просто превращает кусочек какого-то животного в запись.

Эти записи служат основой для сообщений, которые становятся основой публикаций. По версии самих ученых, главное здесь – опубликование новых фактов, однако Латур приходит к выводу, что прежде всего их волнует, не что сообщается, а как это сообщается. Речь идет о модальности сообщения, т.е. о том, с какими сопроводительными оговорками сообщение уходит в печать.

Изначально сообщения появляются как предположения – по большей

части, они фигурируют в рабочих разговорах ученых, но иногда появляются в печати. Если же эти предположения удастся увязать с достаточным количеством записей, полученных с помощью приборов, то предположения переходят в категорию заявлений, которые уже как правило публикуются, но с оговорками, чаще всего о том, что необходимо получить дополнительные подтверждения. После же того как сообщение появилось в печати, его модальность начинает меняться главным образом в зависимости от того, насколько часто на него ссылаются другие ученые. Когда таких цитирований накапливается достаточно много, характер сопроводительной оговорки меняется. Теперь она говорит не о недостаточности, а о достаточности подтверждений. Например, «все исследования указывают на такой-то факт», или «специалисты исходят из существования такой-то закономерности». Если же количество цитирований продолжает расти, то в определенный момент сообщение переходит в разряд общеизвестных, и вот тогда его можно воспроизводить без оговорок, просто как констатацию факта. Придание такого статуса утверждения своим сообщениям и является главной целью ученых. А в итоге эти утверждения могут перейти в разряд самоочевидных, которые принимаются как данность и более не обсуждаются.

Все эти изменения протекают в так называемом полемическом поле, представляющем собой сеть противоречивых сообщений, на которых в данный момент сфокусировано внимание ученых. И авторам приходится заботиться не только о росте статуса своих суждений, но и о снижении статуса суждений, которые им противоречат.

Величина, с помощью которой измеряется успех всей этой литературной деятельности, - это признание, которое Латур определяет как своего рода валюту – аналогия особенно очевидная, учитывая, что по-английски признание это «credit». Такому «кредиту» сложно присвоить определенное количественное значение, но в целом ряде случаев он действительно используется аналогично деньгам. Признание можно разделить, например, между несколькими авторами одной публикации. Его можно использовать для «покупок», как, например, происходит, когда директора лаборатории включают в соавторы статьи и таким образом делят с ним признание за то, что он дает доступ к подконтрольному ему оборудованию. Возможны инвестиции признания: например, ученый, который считается ведущим специалистом в своей области, то есть имеет избыток признания, присоединяется к исследовательской группе, благодаря чему она может, что называется, под его имя получить какой-нибудь грант или заказ, и в случае успеха проекта все участники группы обогащаются дополнительным признанием. И от признания зависит заработок ученого, то есть, в конечном счете, этот кредит способен превращаться в реальные деньги.

В итоге у Латура складывалась вполне экономическая по своему характеру модель, которая объясняла, как работает фундаментальная наука без апелляции к какой-то особенной приверженности ученых истине. В целом, по аналогичным принципам может функционировать любая другая литературная деятельность – журналистика, остросюжетная литература и др. Главным отличием оказывалось ис-

пользование в науке оборудования, однако по «наивным» наблюдениям Латура, ученые не уделяют внимания тому, что именно делает тот или иной прибор – они просто используют производимые им записи.

Это был наиболее уязвимый момент его картины. Естественное возражение здесь заключалось в том, что использование оборудования составляет наиболее важное отличие науки, потому что именно оно дает объективные данные. Отсутствие же внимания к его устройству со стороны ученых объясняется тем, что работу по конструированию аппаратов ранее выполнили другие специалисты, а сами аппараты уже выдержали проверку «организованным скептицизмом». К тому же есть лаборатории, в которых, в отличие от той, в которой Латур вел свои наблюдения, главная задача именно разработка новых приборов.

Латур осознавал возможность такого возражения. И посвятил вопросу оборудования свою самую известную книгу «Наука в действии», в которой подчеркивает: «Если мы изучаем науку в действии, инструменты становятся важнейшими элементами исследования наряду с научными текстами; это то, к чему неизбежно приходит всякий несогласный» [7, с. 121]. Он указывает, что использование любого прибора предполагает существование согласия среди ученых относительно того, что именно этот прибор делает. Если же «наивный наблюдатель» будет на каждом шагу просить объяснить, что тут происходит, то, во-первых, объяснения займут много времени, во-вторых, выяснится, что любой прибор опирается на множество теорий, подтвержденных с разной степенью убедительности, и, в-третьих, ученые довольно быстро

начнут сопротивляться подобным распросам. Это сопротивление вполне объяснимо, так как этими распросами можно парализовать любую научную работу. Но, если таким социальным способом можно заблокировать применение любого аппарата, то так же можно и утвердить его социальным путем, сделав нормой безоговорочное принятие его показаний.

С вопроса же о том, как делается выбор между бесконечной критикой или молчаливым согласием, начинается вызывающий наибольшие споры поворот мысли Латура. Чтобы показать, насколько все процессы в науке, которые считаются объективными, смешаны с социальными процессами, он вводит понятие актанта. В общих чертах, под актантами подразумеваются силы природы. Ученые считают, что апелляция к таким силам должна прекращать дискуссию. Оспаривать их действие бессмысленно: если кто-то демонстрирует падение под действием силы притяжения, никакие споры не могут это изменить. По Попперу, таким образом мир 1 говорит свое веское слово. Но Латур считает, что появление актанта лишь меняет соотношение сил в споре, совершенно не обязательно обеспечивая решающий перевес. Спор просто продолжается с участием актанта.

Эту метафору актанта как участника спора Латур разворачивает до предела. Один из самых известных его примеров – спор французских биологов Луи Пастера и Феликса Пуше о появлении микробов [Latour]. Пастер, как известно, утверждал, что микробы могут происходить только от других микробов, Пуше же придерживался распространенного в XIX в. воззрения, что они могут зародиться из воздуха.

Пастер доказывал свою теорию следующим экспериментом: сахарный раствор с разведенными в нем дрожжами кипятился в колбе с изогнутой трубкой, через которую в раствор мог проникнуть воздух, в то время как микроорганизмы в силу конструкции трубки проникнуть не могли, и, соответственно, после кипячения микроорганизмы в этом питательном растворе больше не появлялись.

Однако Пуше утверждал, что в его эксперименте жизнь внутри колбы возрождалась. Оба, Пастер и Пуше, были признанными учеными, и для разрешения их спора дважды созывалась комиссия Французской академии наук. Проблема заключалась в том, что ни эксперимент Пастера, ни эксперимент Пуше не ставился под сомнение, оба считались заслуживающими доверия. И академики должны были решить вопрос, исходя из каких-то других, не экспериментальных соображений. На которые, конечно, влияло то, что Пастер сам был академиком и парижанином, как и большинство академиков, а Пуше членом-корреспондентом и провинциалом. К тому же Пастер пользовался поддержкой французской аристократии и лично императора Луи Бонапарта. В результате оба раза решение принималось в его пользу. В дальнейшем же выяснилось, что на самом деле Пастер и Пуше имели дело с разными микроорганизмами. Пуше использовал не сахарный дрожжевой раствор, а настой сена. И если дрожжевой грибок при кипячении погибает, то живущая в сене сенная палочка выдерживает температуру до 160 градусов.

Это удобное для ученых описание истории, в котором разделяется то, что решение в пользу Пастера могло быть принято по политическим причинам, и

то, что он объективно оказался прав. По Латуру же, это искусственное разделение. В его версии и Пастер, и Пуше, как любой ученый, занимались продвижением своих сообщений с целью добиться от других ученых повторения этих сообщений, означающего их подтверждение. Но, помимо них, нужно заставить подтверждать эти сообщения еще и природные силы – актантов. Говорить они не могут, поэтому подтверждают суждения своим поведением. Пастер добился того, что его сообщения подтверждали дрожжевой грибок, а Пуше заручился поддержкой сенной палочки. Голоса грибка и палочки уравнивали друг друга, но Пастер обладал еще и поддержкой аристократии, благодаря которой склонил на свою сторону Академию наук. А в дальнейшем ему удалось добиться от сенной палочки, чтобы она отвернулась от Пуше и выступила в его пользу, для чего пришлось нагреть ее до 160 градусов.

Разумеется, в этом описании есть ирония. Латур откровенно ехидничает, изображая соперничающих ученых как колдунов, которые призывают себе в помощь различные безмолвные силы. Однако это описание оказывается внутренне последовательным и показывает, что весь научный процесс, включая его техническую составляющую, в принципе, можно изобразить как переговоры и заключение союзов, иначе говоря, как социальный процесс. И в определенном смысле Латур наносит встречный удар со стороны гуманитарных наук в ответ на попытки реформировать их по аналогии с естественными и точными – он, напротив, предлагает рассматривать все науки на основе гуманитарных подходов, в первую очередь, этнографического.

Эпистемические культуры Карен Кнорр-Сетины

Дальнейшее развитие этнографический подход к исследованию науки получил, в первую очередь, у немецкого социолога Карен Кнорр-Сетины, которая восприняла положение «сильной программы» о том, что научное знание отражает интересы его автора, и поставила задачу зафиксировать, как эти интересы вмешиваются в научный процесс. Вместе с коллегами она провела два детальных исследования: на адронном коллайдере в ЦЕРН и в одной небольшой немецкой биохимической лаборатории. Результаты она изложила в книге «Эпистемические культуры» [13].

Под эпистемическими культурами подразумевались культуры истины или, точнее, культуры удостоверения. Смысл этого термина заключался в том, что, по наблюдениям Кнорр-Сетины, исследовательские практики различных научных дисциплин сильно различаются между собой. И, более того, дистанция между этими дисциплинами и другими интеллектуальными профессиями – медициной, юриспруденцией, бухгалтерским учетом – зачастую оказывается не больше, чем между самими научными дисциплинами. Этот момент, по сути, ставит под сомнение, что существует некая единая наука, которая принципиально отличается от всех других видов деятельности. И Кнорр-Сетина считает оправданным объединить их все под одной категорией эпистемических культур.

Главное в любой такой культуре – это процедура верификации данных. В науке принято считать, что главная

практика – это эксперимент. Но, как выясняется, эксперименты в разных дисциплинах могут оказаться совершенно не похожими друг на друга. По наблюдениям Кнорр-Сетины существует, по крайней мере, три вида экспериментальных подходов, которые различаются «с точки зрения того, используют ли они технологию соответствия, технологию воздействий и вмешательств или технологию репрезентаций» [13, р. 33].

«Технология соответствия» предполагает буквальное воспроизведение реальности в контролируемых условиях, как это предполагается, в частности, в социальной психологии. К примеру, психологи, занимающиеся проблемами коммуникации в суде, будут пытаться максимально приблизить экспериментальную имитацию судебного заседания к настоящему заседанию.

«Технология воздействий и вмешательств» характерна для биологии. Она предполагает вычленение отдельных процессов, которые в естественных условиях невозможно наблюдать в отрыве от множества сопутствующих явлений. Например, экспериментаторы воздействуют на подопытное животное с помощью какого-то химического состава и наблюдают за тем, как этот состав влияет на животное, по возможности, в изоляции от других веществ.

И «технология репрезентаций» – это создание явлений, которые невозможно наблюдать в природе, но протекание которых предполагается научными теориями. В эту категорию попадает физика субатомарных частиц, и характерным примером служит как раз коллайдер, который создает и одновременно фиксирует явления, которые нигде больше возникнуть не могут.

Задачей Кнорр-Сетины было об-

наружить, как в эти процедуры проникают интересы ученых. Чтобы сфокусировать наблюдение, она посчитала нужным выделить какой-то один главный интерес, который бы распространялся на всех ученых. И учитывая, что сейчас практически вся научная работа ведется профессиональными исследователями, для которых научная работа – основной источник дохода, их главный интерес определяется просто – продолжение этой работы. Продолжить же ее можно, получая подтверждения своих гипотез, в то время как их опровержение чаще всего прекращает развитие того или иного исследовательского направления. Соответственно, у ученых есть интерес не просто проверять свои гипотезы, а искать их подтверждения. И, таким образом, наблюдение было направлено на обнаружение уклона в сторону подтверждений.

Кнорр-Сетину интересовали эксперименты второго и третьего типа, характерные для естественных наук. И в качестве примера «технологии воздействий» она разбирает процедуру микроинъекции, которая используется в изучении влияния генов на организмы. Это одна из наиболее стандартизированных процедур в молекулярной биологии, которая заключается в том, что у беременной мыши извлекают зародыши на ранней стадии развития, когда они еще состоят из нескольких десятков или сотен клеток. В эти клетки вводится новый генный материал, после чего он пересаживается в другую мышь, которая вынашивает зародыш до рождения. Для каждой стадии этой процедуры существуют детальные инструкции, и, по идее, исследователь должен, следуя им, имплантировать гены, а затем просто фиксировать результаты. Однако, как

выяснила Кнорр-Сетина, на практике все происходит совсем не так.

Прежде всего, осуществление всех этих процедур требует тонких моторных навыков, и практически любой биолог может рассказать о коллегах, которым никак не давалась такая работа – они портили образцы, губили подопытных животных и т.д. Естественно, им приходилось менять специализацию. Но проблема здесь в том, что этот момент уже ставит под сомнение объективность. Если процедуру могут воспроизвести лишь немногие индивиды, обладающие редкими навыками, это накладывает существенные ограничения на возможность объективной проверки результатов этой процедуры.

Но этим проблемы не ограничивались. Даже у способных экспериментаторов трансплантация генов в большинстве случаев не дает нужного результата: ген не приживается, зародыш не развивается и т.д. И даже когда трансгенная мышь все же рождается, она может не демонстрировать никаких новых свойств или демонстрировать ненужные экспериментаторам свойства. Все эти случаи забраковываются, и выбираются лишь редкие примеры, которые соответствуют изначальным ожиданиям. Таким образом, выясняется, что вся работа направлена не на нейтральное наблюдение естественно развивающегося процесса, а на целенаправленное получение запланированных эффектов.

Кнорр-Сетина совершенно не пытается сказать, что полученные таким образом результаты являются подложными. Но сама экспериментальная процедура очевидно не дает никаких гарантий, что они не подделываются. Нужные результаты получаются исключительно благодаря постоянному

вмешательству экспериментатора, который имеет явной целью подтверждение изначальной гипотезы.

В свою очередь, в экспериментах третьего типа, которые работают с предполагаемыми явлениями, все основано на измерении с помощью приборов. И, казалось бы, техническое измерение – процедура, в которую сложно вмешаться. Однако наблюдения за тем, как работают физики на коллайдере, опять же, вскрывают непрерывное вмешательство.

В самых общих чертах коллайдер функционирует примерно следующим образом. В специальном туннеле с помощью последовательного включения магнитов частицы водорода разгоняются почти до скорости света и сталкиваются в специальных камерах, где в результате «раскалываются» на составные. Эти явления фиксируются путем замера проводимости и других характеристик специально подобранных материалов, от кремния до различных газов, в которые попадают составные частицы атомов.

Вся система конструируется далеко не только из соображений наибольшей эффективности. ЦЕРН – это международная организация, зависящая от поддержки стран-участниц, каждая из которых представлена группой ученых. Мнения же об оптимальных технических решениях у этих групп разные, и по признанию физиков, на интервью с которыми опиралась Кнорр-Сетина, выбор между разными подходами часто делается с целью удовлетворить претензии той или иной группы и тем самым обеспечить дальнейшую поддержку представляемого ей государства. В результате уже в самом устройстве коллайдера отражается интерес в продолжении исследовательской работы.

Когда же коллайдер работает, его детекторы, насчитывающие десятки миллионов каналов считывания, ежесекундно производят петабайты числовых данных. Целиком этот массив никто никогда не видит – он сразу же обрабатывается с помощью алгоритмов отбора показаний, приблизительно соответствующих предполагаемым свойствам частиц, которые пытаются зафиксировать. А затем отобранные данные уже с участием людей сопоставляются с ранее построенными моделями.

В итоге получается, что есть теория, которая утверждает, что существуют частицы, ведущие себя определенным образом, и есть сконструированное на основе этой теории оборудование, работу которого невозможно перепроверить – эти явления можно получить только в коллайдере. Он же выдает гигантскую лавину данных, из которой отбирается малая часть, более-менее соответствующая теории, а затем и из этих данных вручную подбираются те, которые уже могут служить подтверждением исходной гипотезе.

Надо сказать, что Кнорр-Сетина не занималась разоблачениями. Она не опубликовала ничего, что сами физики как-то пытались бы скрыть. Но несмотря на то, что она и другие этнографы науки не разгласили ничего тайного, их публикации явно противоречили идеализированной картине, которую продвигают сами ученые. И это вызывало с их стороны недовольство.

Научные войны

Самым известным эпизодом выражения этого недовольства были так называемые «научные войны» - конфликт, который развернулся в научной печати в США в 1990-е гг. Его старт свя-

зывают с изданием в 1994 г. книги биолога Пола Гросса и математика Нормана Левита «Высшее суеверие» с подзаголовком «Ссоры университетских левых с наукой» [12]. Общий посыл книги заключался в том, что современная социология науки и СТС – это политизированное нападение на естественную науку. Центральную идею этого направления Гросс и Левитт видели в том, что любой текст должен рассматриваться как отражающий интересы его автора, но при этом маскирующий их. И даже самые абстрактные научные тексты не являются исключением.

Такие тексты служат интересам ученых, среди которых преобладают белые мужчины, то есть, с точки зрения критиков науки, представители правящего класса, расово-культурной гегемонии и патриархата. Соответственно, их главный интерес расценивается как защита своего привилегированного положения, а значит сохранение существующей системы господства. Гросс и Левитт считают такую картину очевидно ошибочной, указывая на то, что среди ученых, вообще-то, определенно преобладают люди левых взглядов, которые открыто выступают за реформирование существующей политической системы.

Надо сказать, что книга не была адресно направлена против этнографии науки, и Кнорр-Сетина в ней вообще не упоминается. Но вот Латур фигурировал в ней как один из тех, кого авторы обозначили в качестве оппонентов науки. Другим исследователем, упомянутым в «Высшем суеверии», был Эндрю Росс, профессор Нью-йоркского университета и редактор журнала «Social Text». В ответ на критику он с коллегами подготовил специально посвященный этой теме выпуск журнала, в котором и появилось обозначение

этого конфликта как «научных войн». И как раз в этом выпуске была опубликована статья физика Алана Сокала с причудливым названием «Преступная границы: к трансформирующей герменевтике квантовой гравитации» [20].

Сразу после выхода номера Сокал опубликовал в другом журнале заметку, в которой заявил, что умышленно включил в статью в «Social Text», целый набор утверждений, очевидно абсурдных для любого физика [19]. И то, что наполненный бессмыслицей текст был опубликован, он считал наглядным подтверждением безграмотности коллектива журнала, в который, помимо Росса, входил целый ряд фигур, пользующихся признанием в СТС.

Тот же факт, что статья была опубликована, Сокал объяснял тем, что он сыграл по правилам, которых на самом деле придерживается сообщество критиков науки: он успешно перенял их специфический язык, хотя, как он отмечает, далось ему это с трудом; он включил в текст цитаты всех главных гуру – Мишеля Фуко, Жака Деррида и других, причем обильно снабдив их восторженными комментариями; и он наполнил статью отсылками к характерным для культурных исследований догмам: «вся наука – это идеология», «научное знание – это отражение властных отношений», «наука не имеет преимуществ перед другими системами знания» и др. Все это продемонстрировало, что гуманитариям самим свойственна политизированность, в которой они обвиняют ученых: статью о физике, абсолютно непригодную с точки зрения физики, опубликовали, потому что она соответствовала групповым интересам и вписывалась в защищающую эти интересы доктрину – по языку, по названным авторитетам и по политическим установкам.

Несмотря на заметность этой истории, никаких существенных изменений в гуманитарных науках она не повлекла. Через двадцать лет в 2017 г. история фактически повторилась. На этот раз три автора, философ Питер Богосян, математик Джеймс Линдсей и журналистка Хелен Плакроуз, устроили новый розыгрыш, который стал известен как «grievance studies» – «жалобные исследования» или «жалобоведение» – или как «Сокал в квадрате». По мнению этой компании, гуманитарные исследования превратились в сплошной поток жалоб на несправедливость в отношении известного набора групп. И любое воспроизведение этих жалоб автоматически принималось как научный текст, заслуживающий опубликования.

Богосян, Линдсей и Плакроуз подготовили целых двадцать статей, которые направили в различные гуманитарные журналы. Семь из них были сразу приняты к публикации. Однако операцию пришлось прервать, потому что, в отличие от Сокала, они пользовались вымышленными именами, и от них начали требовать подтвердить личность авторов.

На этот раз статьи не затрагивали естественную науку, но содержали явно провокативные вещи, заметные даже в заголовках – в том числе: «Реакция людей на культуру изнасилования и квир-перформативность в городских парках для собак в Портленде, штат Орегон» и «Наша борьба – моя борьба: солидарный феминизм как интерсекциональный ответ на неолиберальный и выборный феминизм». Второе название отнюдь не случайно – статья представляла собой переписанный в духе «гендерных исследований» отрывок из

книги «Моя борьба» Адольфа Гитлера¹, в котором рассуждения о националистическом движении заменялись рассуждениями о феминистском [17].

Заключение. Эти розыгрыши стали эффективным ходом, и указали на серьезные проблемы с квалификацией представителей гуманитарных специальностей, но при этом они, в общем-то, никак не отменяют проблемы естественных наук, о которых писали, в частности, Латур и Кнорр-Сетина. Со стороны же вся дискуссия «научных войн» продемонстрировала черты, характерные для религиозного конфликта: фактически спор идет о том, кто имеет лучший доступ к истине. В естественной науке утверждается, что ученые обладают особой любознательностью и особой приверженностью истине, гарантируемыми в том числе обычаями научного сообщества – по Мертону, – которые обеспечивают возможность самоуправления в фундаментальной науке. В гуманитарных же исследованиях примерно с 1970-х гг. распространение получила марксистская по своему происхождению точка зрения, что объективность как таковая невозможна, так как человек всегда связан интересами групп, к которым он принадлежит, а объективным может быть лишь тот, чьим групповым интересам эта объективность соответствует. Поскольку же «science and technology studies», как и более широкое движение «культурных исследований» – «cultural studies», по мнению их участников, работают в интересах угнетенных классов, они имеют мотив разоблачать идеологию, которая скрывает подлинное положение дел в интересах классов привилегированных. Позиция, согласно которой прогрессивная интеллигенция может на

деле связать себя с интересами угнетенного класса, принадлежит к наиболее уязвимым из марксистских тезисов: его оспаривал уже Михаил Бакунин, считавший, что преобладание в коммунистическом движении буржуазных интеллигентов указывает на то, что его цель – переход власти именно к этой социальной группе [2]. Однако с опорой на положения об «органической интеллигенции» Антонио Грамши утверждение возможности представлять класс легло в основу неомарксистского движения в гуманитарной науке, развернувшегося в 1970-е гг. [1], которое затем влилось в более широкое движение постмодернизма. С последним напрямую связаны в том числе и СТС, целью которых стало разоблачение претензии на нейтральность ученых в естественных дисциплинах как одной из групп правящего класса.

В целом, ситуация складывается таким образом, что обе стороны приписывают себе эксклюзивную способность к объективному анализу. Эта способность служит основанием претендовать на общественную поддержку своей профессиональной, то есть оплачиваемой обществом деятельности. При этом участники конфликта и с естественнонаучной, и с гуманитарной стороны активно сопротивляются применению критического взгляда к самим себе. В итоге развитие этой дискуссии может служить иллюстрацией того, что системы знаний, которые развиваются самоуправляемыми, по сути, замкнутыми в себе сообществами, в данном случае университетскими, имеют сильную тенденцию к догматизации и отторжению того скептицизма, о котором говорили Поппер и Мертон.

¹ Внесена в Федеральный список экстремистских материалов Минюста России и запрещена к распространению.

Список литературы

1. Антюхова Е.А., Крынжина М.Д. Интеллигенция в неограмшианском прочтении и глобальной политэкономической практике // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 8-24.
2. Бакунин М. А. Кнуто-германская империя и социальная революция. М.: URSS, 2020. 112 с.
3. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост.: Атнашев Т., Велижев М. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 366 с.
5. Куренной В. А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. №1. С. 14-79.
6. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. В кн.: Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008. С. 281-462.
7. Латур Б. Наука в действии. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
8. Мертон Р. Наука и демократическая социальная структура. В кн.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 767-781.
9. Поппер К. О теории объективного разума. В кн.: Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: УРСС, 2002. С. 153-186.
10. Barnes B., Edge D. Science in Context. Milton Keynes: The Open University Press, 1982. 371 p.
11. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Secon Edition. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. 203 p.
12. Gross P., Levitt N. Higher Superstition. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1998. 348 p.
13. Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 352 p.
14. Kuhn T. The Essential Tension. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 366 p.
15. Latour B. Pasteur and Pouchet: The Heterogenesis of the History of Science. In: Serres M. (ed.) A History of Scientific Thought: Elements of a History of Science. Cambridge: Blackwell, 1995. P. 526-555.
16. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 294 p.
17. Lindsay J., Boghossian P., Pluckrose H. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship // Areo Magazine. URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> Accessed: 12.03.2024
18. Skinner Q. Visions of Politics. Volume 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 209 p.
19. Sokal A. Revelation: A Physicist Experiments with Cultural Studies. In: The Sokal Hoax. Edited by the editors of Lingua Franca. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000. P. 49-53.
20. Sokal A. Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity. In: The Sokal Hoax. Edited by the editors of Lingua Franca. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000. P. 11-47.

THEORETICAL PROBLEMS OF SELF-ORGANIZATION OF BASIC SCIENCE: A HISTORICAL RETROSPECTIVE

The article examines theoretical problems of self-organization of basic science in the historical perspective, including the influence of sociology of science and ethnographic approach on the ideas about the formation of scientific knowledge. The key concepts characterizing science as a self-regulating system, which were proposed by K. Popper and R. Merton, as well as critical approaches developed within the framework of science and technology studies (STS) are analyzed. The article focuses on the works of T. Kuhn, D. Bloor, B. Latour and K. Knorr Cetina, who question the idea of science as an endeavor aimed solely at the formation of objective knowledge and governed by the internal norms of the scientific community. Emphasis is made on the polemical episode known as “science wars”, which reflected the disagreement of natural sciences and humanities regarding the objectivity of scientific knowledge and its social conditionality. The article analyzes the humanities' critique of scientific knowledge and the natural scientists' counter-arguments, including the “Sokal hoax.” The conflict between the self-representation of natural sciences and critical approaches in the humanities demonstrates the tendency of academic communities to lock themselves within their own worldviews and slip into dogmatization.

Keywords: sociology of science, science ethnography, self-organization of science, science policy, science wars

References

1. Antyukhova E.A., Krynzhdina M.D.. *Intelligentsiia v neogramshianskom prochtenii i global'noi politekonomicheskoi praktike* [Intelligentsia in neo-Gramscian readings and in global political-economic practice] // *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2025. No. 2. P. 8-24.
2. Bakunin M.A. 2020. *Knuto-germanskaia imperiia i sotsial'naia revoliutsiia*. [Knuto-German Empire and social revolution] Moscow: URSS. 112 p.
3. *Kembridzhskaia shkola: teoriia i praktika intellektual'noi istorii* [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history]. Compiled by: Atnashev T., Velizhev M. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2018. 632 p.
4. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: AST, 2003. 366 p.
5. Kurennoi V. A. *Issledovatel'skaia i politicheskaia programma kul'turnykh issledovaniy* [Research and political program of cultural studies] // *Logos*. 2012. No. 1. P. 14-79.
6. Lakatos I. *Fal'sifikatsiia i metodologii nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes]. In: Lakatos I. *Izbrannye proizvedeniia po filosofii i metodologii nauki*. Moscow: *Akademicheskii proekt*, 2008. P. 281-462.
7. Latour B. *Nauka v deistvii* [Science in action]. Saint-Petersburg: *Evropeiskii universitet in Saint-Petersburg*, 2013. 414 p.
8. Merton R. *Nauka i demokraticheskaia sotsial'naia struktura* [Science and democratic social structure]. In: Merton R. *Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura*. Moscow: AST, 2006. P. 767-781.
9. Popper K. *O teorii ob"ektivnogo razuma* [On the theory of the objective mind]. In: Popper K. *Ob"ektivnoe znanie. Evoliutsionnyi podkhod*. Moscow: URSS, 2002. P. 153-186.
10. Barnes B., Edge D. *Science in Context*. Milton Keynes: *The Open University Press*, 1982. 371 p.

11. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Secon Edition. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. 203 p.
12. Gross P., Levitt N. Higher Superstition. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1998. 348 p.
13. Knorr Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 352 p.
14. Kuhn T. The Essential Tension. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 366 p.
15. Latour B. Pasteur and Pouchet: The Heterogenesis of the History of Science. In: Serres M. (ed.) A History of Scientific Thought: Elements of a History of Science. Cambridge: Blackwell, 1995. P. 526-555.
16. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 294 p.
17. Lindsay J., Boghossian P., Pluckrose H. Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship // Areo Magazine. URL: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/> Accessed: 12.03.2024
18. Skinner Q. Visions of Politics. Volume 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 209 p.
19. Sokal A. Revelation: A Physicist Experiments with Cultural Studies. In: The Sokal Hoax. Edited by the editors of Lingua Franca. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000. P. 49-53.
20. Sokal A. Transgressing the Boundaries: Towards a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity. In: The Sokal Hoax. Edited by the editors of Lingua Franca. Lincoln: University of Nebraska Press, 2000. P. 11-47.

Об авторах

Глаголев Владимир Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии им. А. Ф. Шишкин, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: kfmgimo@gmail.com

Коннов Владимир Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии им. А. Ф. Шишкин, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Glagolev Vladimir S. – Doctor of Philosophy, Professor, A.F. Shishkin Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: kfmgimo@gmail.com

Konnov Vladimir I. – Doctor of Philosophy, Professor, A.F. Shishkin Department of Philosophy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

УДК 94(73)"1863/1870"

Калашников А.В., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ И КОНГРЕССОВСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮГА И АМЕРИКАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (1863-1870 ГГ.)

В статье рассматривается применение федерального законодательства на Юге США во временных промежутках президентской (1863-1867 гг.) и конгрессовской (1867-1870 гг.) Реконструкции. После окончания Гражданской войны американское государство столкнулось с проблемой интеграции мятежных штатов в прогрессивную систему законодательства победившего Севера. Статья охватывает хронологические рамки первого периода эпохи. Исследование представляет собой новый взгляд на роль личности в исторических событиях на Юге США, а также на влияние традиционных политических партий на развитие ситуации. Отражена роль интересов и самостоятельного участия чернокожего населения в описываемых процессах. Ключевым методом работы был выбран системный подход, позволяющий раскрыть заявленную тему наиболее полно. Исследование основано на сравнении источников указанного периода — Актов Реконструкции, президентских Прокламаций. На основе рассмотренного материала делается вывод, что неожиданные политические перемены в руководстве страны и правящей на тот момент Республиканской партии, а также неучтённая местная специфика вследствие непродуманности заставили отказаться от первоначальных планов и существенно изменить смысл, а иногда и само содержание принимаемых актов. Таким образом, в конечном итоге данные обстоятельства способствовали поражению политики Реконструкции на Юге.

Ключевые слова: Реконструкция, Линкольн, Джонсон, республиканцы, демократы, Бюро вольноотпущенников, конвенты.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-37-53

Введение. Длившаяся без малого 4 года гражданская война поставила перед американским правительством ряд важных вопросов, среди которых особо остро стояла интеграция южных штатов в победившую правовую систему. В США в период послевоенной Реконструкции Юга (1865-1877) существенные изменения претерпели государственное устройство, правовая система и система основных прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время исследователей волнует вопрос о том, каким образом происходило законодательное регулирование в отношении Юга США в послевоенный период. Однако наряду с

многочисленными изданиями сборников сводов законов США, нормативных актов, регулирующих деятельность Конгресса, Президента, органов государственного управления, судов, а также касающиеся гражданских прав, избирательной системы и др., следует признать, что в силу различных причин на сегодняшний день не существует единого, переведённого на русский язык сборника законодательства Соединённых Штатов эпохи Реконструкции. Очевидно, что на данный момент времени тема законодательного регулирования Реконструкции Юга требует дальнейшего изучения, а накопленный материал - структурирования и обобщения.

В течение последующих 150 лет с момента описываемых событий историки Соединенных Штатов всесторонне изучали различные аспекты этого социального явления, создали множество концепций и теорий, объясняющих один из самых сложных этапов развития американского общества.

Размах этих исследований не сокращается и на сегодняшний день. Отечественный исследователь И. Соков приводит данные, что за период празднования 150-летия упомянутого события (2015-2016 гг.) только в США было опубликовано по теме Гражданской войны и Реконструкции 507 монографий, 1 794 статьи в академических журналах, 1 603 статьи в периодических журналах, 8 159 статей в газетах [8, с. 226].

Направление современных исследований политической и экономической истории Гражданской войны и Реконструкции представлено монографией Джозефа П. Рейди [16]. Утверждения исследователя строятся на опровержении устоявшегося взгляда на то, что рабство в США было отменено одним актом или рядом актов (законы о Конфискации 1861-1862 гг., Предварительная и Заключительная Прокламация эмансипации от сентября 1862 г. и января 1863 г., Тринадцатая поправка к конституции США от 31 января 1865 г.) неточно, это был длительный и незаконченный по времени процесс, перешедший в сегрегацию.

В связи с этим нельзя не отметить утверждение современного историка Гарварда Чарльза Харриса Уэсли: "Никто не может сказать, в какой день месяца или месяц года было отменено рабство в Соединенных Штатах"; скорее, "цепи рабства были постепенно ослаблены"». Вывод автора состоит в

том, что эмансипация военного времени не стала полным политическим освобождением, не говоря уже о более тягостном экономическом положении, в котором бывшему рабу надо было брать ответственность за содержание семьи: искать не только работу, но жилище для себя и членов своей семьи. Государство не взяло на себя никаких социальных обязательств. Данный подход в уточнении исторической памяти развенчивает еще один устоявшийся миф, что поработанные и свободные афроамериканцы были пассивными объектами действий других людей (например, президента А. Линкольна) [8, с. 230].

Объекты и методы исследования. Объектом данного исследования выступает законодательство периода президентской и конгрессовской Реконструкции. Предметом исследования является применение законодательства в период президентской и конгрессовской Реконструкции;

Хронологические рамки определяются, периодом президентской и конгрессовской или радикальной Реконструкции – 1863 г. начало и конец – 1870 г.

Методологической основой исследования стал системный подход, что предполагает ориентацию исследователя рассматривать в тесной связи историю с политологией и экономикой.

Историко-сравнительный метод использовался при сравнении двух планов Реконструкции и выявления различий.

Хронологический метод использовался для датировки и выстраивания очередности в основных событиях, касающихся принятия Актов Реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Обсуждение планов вхождения южных штатов в правовую систему США, получивших название Реконструкции,

обсуждалось ещё во время гражданской войны. В тот момент правовые споры были сосредоточены на том, было ли отделение юридически обоснованным, каковы были последствия отделения для природы отделившихся штатов и каков был законный способ их возвращения в Союз.

Во время войны 16-й президент США Авраам Линкольн осуществлял данную политику по двум направлениям - создание реконструкционного правительства в нескольких южных штатах — Теннесси, Арканзасе и Луизиане, и предоставление земли для бывших рабов в Южной Каролине.

Первый указ, изданный 22 сентября 1862 г., объявлял свободными всех рабов в любом штате КША, не возвратившемся в состав США до 1 января 1863 г. Мятежным штатам ставился 100-дневный ультиматум. С 1 января 1863 г. все те, кто содержался в качестве раба в каком-либо штате или части штата, население которого участвует в мятеже против Союза, отныне и навсегда становились свободными. Бывшие рабы получали статус "вольноотпущенника", что автоматически отменяло Первый и второй Законы о конфискации и окончательно прояснило юридический статус более 100,000 бывших рабов [12].

Во второй части указа, изданного 1 января 1863 г., назвал 10 отдельных штатов, на которые будет распространяться отмена рабства: Арканзас, Техас, Луизиана (кроме 13 приходов, которые контролировали федералы), Миссиссипи, Алабама, Флорида, Джорджия, Южная Каролина, Северная Каролина и Вирджиния (исключая 48 округов, сформировавших Западную Вирджинию, и 7 других округов

штата, находящихся под контролем северян). Таким образом, около 4,000,000 негров в 10 мятежных штатах объявлялись свободными. В прокламации не был упомянут оккупированный и управляемый военной администрацией штат Теннесси со столицей в Нэшвилле. Однако на 500,000 рабов в 4 рабовладельческих штатах (Мэриленд, Дэлавер, Миссури и Кентукки), находившихся на тот момент в составе США, эта прокламация не распространялась [12].

Началом осуществления политики Реконструкции стоит считать момент, когда рабовладельческий Юг оказался во власти федеральной армии.

8 декабря 1863 года президент США издал Прокламацию об Амнистии и Реконструкции, амнистия по которой носила практически всеобщий характер. Она не распространялась только на категорию лиц, которые лишались избирательных прав и права занимать государственные должности. Под эти исключения попадали: высшие должностные лица КША; чиновники дипломатического ведомства Конфедерации и агенты КША за рубежом; офицеры чином выше полковника армии или лейтенанта флота КША; военные, уволившиеся из армии США и поступившие на службу в армию Конфедерации; лица, покинувшие Конгресс США и судебные должности, чтобы примкнуть к мятежу; а так же лица нарушившие законы войны по отношению к пленным [14].

В этот момент существенную роль в развитии ситуации сыграл Гомстед-акт, принятый 20 мая 1862 г. Он позволил решить один из самых острых вопросов довоенного периода — аграрный. Остававшиеся в руках государства свободные земли были в

короткие сроки отданы в частные руки на чрезвычайно льготных условиях.

Согласно акту, любой человек, являющийся главой семьи, который прибыл в страну в возрасте 21 года, является гражданином Соединённых Штатов или заполнил декларацию-заявление о своём намерении стать таковым и который никогда не поднимал оружия против правительства США и не оказывал помощи его врагам, получал начиная с 1 января 1863 г. право вступить во владение земельным участком. Размеры участка не должны были превышать 160 акров (чуть более 70 га).

Согласно закону, лицо, желавшее купить землю, должно было в течение 5 лет её обрабатывать и вести сельскохозяйственные работы. По истечении указанного срока или в любое время в течение последующих 2 лет лицо, вступившее во владение, или его наследники получали указанный земельный надел в собственность. Стоит отметить, что на право на получение гомстеда также могли претендовать и лица негритянского происхождения, если они 2 недели участвовали в войне на стороне Севера [10].

Согласно Закону о негритянских усадьбах, в ряде южных штатов предполагалось раздать землю освобожденному чернокожему населению. Так, в Арканзасе эта цифра составляла 9 898 012,70 акров, в Алабаме - 5 732 038,08 акров, во Флориде - 9 379 365,61 акров, Луизиана выделяла 6 228 102,45 акров, а Миссисипи – соответственно 4 760 746,03 акров [20].

Продолжая подводить почву под освобождение от рабства, 4 марта 1865 г. Конгресс учредил Бюро по делам беженцев, вольноотпущенников и брошенных земель, широко известное как «Бюро вольноотпущенников». Бюро

работало вплоть до своего расформирования в 1872 г. Целью создания этого органа являлось предоставление бывшим рабам продовольствия и медицинской помощи, а также защита трудовых прав через помощь на рабочем месте. Оно старалось следить за тем, чтобы бывшие рабы получали справедливую заработную плату и могли свободно выбирать работодателей.

Бюро создало специальные суды для разрешения споров между чернокожими работниками и их белыми работодателями. Оно также могло вмешиваться в другие дела, угрожавшие правам вольноотпущенников.

В заслугу деятельности Бюро можно поставить открытие школ для вольноотпущенников. К 1870 г. четверть миллиона чернокожих детей и взрослых посещали более 4000 таких школ на Юге [20].

Однако после убийства президента Линкольна в правительстве Соединённых Штатов ощущалась потеря основной фигуры, заинтересованной в компромиссе с южанами [5, с. 43]. Во многом именно с этим событием связано существующее среди исследователей разделение первого периода эпохи Реконструкции на два временных промежутка.

Президентская, или умеренная Реконструкция (8 декабря 1863 г. — 2 марта 1867 г.) характеризуется осуществлением, одного за другим, двух планов преобразований: предложенного А. Линкольном 8 декабря 1863 г., и вынужденного — он был сформулирован новым президентом Эндрю Джонсоном 29 мая 1865 г.

Новый президент также издал Прокламацию об Амнистии и Реконструкции, прощавшей всех сторонников Конфедерации в обмен на клятву

верности США. Однако в ней перечислялись 14 "классов", на которых эта простая процедура не распространялась. Для сравнения – в прокламации Линкольна их было только 8 [14]. Под эти исключения теперь также попадали: лица, участвующие в мятеже и владеющие имуществом на сумму более 20,000 долл.; офицеры, закончившие Вест-Пойнт и военно-морскую академию США; лица, участвующие в рейдерстве и причинившие вред торговле США; лица, вновь принявшие присягу по амнистии от 8 декабря и нарушившие её. Большинство лиц из этого списка могло рассчитывать на амнистию, только обратившись с просьбой о помиловании к президенту [19].

Ужесточение условий прощения и помилования, по сравнению с предыдущей прокламацией, связано с окружением президента Джонсона, которое опасалось, что политики Юга снова начнут влиять на политику Вашингтона и помешают пожинать плоды победы.

В целом выборы 1865 г. поставили под вопрос будущее Президентской Реконструкции. Сам Джонсон чувствовал, что что-то пошло наперекосяк. Политика Джонсона не смогла создать новое политическое руководство частично потому, что сам президент довольно быстро «вписался» в старую элиту [1, с. 44].

В это время значительной политической силой являлся Конгресс, в котором республиканцы располагали более чем 2/3 голосов в обеих палатах. Это означало преодоление президентского вето на любые желательные для республиканцев законы. Более того, были изданы законы, ограничивающие полномочия президента: ему запрещалось отстранять от должностей каких-либо лиц, предоставлять амнистию конфедератам

и издавать военные приказы в обход главнокомандующего армией [3, с. 2].

Фактически 40-му Конгрессу удается перехватить инициативу у Э. Джонсона. Федеральная законодательная власть объявила ничтожной всю ту работу по восстановлению всех трех ветвей власти, какая осуществлялась федеральной исполнительной властью в 10 штатах в период Президентской Реконструкции, и отказалась признать ее результат. Конгресс начал всю эту работу заново, опираясь на негритянский электорат и отстраняя от власти белых участников мятежа. Этот альтернативный план преобразований получил название Конгрессовской, или радикальной Реконструкции (3 марта 1867 г. — 30 марта 1870 г.) [4].

К власти пришли политические силы, руководствовавшиеся логикой военного конфликта, стремлением нанести удар по позициям Юга. В силу этого издание «Прокламации об освобождении» стало носить чисто конъюнктурный характер. Проявлялся он хотя бы в том, что отмена рабства предполагалась только на территории мятежных штатов, но оставалось на территории верных правительству.

Необходимо отметить, что освобождение рабов прошло без всякой компенсации, поскольку на довоенном Юге рабы как имущество вытесняли физический капитал из набора капитальных благ у «капиталистов без капитала», то одно лишь освобождение рабов лишило южан более 40% их богатства. В этом также проявлялось различие подходов Линкольна и Конгресса. Критикуя плантационное рабство, наилучшим решением вопроса президент видел выкуп рабов у рабовладельцев для последующей их вы-

сылки, т.е. ради национального примирения дать рабовладельцам хотя бы частичную компенсацию и помощь в ликвидации разрухи [5, с. 102].

Резко сократился урожай главной сельскохозяйственной культуры штатов — хлопка. Если в 1861 г. было собрано 5740 тыс. кип хлопка, то в 1866 г. — только 1900 тыс. Обрабатываемая площадь уменьшилась на 50%. Уничтожение рабства лишило плантации рабочих рук, так как освобожденные рабы по понятным причинам очень неохотно шли на подписание контрактов со своими бывшими хозяевами [2].

Несмотря на то, что из законодательных собраний, а также с административных и судебных постов Юга под контролем эмисаров Севера были изгнаны наиболее фанатично настроенные рабовладельцы, спокойствия наступить не могло, поскольку все освободившиеся посты тут же захватывали приехавшие с Севера демократы, которых местные презрительно окрестили «саквояжниками», и их многочисленные южные союзники-приспособленцы («прилипалы») [5, с. 102]. Помимо расхищения общественных средств, они использовали свою монополию на власть для массового освобождения рабов, однако рассматривали чернокожее население исключительно как орудие давления на неблагонадежных белых южан и вовсе не собирались оказывать бывшим рабам реальную помощь.

В наиболее радикальном решении проблем Реконструкции было заинтересовано в первую очередь чернокожее население южных штатов. Их программа-максимум сводилась к завоеванию равных с белыми экономических, гражданских и политических прав. До-

биться этого они могли только в бескомпромиссной борьбе с бывшими рабовладельцами. Стоит отметить, что негритянское население Юга проявило способность не только к самостоятельной хозяйственной, но и к политической деятельности. Свое проявление это нашло в работе негритянских народных конвентов, первые из которых были созданы в августе 1865 г. Их члены избирались населением и получили полномочия обращаться к федеральному конгрессу, президенту и другим представителям властей. Негритянские народные конвенты занимались всем сложным комплексом проблем, касавшихся жизни чернокожего населения Юга, особенно важное место в их деятельности занимал аграрный вопрос.

Опираясь на поддержку прорабовладельческих кругов Конгресса, плантаторы Юга начали наступление на негритянское население, стремясь заставить его работать на плантациях на прежних условиях полурабского принудительного труда. Специальная комиссия Конгресса констатировала в конце 1865 г.: «Плантаторы удерживают своих бывших рабов на плантациях с помощью грубой силы... Волна террора захлестнула многие районы Юга» [2].

Зверства белых расистов в южных штатах в 1866-1867 гг. послужили толчком к ужесточению политики федеральных властей в отношении бывшего рабовладельческого региона и усилению политических позиций радикальных республиканцев. 9 июля 1868 г. Конгрессом была принята Четырнадцатая поправка к Конституции США, предоставившая представителям афроамериканской общины все политические права [6, с. 94].

Параллельно с наделением пра-

вами чернокожего населения принимались сопутствующие законы, позволявшие поддержать новые преобразования с помощью военной силы. 2 марта 1867 г. Первым Актом о Реконструкции бывшие мятежные штаты были разделены на военные округа и подчинены «военной власти Соединённых Штатов, как указано ниже, и с этой целью Вирджиния будет первым округом, Северная Каролина и Южная Каролина — вторым округом, Джорджия, Алабама и Флорида — третьим округом, Миссисипи и Арканзас — четвёртым округом, а Луизиана и Техас — пятым округом» [7]. На Юг были вновь направлены федеральные войска. Статья 3 определяла обязанностью каждого назначенного должностного лица в этих округах «для защиты всех людей в их правах личности и собственности» в случае «восстания, беспорядков и насилия», а также наказания или предания наказанию «всех нарушителей общественного спокойствия и преступников создавать военные трибуналы с правом вынесения смертных приговоров. Однако, в этом же законе была обозначена оговорка, что ни один такой приговор не может быть исполнен без одобрения офицера этого округа или командующего округом.

По данным на 30 сентября 1867 г., численность оккупационного контингента составляла: в Алабаме 1 022 солдата и офицера; в Арканзасе 1 548; в Виргинии 2 522; в Джорджии 1 185; в Северной Каролине 1 508; в Южной Каролине 1 203 (в том числе в Чарлстоне 426); в Луизиане 1 958 (в том числе 1 024 в Новом Орлеане); в Миссисипи 2 073; в Техасе 5 033; во Флориде 1 067. Всего на Юге присутствовало 19 119 солдат и офицеров на 184 военных объ-

ектах. Население Юга на тот момент составляло 9 млн [4; 18, pp. 113-114].

И хотя армии в целом не пришлось применять насильственных мер, это подчёркивало характер принимаемых действий федеральной власти и особое значение военных как исполнительной власти на местах. Фактически сформировавшийся на тот момент на Юге режим контроля местных органов власти и выборов можно охарактеризовать как необъявленное военное положение.

23 марта 1867 г. было принято дополнение к предыдущему закону, известное как Второй Акт о Реконструкции [17]. Основной упор текста в нём сделан на регистрацию избирателей к грядущим выборам. Отмечалось, что Конституция штата будет ратифицирована большинством голосов зарегистрированных избирателей, имеющих право голоса, как указано в настоящем документе, отданных на указанных выборах, по крайней мере половиной всех зарегистрированных избирателей, проголосовавших по вопросу о такой ратификации, то председатель съезда должен передать должным образом заверенную копию протокола президенту Соединённых Штатов, который незамедлительно передаст её Конгрессу.

Как и в предыдущем случае, подчёркивалась роль лица, назначенного федеральной властью — «генеральный комендант каждого округа назначает столько регистрационных комиссий, сколько может потребоваться». Комендант имел право назначать трёх лояльных должностных лиц или «лиц, для проведения и завершения регистрации, наблюдения за выборами и возврата ему голосов, списков избирателей и лиц, избранных в качестве де-

легатов большинством голосов, поданных на указанных выборах».

Стоит отметить, что в тот момент в распоряжении у Конгресса всегда был важнейший рычаг влияния на ситуацию: допустить в свой состав конгрессменов и сенаторов от штатов Юга была вправе только соответствующая палата своим решением, президент на этот процесс также повлиять никак не мог. Представители южных штатов были допущены в Конгресс лишь к 1870 г. Об этом также было сказано в законе от 2 марта 1867 г.: «Пока население названных мятежных штатов не получит по закону права на представительство в Конгрессе Соединенных Штатов, любые гражданские правительства, которые могут в них существовать, должны будут рассматриваться только как временные». Также упоминалось, что данные правительства, подчиненные во всех отношениях верховной власти Соединенных Штатов, в любое время могут быть упразднены, изменены, поставлены под контроль или их функции могут быть взяты «на себя» [9].

19 июля 1867 г. Конгресс принял Третий Акт о Реконструкции над вето президента Джонсона. Этот акт создавал систему военного правительства на всем Юге, а также наделял чернокожих мужчин правом голоса. Президент Джонсон упорно сопротивлялся всем предложениям Конгресса и попытался наложить вето на принятый закон, но безуспешно [13].

11 марта 1868 г. был принят Четвертый, или же «Акт о военной реконструкции», развивающий положения предыдущего акта в сторону большей военнизированнойности. Данный закон предусматривал создание пяти военных округов на Юге и назначение генерала,

который должен был служить высшим органом власти в регионе [15]. Акт вступил в силу также без подписи президента, который отказался подписать законодательство 27 февраля 1868 г.

Акт предусматривал, что исход процесса ратификации в южных штатах будет определять большинство проголосовавших, а не большинство зарегистрированных избирателей.

После принятия акта к 21 июля 1868 г. 7 южных штатов — Арканзас, Флорида, Северная Каролина, Луизиана, Южная Каролина, Алабама и Джорджия — приняли новые конституции, сформировали новые правительства и ратифицировали Четырнадцатую поправку, что подготовило путь для повторного вступления в Союз [15].

Существовавшая ранее вера белых американцев в неполноценность чернокожего населения формировала своеобразные послевоенные взгляды, зиждящиеся на утверждениях, что чернокожие обречены на рабство и они не будут работать, если их не будут принуждать физически [7, с. 42]. В свою очередь, поработенные стремились создать полуавтономный социальный мир, удаленный от плантаций и взора рабовладельца [11]. Созданное в эпоху рабства расовое разделение сразу же стало более очевидным.

Такое отношение в совокупности с поведением федеральной власти в дальнейшем вызвало закономерную реакцию - позволило законодательным собраниям Юга принять ряд актов, закреплявших дискриминацию недавно освобождённого чернокожего населения, принявшего на себя основную тяжесть гнева южан из-за поражения в войне.

Победа на президентских выборах республиканца У. Гранта усилила

планы радикальной Реконструкции поставила страну на грань новой гражданской войны.

Заключение (выводы). Эпоха Реконструкции является чрезвычайно интересным процессом, в ходе которого старые элиты теряли свою привычную политическую власть.

С гибелью 16-го президента США стратегия вхождения Юга в состав победившего государства начала претерпевать значительные изменения. Место возможного компромисса заняла логика продолжения конфликта до победного конца, отразившаяся в законодательстве. В виду этого существующее разделение первого периода эпохи Реконструкции на два временных промежутка видится обоснованным согласно тогдашним историческим реалиям.

Акты Реконструкции наделили лояльное США негритянское население южных штатов избирательными правами. Однако, если после принятия XV поправки к Конституции федеральная власть демонстрировала решимость обеспечить гражданские

права чернокожего населения, то к концу периода Реконструкции, с падением влияния республиканцев и восстановлением влияния демократов, эта решимость исчезла вовсе. Юрисдикция США над Югом оставалась неизменной, однако белые южане, объединившиеся как в легальные (Демократическая партия), так и в нелегальные (Ку-клукс-клан) организации, вернули себе контроль над южными штатами.

Таким образом, стремление радикальных республиканцев нанести поражение правящим кругам Юга военно-политическими методами не затрагивало коренным образом господствующие там экономические отношения. Попустительская политика американского правительства во второй половине 1860-х гг. в конечном итоге привела к закреплению в США расовой дискриминации и сегрегации, которые превратились в острейшее социальное противоречие, последствия которого сохраняются и в наши дни.

Список литературы

1. Дураев А.В. Законодательное регулирование Реконструкции Юга Конгрессом США (1865-1877 гг.) // Исторический бюллетень 2019. Том 2. №3. С. 42-50.
2. Иванов Р. Ф. Негритянская проблема в Реконструкции Юга США (1865-1877 гг.) / Р. Ф. Иванов // Межрасовые и межнациональные отношения в Европе и Америке. XIX-XX вв.. - М. : РАН. ИВИ, 1996. С. 55-67. [Электронный ресурс]. URL: <https://america-xix.ru/library/ivanov-negro-problem-reconstruction/> (дата обращения: 18.09.2024)
3. Илюхина Е. В. Победа У. С. Гранта на президентских выборах 1868 г. Как условие продолжения политики радикальной Реконструкции в США // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. №3 (47). С. 1-10. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pobeda-u-s-granta-na-prezidentskih-vyborah-1868-g-kak-uslovie-prodolzheniya-politiki-radikalnoy-rekonstruktsii-v-ssha> (дата обращения: 18.09.2024)
4. Исаев С. А. Эпоха Реконструкции и процесс Реконструкции в истории США, 1861–1877 гг.: Политико-правовой обзор / С. А. Исаев // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: межвуз. сб. науч. тр / под ред.

Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. - Вып. 8. - Курск : Курский гос. ун-т, 2016. С. 70-92. [Электронный ресурс]. URL: <https://america-xix.ru/library/isaev-reconstruction/> (дата обращения: 18.09.2024)

5. Латов Ю. В. Новая экономическая История Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Пространство экономики. 2004. №1. С. 97-116.

6. Прилуцкий В.В. Вооруженное политическое насилие на Юге США во время Президентской и Конгрессовской Реконструкции (1865-1870 гг.) Америка-нистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 (10) / гл. ред. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. С. 91- 99.

7. Прилуцкий В.В., Яненко Е.М. Феномен исторической памяти в творчестве Д. Гриффита (на примере фильма «Рождение нации» 1915 года) // История Общество Политика № 3(31). 2024. С. 39-51.

8. Соков И. А. Обзор новых американских исследований за 2019 г. по теме Гражданской войны (1861–1865 гг.) и Реконструкции в США (1865–1877 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. С. 225- 239.

9. An Act to provide for the more efficient Government of the Rebel States // <https://loveman.sdsu.edu/docs/1867FirstReconstructionAct.pdf> [Электронный ресурс]. URL: <https://america-xix.ru/library/reconstruction-act-1867/> (дата обращения: 19.09.2024)

10. An Act to Secure Homesteads to Actual Settlers on the Public Domain // United States Statutes at Large [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/homestead_act.asp (дата обращения: 22.09.2024)

11. Griffin R. (2004). "'Goin' Back Over There to See That Girl': Competing Social Spaces in the Lives of the Enslaved in Antebellum North Carolina". *Slavery & Abolition*. 1 (25): 99.

12. Preliminary Emancipation Proclamation // Collected Works of Abraham Lincoln. Volume 5. P. 433-436.

13. President Andrew Johnson's Veto of the Third Reconstruction Act, July 19, 1867. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.visitthecapitol.gov/artifact/president-andrew-johnsons-veto-third-reconstruction-act-july-19-1867> (дата обращения: 21.09.2024)

14. Proclamation of Amnesty and Reconstruction [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historyplace.com/lincoln/proc-4.htm> (дата обращения: 19.09.2024)

15. Reconstruction Acts, Summary, Facts, Significance, APUSH [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanhistorycentral.com/entries/reconstruction-acts/> (дата обращения: 19.09.2024)

16. Reidy, J. P. Illusions of Emancipation: The Pursuit of Freedom and Equality in the Twilight of Slavery/J, P. Reidy Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. 520 p.

17. Second Reconstruction Act [March 23, 1867] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historycentral.com/documents/secondreconstruction.html> (дата обращения: 19.09.2024)

18. Sefton J.E. The U.S. Army and Reconstruction. 1865-1877. Baton Rouge, 1967. 284 p.

19. Text of President Andrew Johnson's Proclamation . May 29, 1865. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.americanhistorycentral.com/entries/presidential-proclamation-134/> (дата обращения: 19.09.2024)

20. "The Freedmen's Bureau" (Hernando and Pasco Counties) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fivay.org/freedmen.html> (дата обращения: 19.09.2024)

THE MAIN FEDERAL LEGISLATIVE ACTS IN RELATION TO THE SOUTHERN UNITED STATES DURING THE PRESIDENTIAL AND CONGRESSIONAL RECONSTRUCTION (1863-1870)

The article examines the application of federal and local legislation in the South of the United States during the periods of presidential (1863-1867) and Congressional (1867-1870) Reconstruction. After the end of the Civil War, the American state faced the problem of integrating the rebellious states into the victorious progressive system of legislation. The study provides a new perspective on the role of personality in historical events in the southern United States, as well as the influence of traditional political parties on the development of the situation. The role of the interests and independent participation of the black population in the described processes is reflected. A systematic approach was chosen as the key method of work, which makes it possible to reveal the stated topic most fully. The study is based on a comparison of the sources of the specified period — Acts of Reconstruction, presidential Proclamations. Based on the reviewed material, it is concluded that unexpected political changes in the leadership of the country and the ruling Republican Party at that time, as well as unaccounted for local specifics, due to ill thought, forced the abandonment of the original plans and significantly changed the meaning, and sometimes the very content of the adopted acts. Thus, in the end, these circumstances contributed to the defeat of the Reconstruction policy in the South.

Keywords: Reconstruction, Lincoln, Johnson, Republicans, Democrats, Freedmen's Bureau, conventions.

References

1. Duraev A.V. (2019) *Zakonodatel'noe regulirovanie Rekonstrukcii Yuga Kongressom SShA (1865-1877 gg.)* [Legislative regulation of the Reconstruction of the South by the US Congress (1865-1877)] // *Istoricheskij byulleten'*. T. 2. №3. S. 42-50.

2. Ivanov R. F. (1996) *Negrityanskaya problema v Rekonstrukcii Yuga SShA (1865-1877 gg.)* [The Negro problem in the Reconstruction of the Southern United States (1865-1877)] / R. F. Ivanov // *Mezhrasovye i mezhnacional'nye otnosheniya v Evrope i Amerike. XIX-XX vv..* - M. : RAN. IVI, 1996. S. 55-67. URL: <https://americaxix.ru/library/ivanov-negro-problem-reconstruction/> (accessed: 18.09.2024)

3. Ilyuhina E. V. (2018) *Pobeda U. S. Granta na prezidentskih vyborah 1868 g. Kak uslovie prodolzheniya politiki radikal'noj Rekonstrukcii v SShA* [The victory of W. S. Grant in the presidential election of 1868 As a condition for the continuation of the policy of radical Reconstruction in the USA] // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. №3 (47). S. 1-10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pobeda-u-s-granta-na-prezidentskih-vyborah-1868-g-kak-uslovie-prodolzheniya-politiki-radikal'noj-rekonstruktsii-v-ssha> (accessed: 18.09.2024)

4. Isaev S. A. (2016) *Epoha Rekonstrukcii i process Rekonstrukcii v istorii SShA, 1861–1877 gg.: Politiko-pravovoj obzor* [The Era of Reconstruction and the process of Reconstruction in the history of the United States, 1861-1877: A Political and legal review] / S. A. Isaev // *American studies: Current approaches and modern research:*

interuniversity collection of scientific papers / edited by T. V. Alentyeva, M. A. Filimonova. - Vol. 8. - Kursk : Kursk State University. S. 70-92. URL: <https://america-xix.ru/library/isaev-reconstruction/> (accessed: 18.09.2024)

5. Latov Yu. V. (2004) Novaya ekonomicheskaya Istoriya Grazhdanskoj vojny v Amerike i likvidacii plantacionnogo rabstva [A new economic History of the American Civil War and the elimination of plantation slavery] // Prostranstvo ekonomiki. №1. S. 97-116.

6. Prilutsky V.V. (2024) Vooruzhennoe politicheskoe nasilie na Yuge SShA vo vremyaPrezidentskoj i Kongressovskoj Rekonstrukcii (1865-1870 gg.) [Armed political violence in the South of the United States during the Pre-Presidential and Congressional Reconstruction (1865-1870).] *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke: ezhegodnyj byulleten'*. Vyp. 3 (10) / gl. red. D. V. Kuznecov. – Blagoveshchensk: Izd-vo BGPU. S. 91-99.

7. Prilutsky V.V., Yanenko E.M. (2024) Fenomen istoricheskoy pamyati v tvorchestve D. Griffita (na primere fil'ma «Rozhdenie nacii» 1915 goda) [The phenomenon of historical memory in the work of D. Griffith (on the example of the film "The Birth of a Nation" in 1915)] // *Istoriya Obshchestvo Politika* № 3(31). S. 39-51.

8. Sokov I. A. (2020) Obzor novyh amerikanskih issledovanij za 2019 g. po teme Grazhdanskoj vojny (1861–1865 gg.) i Rekonstrukcii v SShA (1865–1877 gg.) [Review of new American studies for 2019 on the topic of the Civil War (1861-1865) and Reconstruction in the USA (1865-1877)] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. T. 25, № 3. – S. 225– 239.

9. An Act to provide for the more efficient Government of the Rebel States // <https://loveman.sdsu.edu/docs/1867FirstReconstructionAct.pdf> URL: <https://america-xix.ru/library/reconstruction-act-1867/> (accessed: 19.09.2024)

10. An Act to Secure Homesteads to Actual Settlers on the Public Domain // *United States Statutes at Large* URL: https://avalon.law.yale.edu/19th_century/homestead_act.asp (accessed: 22.09.2024)

11. Griffin R. (2004). "'Goin' Back Over There to See That Girl': Competing Social Spaces in the Lives of the Enslaved in Antebellum North Carolina". *Slavery & Abolition*. 1 (25): 99.

12. Preliminary Emancipation Proclamation // *Collected Works of Abraham Lincoln*. Volume 5. P. 433-436.

13. President Andrew Johnson's Veto of the Third Reconstruction Act, July 19, 1867 URL: <https://www.visitthecapitol.gov/artifact/president-andrew-johnsons-veto-third-reconstruction-act-july-19-1867> (accessed: 21.09.2024)

14. Proclamation of Amnesty and Reconstruction URL: <https://www.historyplace.com/lincoln/proc-4.htm> (accessed: 19.09.2024)

15. Reconstruction Acts, Summary, Facts, Significance, APUSH URL: <https://www.americanhistorycentral.com/entries/reconstruction-acts/> (accessed: 19.09.2024)

16. Reidy, J. P. *Illusions of Emancipation: The Pursuit of Freedom and Equality in the Twilight of Slavery*/J, P. Reidy Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2019. 520 p.

17. Second Reconstruction Act [March 23, 1867] URL: <https://www.historycentral.com/documents/secondreconstruction.html> (accessed: 19.09.2024)

18. Sefton J.E. (1967) *The U.S. Army and Reconstruction. 1865-1877*. Baton

Rouge. 284 p.

19. Text of President Andrew Johnson's Proclamation 134 May 29, 1865 URL: <https://www.americanhistorycentral.com/entries/presidential-proclamation-134/> (accessed: 19.09.2024)

20. "The Freedmen's Bureau" (Hernando and Pasco Counties) URL: <https://www.fivay.org/freedmen.html> (accessed: 19.09.2024)

Об авторе

Калашников Алексей Валерьевич – аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Kalashnikov Aleksey Valerievich — postgraduate student of the Department of General History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

Иллюстрации к статье Калашникова А.В.

Фотографии из открытых источников.

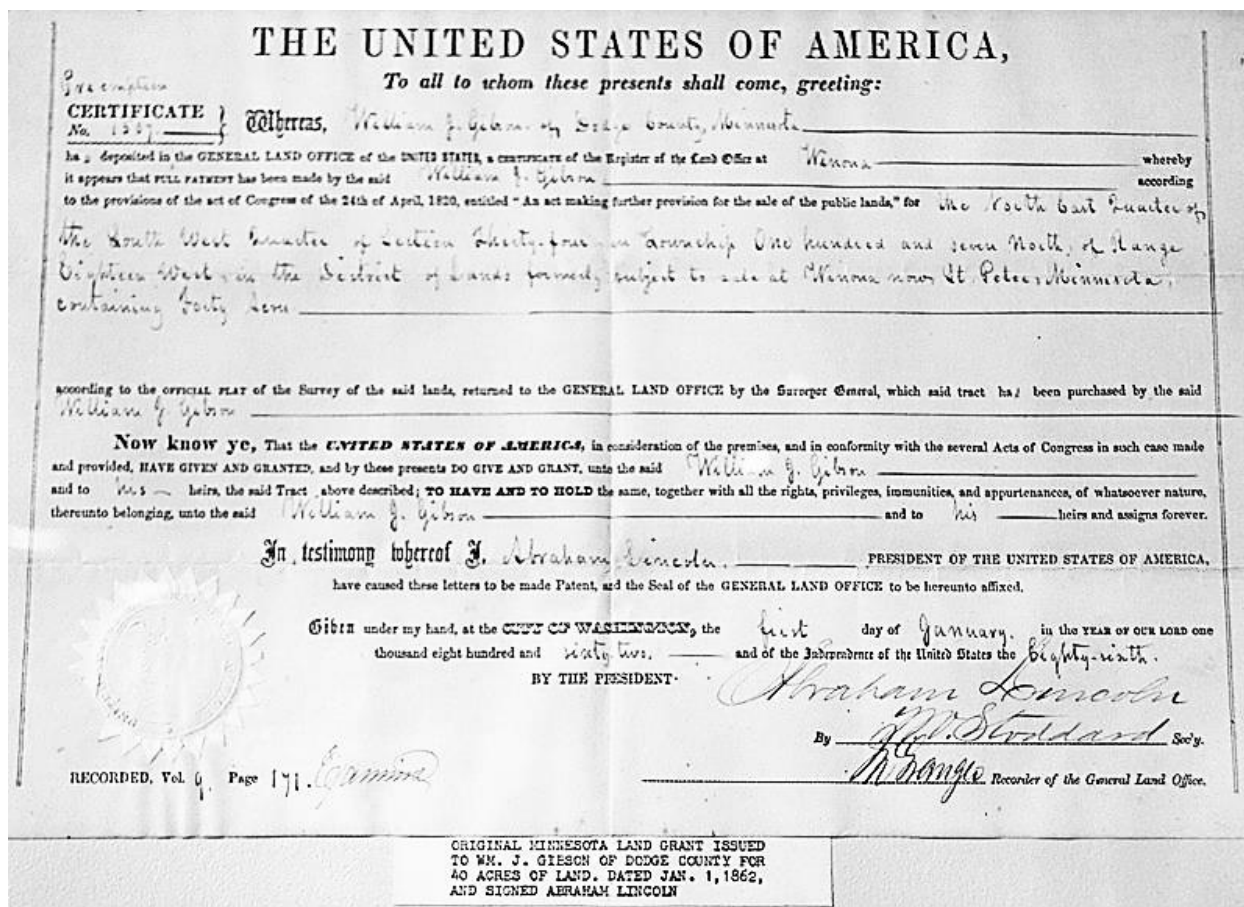

Рис.1. Грант США на гомстед в 40 акров в округе Додж, штат Миннесота, выданный на имя президента Авраама Линкольна (1862)

Источник: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:1862deedDodgeCountyMN.jpg>

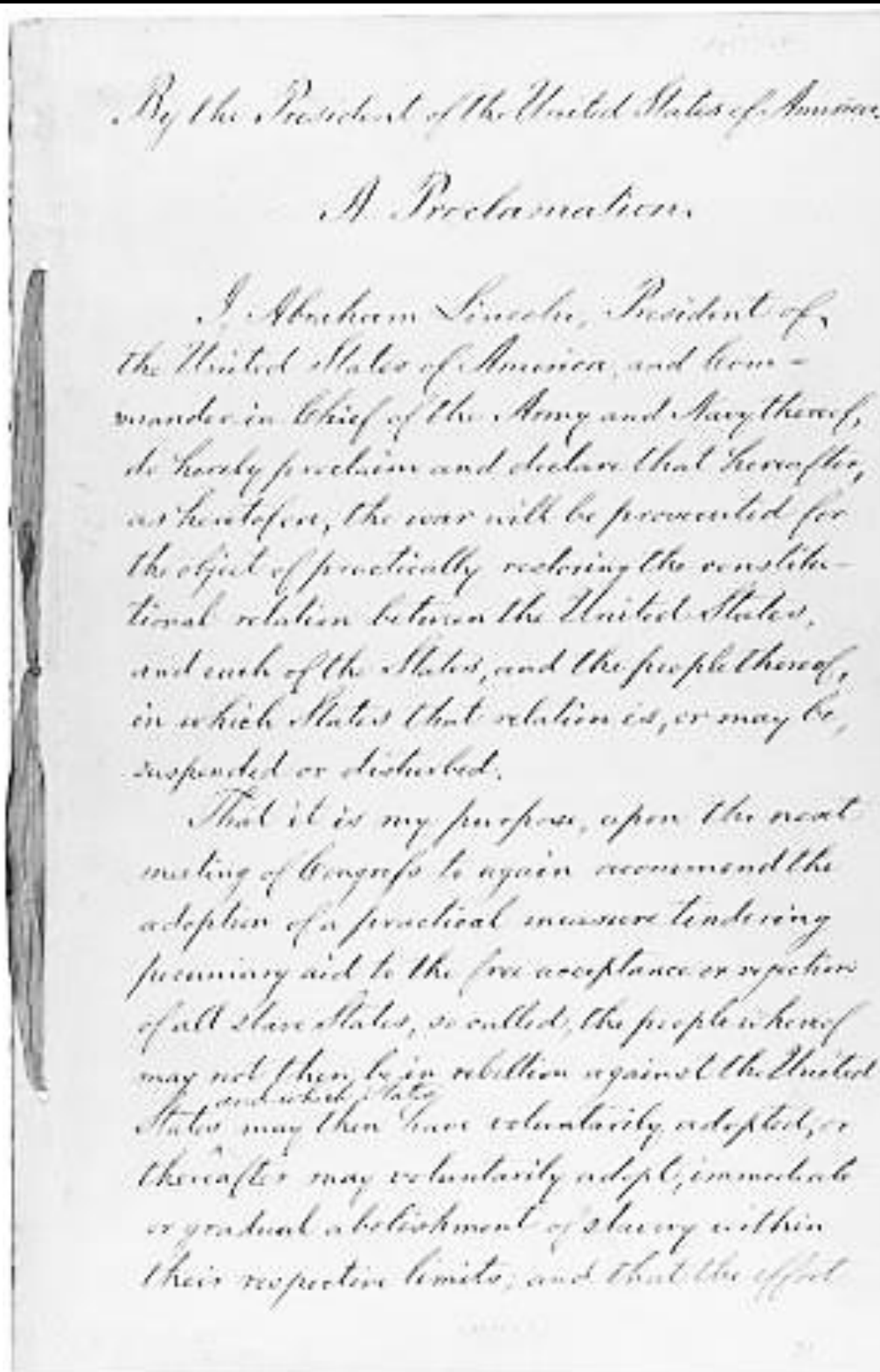

Рис. 2. Первая страница «Предварительной прокламации об освобождении» от 22 сентября 1862 г.

Источник: <https://www.zinnproject.org/news/tdih/emancipation-preliminary>

PREST. JOHNSON'S AMNESTY PROCLAMATION.

Whereas, the President of the United States, on the eighth day of December, A. D., eighteen hundred and sixty-three, and on the twenty-sixth day of March, A. D., eighteen hundred and sixty-four, did, with the object to suppress the existing rebellion, to induce all persons to return to their loyalty and to restore the authority of the United States, issue proclamations offering amnesty and pardon to certain persons who had directly or by implication participated in the said rebellion; and

Whereas, many persons who had so engaged in said rebellion have, since the issuance of said proclamation, failed or neglected to take the benefits offered thereby; and

Whereas, many persons who have been justly deprived of all claim to amnesty and pardon thereunder by reason of their participation, directly or by implication, in said rebellion and continued hostility to the Government of the United States since the date of said proclamation, now desire to apply for and obtain amnesty and pardon;

To the end, therefore, that the authority of the Government of the United States may be restored, and that peace, order and freedom may be established, I, Andrew Johnson, President of the United States, do proclaim and declare, that I hereby grant to all persons who have directly or indirectly participated in the existing rebellion, except as hereinafter excepted, amnesty and pardon, with restoration of all rights of property, except as to slaves, and except in cases where legal proceedings, under the laws of the United States providing for the confiscation of property of persons engaged in rebellion, have been instituted, but on the condition, nevertheless, that every such person shall take and subscribe to the following oath or affirmation, and thenceforward keep and maintain said oath inviolate, and which oath shall be registered for permanent preservation, and shall be of the tenor and effect following, to wit:

I, ———, do solemnly swear, (or affirm) in presence of Almighty God, that I will henceforth faithfully support and defend the Constitution of the United States and the Union of the States thereunder, and that I will, in like manner, abide by and faithfully support all laws and proclamations which have been made during the existing rebellion with reference to the emancipation of slaves. So help me God.

The following classes of persons are excepted from the benefits of this proclamation:

First—All who are, or shall have been, pretended civil or diplomatic officers, or otherwise, domestic or foreign agents, of the pretended Confederate Government.

Second—All who left judicial stations under the United States to aid the rebellion.

Third—All who shall have been military or naval officers of said pretended Confederate Government above the rank of colonel in the army and lieutenant in the navy.

Fourth—All who left seats in the Congress of the United States to aid the rebellion.

Fifth—All who resigned or tendered resignations of their commissions in the army or navy of the United States to evade duty in resisting the rebellion.

Sixth—All who have engaged in any way in treating otherwise than lawfully as prisoners of war persons found in the United States service as officers, soldiers, seamen, or in other capacities.

Seventh—All persons who have been or are absentees from the United States for the purpose of aiding the rebellion.

Eighth—All military and naval officers in the rebel service who were educated by the Government in the Military Academy at West Point, or the United States Naval Academy.

Ninth—All persons who held the pretended offices of Governors of States in insurrection against the United States.

Tenth—All persons who left their homes within the jurisdiction and protection of the United States, and passed beyond the Federal military lines into the so-called Confederate States for the purpose of aiding the rebellion.

Eleventh—All persons who have been engaged in the destructions of the commerce of the United States upon the high seas, and all persons who have made raids into the United States from Canada, or been engaged in destroying the commerce of the United States upon the lakes and rivers that separate the British provinces from the United States.

Twelfth—All persons who, at the time when they seek to obtain the benefits hereof by taking the oath herein prescribed, are in military, naval or civil confinement or custody, or under bonds of the civil, military or naval authorities or agents of the United States, as prisoners of war or persons detained for offences of any kind either before or after conviction.

Thirteenth—All persons who have voluntarily participated in said rebellion, and the estimated value of whose taxable property is over twenty thousand dollars.

Fourteenth—All persons who have taken the oath of amnesty, as prescribed in the President's proclamation of December 8th, one thousand eight hundred and sixty-three, or an oath of allegiance to the Government of the United States, since the date of said proclamation, and who have not thenceforward kept and maintained the same inviolate.

Provided, That special application may be made to the President for pardon by any person belonging to the excepted classes, and such clemency will be liberally extended as may be consistent with the facts of the case, and the peace and dignity of the United States.

The Secretary of State will establish rules and regulations for administering and recording the said amnesty oath, so as to insure its benefit to the people, and guard the Government against fraud.

In testimony whereof, I have hereunto set my hand and caused the seal of the United States to be affixed. Done at the city of Washington, the twenty-ninth day of May, in the year of our Lord one thousand eight hundred and sixty-five, and of the independence of the United States the eighty-ninth.

ANDREW JOHNSON.

By the President:

WM. H. SEWARD,

Secretary of State.

Рис. 3. Прокламация об Амнистии и Реконструкции, подписанная президентом Эндрю Джонсоном.

Источник: <https://cwnc.omeka.chass.ncsu.edu/items/show/13>

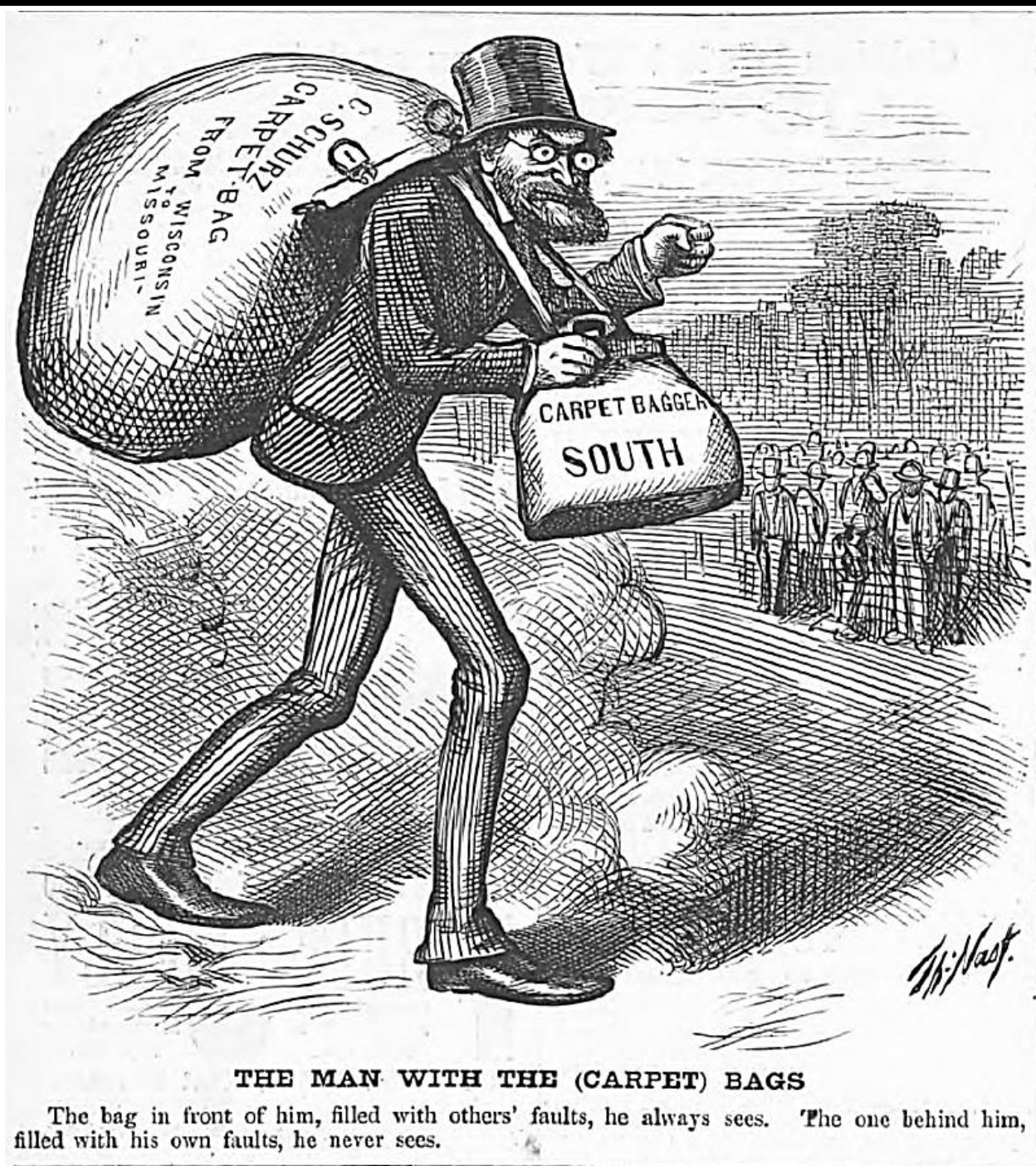

Рис. 4. Карикатура Томаса Наста на министра внутренних дел Карла Шурца, изображенного в образе «саквояжника», 1872 год. Источник: Harper's Weekly, v. 16, November 9, 1872, p. 880

URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015014703303&view=1up&seq=841>

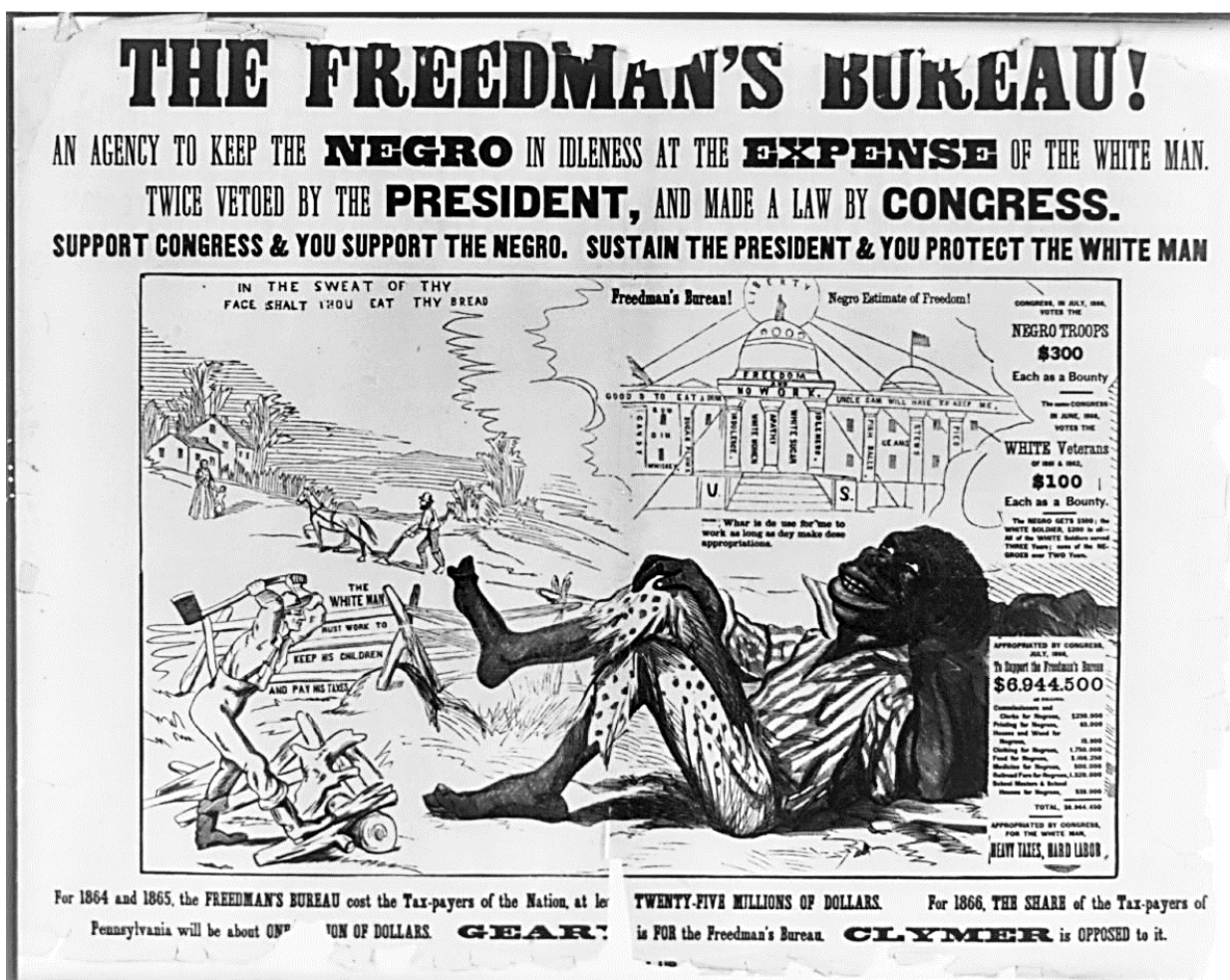

Рис.5. Расистский политический плакат 1866 года в поддержку Хистера Клаймера, кандидата на пост губернатора Пенсильвании. Плакат негативно характеризует расходы Бюро вольноотпущенников, которое было создано для защиты недавно освобожденного поработанного населения. Вымышленное изображение здания Бюро вольноотпущенников, смоделированное по образцу Капитолия США, несет под куполом следующий девиз: «Свобода и никакой работы». На столбах здания слева направо было написано: «Конфеты», «Ром, джин, виски», «Сахарные сливы», «Лень», «Белые женщины», «Апатия», «Белый сахар», «Безделье», «Рыбные шарики», «Моллюски», «Тушеное мясо» и «Пироги».

На карикатуре изображен босоногий чернокожий мужчина в рваной одежде, развалившийся на переднем плане, в то время как белые мужчины усердно пахнут поле с подписью: «В поте лица твоего будешь есть хлеб» и рубят дрова с подписью: «Белый человек должен работать, чтобы содержать своих детей и платить налоги». В противоположность этому, чернокожего мужчину цитируют на местном южном диалекте: «Что для меня полезно, чтобы работать, пока они делают большие ассигнования».

Источник: <https://www.loc.gov/pictures/item/2008661698/>

УДК 94(100)»1914/19»+316.423.6:316.346.2-055.2+94(430)

Краева Т.А., аспирант, инженер-исследователь, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия)

ПРОБЛЕМА «КРИЗИСА МАСКУЛИННОСТИ» В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает проблему трансформации традиционных поведенческих стратегий солдат на фронте в годы Великой войны в Германии, которая иначе называется проблемой «кризиса маскулинности». «Кризис маскулинности» возник по причине разрыва представлений между первоначальными ожиданиями победоносной войны и реалиями фронта и характеризовался трансформацией традиционных поведенческих стратегий. Под влиянием кризиса возникли такие феномены как «феминизация маскулинности» и «милитаризация мужественности». «Феминизация маскулинности» предполагала проявление сентиментальности и поиска эмоциональной поддержки со стороны товарищей. Феномен «милитаризации мужественности» отразил стремление к сохранению традиционных черт немецкого солдата, которому чужда излишняя эмоциональность. Процесс развития кризиса сопровождался трансформацией традиционного представления о героизме, которое неразрывно связано с проблемой товарищества. Великая война сделала героем простого солдата, который был вовлечен в проблему «кризиса маскулинности». Развитие проблемы «кризиса маскулинности» прослеживается в солдатских письмах и образах, публиковавшихся в немецких сатирических изданиях. Письма дают представления об эмоциях солдат в контексте восприятия войны и, в частности, раскрывают проблему «всеобщего энтузиазма» в начале войны в Германии. Благодаря анализу писем становится ясно, что проблема «ужаса» сопровождала некоторых солдат с самых первых дней Первой мировой войны. Образы, публиковавшиеся в немецких сатирических изданиях, позволяют проследить развитие «кризиса маскулинности» через призму пропаганды. Поднимается и проблема «потерянного поколения», которая напрямую связана с «кризисом маскулинности», поскольку вчерашние школьники не успели освоить традиционные мужские роли и их мужественность стала формироваться под влиянием военных условий. Так, «кризис маскулинности» отражает проблему трансформации традиционных гендерных ролей в Германии в годы Первой мировой войны, затрагивая не только трансформацию мужских ролей, но и женских – связанных с домашним фронтом.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, пропаганда, героизм, солдатские письма, «потерянное поколение», «кризис маскулинности», «милитаризация мужественности», «феминизация маскулинности».

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-54-69

Введение. Всем знакома история Пауля Боймера и его фронтовых товарищей – персонажей Э. М. Ремарка из романа «На Западном фронте без перемен», символизирующих «потерянное поколение», сформировавшееся по окончании Первой мировой войны. «Потерянное поколение» появилось

под влиянием сложных психоэмоциональных факторов, с которыми столкнулись молодые солдаты, идущие на фронт. Принято считать, что начало Первой мировой войны большинством населения Германии было воспринято с энтузиазмом и боевым духом. Мужественность и представления о ней при-

обрели политическое значение, которое включало в себя воодушевление и патриотизм. Когда война обрела затяжной характер, то патриотизм и мужество перестали занимать главенствующую роль, искоренились присущие мужеству романтизм, солдатская доблесть и рыцарство, поскольку смерть стала массовым и механизированным явлением [4, с. 114]. Тем не менее, восприятие войны с энтузиазмом активно продвигалось пропагандой в первые годы тотального конфликта. Однако с течением войны об энтузиазме стали говорить все реже, в связи с чем поднимается проблема трансформации и «кризиса мужественности».

Объекты исследования. Под влиянием новых реалий, продиктованных массовой войной, возникает ситуация, характеризующаяся «кризисом маскулинности». В данной статье термины «маскулинность» и «мужественность» будут пониматься как синонимы. Под «кризисом маскулинности» понимается такая ситуация, при которой традиционные составляющие маскулинности подверглись трансформации: упадок духа, ослабление патриархальной традиции, проявление большей, чем прежде, сентиментальности и откровенности в отношении женского пола. Из-за условий, в которых оказались солдаты: насилие, убийства, травмы, отдаленность от дома, семьи и близких, развился такой феномен как «кризис мужественности». Для данного феномена характерны укрепление дружбы между солдатами, возникновение близости, которые, по мнению исследователей, были спровоцированы стремлением компенсировать насильственный характер войны. От товарищества и сплоченности в солдатской среде, отношения солдат к

офицерам зависел уровень боевого духа [8]. Понятие «кризис маскулинности» также связывают с процессом «феминизации маскулинности» – обретением мужчинами женских характеристик или появлению склонности к «женскому поведению», которому в данном контексте были присущи такие качества как проявление усиленной эмпатии, сентиментальности, эмоциональности, открытости, поиску поддержки у близких друзей.

С другой стороны, для мужского населения в эпоху мировой войны характерен феномен «милитаризации мужественности», под которым подразумевается усиление традиционализма в распределении гендерных ролей, понимание войны только как поля деятельности мужчин, а также непринятие женской эмансипации. Милитаризацию мужественности и «мужского» в Германии в конце XIX – начале XX в. некоторые исследователи связывают с концепцией «особого пути» Германии [13]. Однако феномен «милитаризации мужественности» мог возникнуть и по причине возросшей активности женского движения в рамках первой волны феминизма и влиянием националистических настроений.

Результаты и их обсуждение. Еще в начале XIX в. солдатский идеал мужественности не был доминирующим, а конкурировал с другими концепциями мужественности. К концу XIX века мужественность и милитаризм стали тесно связаны друг с другом, что усилилось к началу XX в. К 1914 году идеал мужественности достиг своего апогея: мужественность тесно связывалась с воинственностью. Воин наделялся традиционными мужскими характеристиками. Пропаганди-

ровался образ сильного, как физически, так и морально, война, который главной целью видит защиту государства и нации.

В начале Великой войны в Германии удалось мобилизовать около 4 млн солдат. Всего за годы войны было мобилизовано более 13 млн человек [13]. В общественных настроениях в Германии была уверенность в необходимости ведения войны и в том, что она будет иметь быстротечный характер. Из крупных административных центров мобилизовалось большее количество людей, чем из окраин и сельской местности: в городах мобилизация имела больший успех, что связано с наибольшей политизированностью городских центров. Солдат на фронте призывали быть стойкими и контролировать эмоции, сдерживать те, которые, как считалось, характерны для женщины [7]. Такие пропагандистские образы часто встречаются в сатирических журналах, которые пользовались большой популярностью в годы Великой войны. Наиболее тиражируемыми журналами были «Сиплициссимус» [16] и «Кладдерадач» [11], в которых встречаются образы дружелюбных солдат (см. рис. 1), идущих на войну с энтузиазмом (см. рис. 2), призывающие побудить боевой дух [11].

С течением войны и пониманием, что быстрой победы Германия не добьется, боевой дух сменило состояние разочарования. Количество разрушений, насилия и смертей стало наполнять понятие «ужаса» войны. Сатирические журналы уже не публиковали сюжеты, связанные с подъемом боевого духа, им на смену пришли образы солдат, ностальгирующих по дому (см. рис. 3) [16]. На психоэмоциональный

облик солдат Западного фронта оказывал большое влияние позиционный характер войны. Позиционная война характеризовалась тщетными попытками штурма вражеских позиций, постоянными артиллерийскими обстрелами, окопным характером. Немецкий историк А. Райманн говорит, что неподвижность войны на Западном фронте формирует образ войны больше, чем любой другой театр военных действий [14, S. 27]. К концу войны отмечается случаи безысходного состояния солдат и массового дезертирства [8]. Некоторые солдаты ожидали получения ранения или намеренно наносили себе увечья, чтобы покинуть службу [8]. Важно, что в годы войны внимание общественности сосредотачивалось на психических заболеваниях и эмоциональном состоянии, поскольку в XX в. инфекционные заболевания стали привычными [14, S. 41]. Такая смена настроений, упадок боевого духа и невиданное ранее состояние «ужаса» от жестокости «тотальной войны» породила феномен «кризиса маскулинности», который объясняет трансформацию традиционных мужских ролей и обретению мужчинами новых поведенческих стратегий [6].

Понятие мужественности и воинственности связывается с феноменом «героизма», которому присущи товарищество, дисциплина, храбрость, жертвенность и повиновение. Однако «героизм» Великой войны имел свою специфику: героем был не отдельно взятый солдат, который имеет свое лицо и имя, это был солдат в массе, в тотальном хаосе [1]. Этот образ демонстрирует карикатура «Кладдерадач», в которой несколько воинов восстают над хаотичной массой противников

(см. рис. 4) [11]. Классическим примером в восприятии опыта Первой мировой через понятие «героизм» служат мемуары Э. Юнгера, где «героизм» раскрывается в принятии происходящего, присутствии спокойствия [5, с. 23]. Специфика восприятия солдата-героя выражается в следующем: «Короткое пребывание в полку основательно лишило нас иллюзий, в которых мы выросли. Вместо ожидаемых опасностей были грязь, работа и бессонные ночи, для преодоления коих требовался тот род мужества, к которому мы были мало расположены. Еще хуже была скука, для солдат более убийственная, чем смерть» [5, с. 18].

Проблема мужественности возникает при сравнении образа воина и реальных поведенческих стратегий солдат на фронте. В пропагандистских материалах конструировались образы сильного воина, часто солдаты изображались рядом с женщинами, символизирующими семью, ожидающую сына и мужа с войны (см. рис. 5) [16]. В периодических изданиях встречались яркие образы не только солдат-героев, но и карикатурные образы врагов, которые призывали к созданию внутреннего единства. Однако появление риторики внутреннего единства может интерпретироваться как негативное свидетельство внутренней борьбы [14, S. 190].

Важным источником для проследивания трансформации поведенческих стратегий и «кризиса маскулинности» являются солдатские письма. Отмечается, что через немецкую полевую почту в Великую войну прошло около 30 млрд писем и открыток. Несмотря на то, что опыт войны трудно выразим в словах, а письма подвергались цензуре и далеко не во всех письмах писали о переживаниях, увечьях и страхе,

до тыла доходила информация об ужасах войны. По мере продолжения войны солдатам приходилось подстраиваться под новые условия и осваивать новые формы солдатского общения. Эйфория от августовского опыта может интерпретироваться как эмоциональное предостережение и попытка избежать перенапряжения [12, S. 13–14].

Полевая почта не дает реальную картину положения солдат на фронте, письма – это диалоги о множестве повседневных вещей [12, S. 130]. Под вопросом оказывается проблема энтузиазма, в историографии в последнее время господствует точка зрения, что энтузиазм в 1914 г. был скорее коммуникативным парадоксом [12, S. 210]. Так, Вильгельм Шпенглер в своем письме называет 28 августа 1914 г. самым ужасным днем в жизни из-за долгого боя, вида мертвых, плачущих раненых и ожидания смерти [17, S. 7]. Но, с другой стороны, в октябре 1914 г. Курт Ломмач пишет, что смерть юноши на войне – это прекрасная смерть [17, S. 15]. Ганс Фляйшер дает противоречивую картину в первые месяцы войны, он пишет о груде развалин и обломков, но при этом говорит, что он испытывает энтузиазм [17, S. 13]. Эрих Бокхорт в середине октября 1914 г. описывает битвы и сопровождающие их смерти. Он говорит о героизме, называя павшего друга примером верности долгу, и о мужественности, рассказывая, что товарищ, пораженный выстрелами, продолжает вести бой [17, S. 16–17]. В письме от октября 1914 г. Эдуард Фридрих пишет о героизме солдат и характеризует войну как священную и справедливую [17, S. 19]. Однако, с другой стороны, в письме Лотара Дитца от ноября 1914 г. уже встречается представ-

ление о феномене «ужаса»: он описывает стоны раненых офицеров, которые в числе прочего подрывали психоэмоциональное состояние остальных солдат [17, S. 21]. Встречаются и такие письма, которые не поддаются характеристике крайностей – энтузиазма или «ужаса». В ноябре 1914 г. Рудольф Фишер пишет об условиях на фронте, которые лучше, чем могут представить дома. Он испытывает гордость, что борется за семью и родину, а смерть, в свою очередь, для него стала обыденностью [17, S. 25].

В письме Вильгельма Шпенглера от декабря 1914 г. встречаются записи, что в войне есть не только вещи, несущие болезненный характер, но и много других вещей – замечательных. Одной из них является дух товарищества на поле боя, который дает превосходство над разрозненной группой врагов. В его письме прослеживается эмоциональное восприятие, которое характеризует феномен «феминизации маскулинности» с точки зрения сентиментальности и поиска поддержки у близких друзей. В. Шпенглер пишет, что еще более важное, чем всеобщий дух товарищества – это личное товарищество между людьми, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. Хорошим товарищем он называет того, кто думает о других и идет на помощь несмотря на то, что сам находится в тяжелой ситуации. Он заключает, что военная атмосфера позволяет разглядеть нечто большее, чем в привычном гражданском человеке [17, S. 26]. В одном из писем немецкий солдат рассуждает о французах, которые не помогают своему раненному солдату, зовущему на помощь. Немец искренне не понимает, как можно быть таким равнодушным и

заключает, что не оказывать помощь товарищу – это не норма [17, S. 29].

Письма показывают, что для солдат важны сюжеты, связанные с товариществом. Понятие «героизм» начинает наполняться через призму восприятия товарищества и помощи ближнему. Ганс Хиршхорн в Рождество 1914 г. описывает празднование на вражеской территории, где наиболее важным для него является единение с товарищами, проявление мягкости и доброты [17, S. 36]. После Рождества 1914 г. нет уныния, есть воля к победе и уверенность, что победа близка [12, S. 209].

Уже в начале 1915 г. солдатские письма обретают иной характер: противоречивое восприятие начала войны уже не встречается. Солдаты пишут, что идет напрасная позиционная война, их настроение невероятно мрачное. Они признаются, что им противно жить в постоянной грязи, холоде, влажности и бессмысленном труде [17, S. 38]. В историографии отмечается, что письма, сопровождающиеся повышенной нервозностью, приходятся на 1915 г. и начало 1916 г [14, S. 43]. Психологически деструктивный эффект позиционной войны выражался не столько в страхе перед смертью или врагом, сколько в постоянном нервном напряжении и изнурительном ожидании. В письмах редко можно найти подробные описания войны, боевых действий, военных ранений и массовых смертей. Основной проблемой выживания на фронте было «сохранение и трансформация субъективной реальности». Молчание, апатия, уход в идеализированные воспоминания о доме. Дом занимал центральное значение как жизненный ориентир в мире войны, символизировал не только «нетронутый

мир», но и место, наполненное смыслом [12, S. 217–219].

В свою очередь в 1916 г. в прессе господствовала риторика непоколебимого бойца, спокойного и гордого [14, S. 43]. Такие образы призывали солдат сохранять стойкость в условиях войны. В 1917 г. пресса все реже изображала традиционные образы героя, стали появляться образы скорбящих женщин и солдат, стремящихся домой. В 1918 г. в прессе появились образы, отражавшие реальные настроения солдат: образы скорби и надежды на скорое завершение Великой войны. Когда «ужас» от восприятия войны стал массовым явлением, пресса перестала пропагандировать образы традиционного героя, проявляя сочувствие как военному, так и домашнему фронту.

Солдатские письма, дневниковые записи, и рассказы не дают общей картины роста или упадка мужественности в годы войны, но с течением времени прослеживается тенденция к выносливости и состраданию. Психологическое состояние солдат на фронте формировало общение с близкими, именно поэтому в изучении состояния и поведения солдат на фронте важную роль играют письма. Для военнослужащих большую роль играла обратная связь, для поддержания энтузиазма и боевого духа им важно было осознавать свою значимость для семьи, понимать, что их ждут дома [10]. Некоторые солдаты в письмах не сообщали о переживаемом ужасе и травмах, другие, напротив, не выдержав напряжения, делились переживаниями в надежде найти утешение и сострадание. Письма способствовали благоприятной психологической атмосфере на фронте и в тылу не только из-за содержания, важную роль играл сам

факт наличия писем. Фронтовики, регулярно получающие письма, убеждались, что семья их помнит [3, с. 99], а жители тыла убеждались, что их близкие не погибли [10].

Не всегда письма обеспечивали психологическую разгрузку солдатам, поскольку национальное сообщество включало в себя домашний и военный фронт [12, S. 213]. Для мужчин дом был отдушиной, в то время как для женского фронта дом стал обузой, поскольку ведение быта полностью взвалилось на их плечи и многие женщины шли на работу. Солдаты же, в свою очередь, с беспокойством наблюдали за возможностями, которые, по их мнению, военная ситуация раскрывала перед женщинами дома. Так, доминирующими темами в письмах в данном контексте стали женская верность и сексуальность, а также женская эмансипация. В случае, если у солдат выходила на первый план гендерная составляющая восприятия дома, то они могли воспринимать домашний фронт с раздражением, что могло побуждать поиск поддержки у сослуживцев [12, S. 235].

Напряженная обстановка в окопах, эмоциональное состояние солдат обнажали проблему сексуального поведения. Мужчины, которых ждали семьи, находили новые связи, что влияло на традиционные сексуальные представления как мужчин, так и женщин. Мужчины, которые уклонялись от службы и не хотели воевать, зачастую изображались женоподобными. Травмы, полученные в окопах, имели определенные последствия для образа мужественности: бессилие, которое солдаты ощущали от травм, привело к «кризису мужественности». В Германии такие страхи мужчин, и их неста-

бильное психическое состояние оценивались психиатрами как «не мужское» поведение [15]. Поведенческие стратегии мужчин и трансформация идеала мужественности в корне изменили традиционный уклад семейной жизни и наметили тенденцию к отдалению от традиционной патриархальной семьи [13].

Понятия маскулинности тесно связано с насилием. Несмотря на то, что для многих понимание страданий, смертей и убийств перевернуло картину понимания мира, многие мужчины стремились вернуться к жене, матери и домашнему очагу. Однако наблюдалась и тяга к убийствам, причем как у мужчин, так и у женщин, хотя данный феномен исследователи относят к исключениям [13].

Трансформацию по окончании войны претерпело и понятие героя. Ветераны, получившие травмы и увечья, считались героями войны. Однако их переживания, жизнь с ограничениями из-за полученных увечий приводила к расстройствам и шла вразрез с пониманием «геройства» и «героизма» [13].

Как правило, близость военных выражалась в возникновении крепкой дружбы, но иногда и в гомосексуальных связях. Встречались случаи, когда солдаты примеряли женские наряды с целью почувствовать себя женщиной, что в ряде случаев объясняется стремлением почувствовать себя в той роли, для которой война была чуждым явлением [9, S. 54]. Некоторые солдаты находили утешение среди своих товарищей, которые переживали похожие травмы. Для солдат стало характерно так называемое женское поведение: мужчины, не получая в письмах с тыла эмоциональную поддержку от жен,

стали проявлять эмоциональную слабость в отношении друг друга, которая возникала из-за необходимости почувствовать защищенность. Гомосексуализм, возникающий по причине недостатка внимания от жен у гетеросексуалов, М. Хиршфельд называл «псевдо-гомосексуализмом» [7].

Проблема сексуальных стратегий на фронте связана не только с «феминизацией маскулинности» и гомосексуализмом. Пропагандой воспевался образ целомудренного мужчины, который находится в ожидании встречи с женой. В действительности же бордели, проституция и беспорядочные половые связи были более распространенными проблемами, чем в довоенное время и не так строго регулировались, так как были нацелены на снижение психологического и эмоционального напряжения у солдат. Беспорядочные половые связи спровоцировали рост венерических заболеваний, что вынудило властей заняться регулировкой сексуального поведения. Консервативные христианские деятели настаивали на закрытии борделей, пропаганде целомудрия и предлагали снимать психологическое напряжение солдат иными методами [7].

Заключение. Таким образом, изучение трансформации мужественности в годы войны дает картину нескольких поведенческих стратегий мужчин на фронте, которые прослеживаются с помощью анализа феноменов «героизма», «кризиса мужественности», «милитаризации маскулинности» и «феминизации маскулинности». Понятие «героизма» в русле «милитаризации маскулинности» является наиболее традиционным, оно больше раскрывается в историографии, литературе и культуре, поскольку образ мужчины-воина не

подвергается критике, является консервативным. Однако «героизм» в Великую войну демонстрирует трансформацию мужских ролей, так как на первый план выдвигается образ простого солдата, а не доблестного рыцаря. «Простой солдат» наделяется такими качествами как товарищество, ожидание в окопах боя или иного события и проявление сдержанности в отношении череды смертей.

Психологические, психические и физические травмы стали решающим фактором в трансформации мужественности. Контуженные солдаты, уставшие от взрывов, насилия и ожидания, не соответствовали заявленному пропагандой образу воина. Солдаты были измождены войной. Психологический стресс увеличил пропасть между фронтом и тылом: мужчины в письмах к женам описывали военные реалии и в ответ ожидали поддержку. Женщины, в свою очередь, не могли понять травмы мужчин и описывали трудности в тылу. Проблемой было и доверие внутри семьи,

на психологическое состояние супругов влиял вопрос сохранения верности друг другу, так, эмоциональная связь в семьях ослабевала [7].

Явление «потерянного поколения», ставшее последствием Первой мировой войны, также связано с трансформацией гендерных ролей, поскольку целое поколение осталось оторванным от обыденной жизни и вчерашние школьники не успели освоить традиционные мужские роли. Процесс «милитаризации маскулинности» был призван сохранить традиционные представления о мужественности в Германии и отражал трансформацию гендерного порядка в консервативном отношении. Несмотря на «героизм» или его отсутствие, вне зависимости от степени проявления «кризиса мужественности» трансформация мужских ролей, и их стратегий поведения в той или иной степени коснулась в массовом порядке всех мужчин, участвовавших в Великой войне.

Список литературы

1. Артамошин С.В. Эрнст Юнгер: герой Великой войны и её героизация // История. Общество. Политика. 2017. № 4. С. 7–10.
2. История Германии: учебное пособие: в 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова Т. 2: От создания германской империи до начала XXI века. Кемерово, 2005. 624 с.
3. Ланник Л.В. Семья, долг, честь в Великой войне: проблемы повседневности германской военной элиты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. №12. С. 94–101.
4. Пленков О.Ю. Истоки современности: Динамика и логика развития Запада в Новейшее время. СПб., 2014. 671 с.
5. Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000. 158 с.
6. Bruendel S. Between Acceptance and Refusal – Soldiers' Attitudes Towards War (Germany) [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_germany/2014-10-08 (date of access: 10.12.2024).
7. Crouthamel J. Deutsche Soldaten und „Männlichkeit“ im Ersten Weltkrieg

[Электронный ресурс]: Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/182566/deutsche-soldaten-und-maennlichkeit-im-ersten-weltkrieg/> (date of access: 10.12.2024).

8. Fehlemann S. Bereavement and Mourning (Germany) [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/bereavement_and_mourning_germany/2014-10-08 (date of access: 10.12.2024).

9. Gender and the First world War / C. Hämmerle, O. Überegger, B. Bader-Zaar. Hoboken, 2014. 264 s.

10. Hanna M. War Letters: Communication between Front and Home Front [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/war_letters_communication_between_front_and_home_front/2014-10-08 (date of access: 10. 12. 2024).

11. Kladderadatsch. 1914–1918.

12. Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkrieges. Hrsg. v. G. Hirschfeld, G. Krumeich, D. Langewiesche, H. P. Ullmann. Essen: Klartext, 1997. 456 s.

13. Levsen S. Masculinities [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/masculinities/2015-01-07> (date of access: 12. 12. 2024).

14. Reimann A. Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkriegs. Essen, 2000. 320 s.

15. Rossol N. Commemoration, Cult of the Fallen (Germany) [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/commemoration_cult_of_the_fallen_germany/2014-10-08 (date of access: 12. 12. 2024).

16. Simplicissimus. 1914–1918.

17. Witkop P. Kriegsbriefe deutscher studenten. 1916. 114 s.

THE PROBLEM OF THE "CRISIS OF MASCULINITY" IN GERMANY DURING THE FIRST WORLD WAR

The article reveals the problem of the "crisis of masculinity" that arose in Germany during the Great War. The "crisis of masculinity" arises due to the gap in ideas between the expectations of war and the realities of front-line life and is characterized by the transformation of traditional behavioral strategies. Under the influence of the crisis, such phenomena as the "feminization of masculinity" and the "militarization of masculinity" arise. "Feminization of masculinity" implies the manifestation of sentimentality and the search for emotional support from comrades. The phenomenon of "militarization of masculinity" reflects the desire to preserve the traditional traits of the German soldier, who is alien to excessive emotionality. The process of development of the crisis was accompanied by the transformation of the traditional idea of heroism, which is inextricably linked with the problem of comradeship. The Great War makes a simple soldier a hero, who is involved in the problem of the "crisis of masculinity". The development of the problem of the "crisis of masculinity" can be traced in soldiers' letters and images published in German satirical publications. The letters provide insight into the soldiers' emotions in the context of their perception of the war and, in particular, reveal the problem of "general enthusiasm" at the beginning of the war in Germany. The analysis of the letters makes it clear that the problem of "horror" accompanied some soldiers from the very first days of the First

World War. The images published in German satirical publications allow us to trace the development of the “crisis of masculinity” through the prism of propaganda. The problem of the “lost generation” is also raised, which is directly related to the “crisis of masculinity”, since yesterday’s schoolchildren did not have time to master traditional male roles and their masculinity began to form under the influence of military conditions. Thus, the “crisis of masculinity” reflects the problem of the transformation of traditional gender roles in Germany during the First World War, affecting not only the transformation of male roles, but also female ones – those associated with the home front.

Keywords: World War I, Germany, propaganda, heroism, soldiers' letters, "lost generation", "crisis of masculinity", "militarization of masculinity", "feminization of masculinity".

References

1. Artamoshin S.V. Ernst Yunger: geroj Velikoj vojny i eyo geroizaciya [Ernst Jünger: Hero of the Great War and its glorification] // *Istoriya. Obshchestvo. Politika* 2017. № 4. S. 7–10.

2. *Istoriya Germanii: uchebnoe posobie: v 3 t. / Pod obshch. red. B. Bonvecha, Yu. V. Galaktionova T. 2: Ot sozdaniya germanskoj imperii do nachala XXI veka* [History of Germany: a textbook: in 3 volumes / Under the general editorship of B. Bonwetsch, Yu. V. Galaktionov Volume 2: From the creation of the German Empire to the beginning of the 21st century]. Kemerovo, 2005. 624 s.

3. Lannik L.V. Sem'ya, dolg, chest' v Velikoj vojne: problemy povsednevnosti germanskoj voennoj elity [Family, Duty, Honor in the Great War: Everyday Problems of the German Military Elite] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2014. №12. S. 94–101.

4. Plenkov O.Yu. *Istoki sovremennosti: Dinamika i logika razvitiya Zapada v Novejshee vremya* [The Origins of Modernity: The Dynamics and Logic of the Development of the West in Modern Times]. SPb., 2014. 671 s.

5. Yunger E. *V stal'nyh grozah* [Storm of Steel]. SPb., 2000. 158 s.

6. Bruendel S. Between Acceptance and Refusal – Soldiers' Attitudes Towards War (Germany) [Electronic resource]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/between_acceptance_and_refusal_-_soldiers_attitudes_towards_war_germany/2014-10-08 (date of access: 10.12.2024).

7. Crouthamel J. Deutsche Soldaten und „Männlichkeit“ im Ersten Weltkrieg [Electronic resource]: Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/182566/deutsche-soldaten-und-maennlichkeit-im-ersten-weltkrieg/> (date of access: 10.12.2024).

8. Fehlemann S. Bereavement and Mourning (Germany) [Electronic resource]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/bereavement_and_mourning_germany/2014-10-08 (date of access: 10.12.2024).

9. *Gender and the First world War* / C. Hämmerle, O. Überegger, B. Bader-Zaar. Hoboken, 2014. 264 s.

10. Hanna M. War Letters: Communication between Front and Home Front [Electronic resource]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War.

URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/war_letters_communication_between_front_and_home_front/2014-10-08 (date of access: 10. 12. 2024).

11. Kladderadatsch. 1914–1918.

12. Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkrieges. Hrsg. v. G. Hirschfeld, G. Krumeich, D. Langewiesche, H. P. Ullmann. Essen: Klartext, 1997. 456 s.

13. Levsen S. Masculinities [Electronic resource]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/masculinities/2015-01-07> (date of access: 12. 12. 2024).

14. Reimann A. Der große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000. 320 s.

15. Rossol N. Commemoration, Cult of the Fallen (Germany) [Electronic resource]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/commemoration_cult_of_the_fallen_germany/2014-10-08 (date of access: 12. 12. 2024).

16. Simplicissimus. 1914–1918.

17. Witkop P. Kriegsbriefe deutscher studenten. 1916. 114 s.

Об авторе

Краева Татьяна Андреевна – аспирант, инженер-исследователь, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия), E-mail: tatiana.kraeva@urfu.ru

Kraeva Tatiana Andreevna – Postgraduate student, Research Engineer, Ural Federal University named after The first President of Russia, Boris Yeltsin (Russia), E-mail: tatiana.kraeva@urfu.ru

Иллюстрации к статье

Рис. 1. «Прусский штурмовой марш», «Kladderadatsch», 1914, № 46, S. 717.

Рис. 2. 27 января 1915 г. в окопах. «Как сделать так, чтобы французы поняли нашу сегодняшнюю радость и в тоже же время разозлились?» «Давайте скандировать: Да здравствует император!», «Kladderadatsch», 1915, № 4, S. 45.

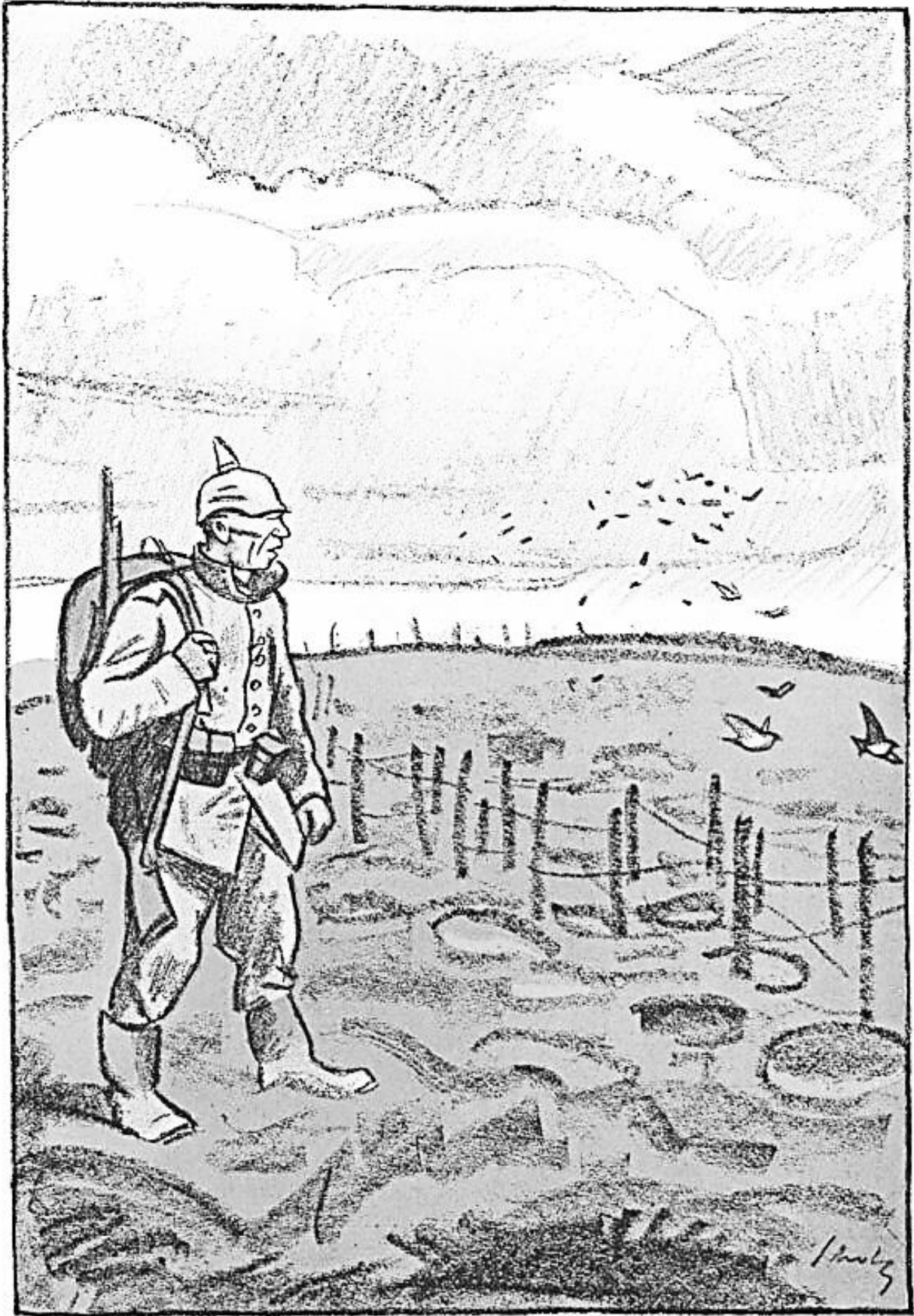

Рис. 3. «Тоска по дому», “Simplicissimus”, 1917, № 22, S. 281.

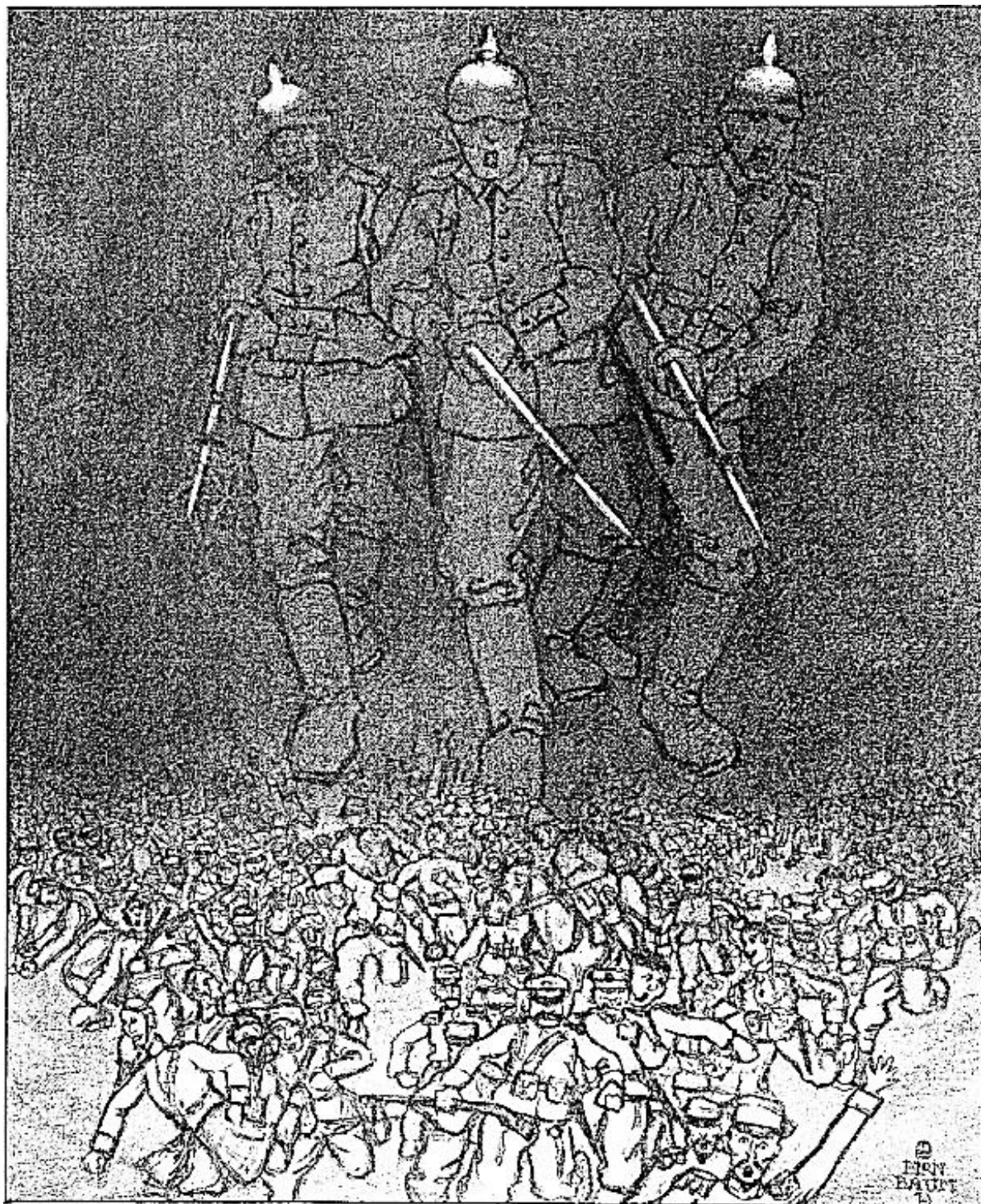

Рис. 4. «Серое поле», “Kladderadatsch”, 1915, № 1, S. 5.

Рис. 5. Отдыхающий, "Simplicissimus", 1916, № 7, S. 92.

УДК 004.9+94(47).048

Лохов А.Ю., кандидат исторических наук, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (Россия)

Еремин Е.И., доктор технических наук, профессор, Амурский государственный университет (Россия)

Нацвин А.В., Амурский государственный университет (Россия)

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРВОЙ ОСАДЫ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА 1685 г. II

Данный материал является второй частью в серии статей, описывающих первую осаду государственного Албазинского острога произошедшей в июне 1685 года. В работе представлены описание численного количества и состава артиллерии сухопутных войск и военных кораблей флота, китайской стороны конфликта, реконструируемых в рамках системного подхода. Стоит отметить, что исходная информация, описывающая объекты исследования, представленная обеими сторонами события, так же, как и описание ключевых сооружений в предыдущей части имеет серьезные разночтения. Также, в отечественных исследованиях имеет место только общее описание картины состава артиллерийского вооружения и боевых кораблей. Данный факт предположительно связан с применением классического индуктивного подхода в исторических исследованиях. Справочная информация же китайских источников о реальных тактико-технических параметрах китайской артиллерии позволила авторам идентифицировать типы осадных орудий используемых армией Лантаня, а также сделать вывод, что для осады Албазина была сформирована флотилия, включающая в себя две важные группы кораблей: для перевозки экспедиционного корпуса Лантаня к месту боевых действий и для тылового обеспечения. Стоит отметить, что данный вывод не противоречит ранее упомянутому рисунку «Luosha» и другому рисунку «Aihun» из того же источника.

Ключевые слова: Албазинский острог, Албазинский Спасский монастырь, артиллерия, архитектурный объект, джонка, компьютерная графика, осадные орудия, реконструкция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-70-84

Введение. В предыдущей части работы были представлены ключевые архитектурные объекты, участвовавшие в осаде Албазинского острога в 1685 году. А именно, представлена трехмерная реконструкция самой крепости с внутренним устройством, а также возможное местоположение Спасского монастыря [19]. Стоит отметить, что методика, примененная при реконструкции крепости периода первой осады, также пригодилась при воссоздании деревоземляной крепости периода второй осады [16-18].

Проведение исследований событий происходивших с участием Албазинского острога, а конкретнее осад 1685 и 1686 годов проводимых Цинским Китаем вызывают интерес еще со времен первого сплава Муравьева-Амурского с середины XIX века [1, 3, 4, 6, 7, 9, 11, 14, 23-27, 29, 30, 35, 36]. Насколько известно вооружение русской стороны конфликта достаточно точно представлено в текстах того времени [2, 5], в то время как состав вооружения китайской стороны пред-

ставлено разрозненными данными, зачастую противоречащими друг другу. При этом, не смотря на множество приложенных отечественными учеными усилий, фактическая характеристика сил и оснащения на данный момент представляет собой поверхностные суждения, требующие дополнительной проработки.

Важным обстоятельством такого положения дел, по мнению авторов, является использование классического индуктивного подхода в исторических исследованиях [13]. Такой подход подразумевает описание объекта путем перехода от частного к общему. Данное обстоятельство ставит исследование в сильную зависимость от правильной трактовки исходной информации, прошедшей значительный период времени. В свою очередь имеет место предположение о том, что подобные задачи можно решить путем применения обратного дедуктивного подхода, широко используемого в естественных науках [31].

Проведенное ранее исследование [15] направленное на составление общего представления о составе артиллерии учувствовавшей при первой осаде Албазинского острога 1685 года не учитывало некоторые факторы китайской военной истории и может быть улучшено.

Объекты и методы исследования. До второй половины XV века, китайская артиллерия использовалась на поле боя относительно бессистемно, после же приобрела конкретную специализацию. Таким образом, появились специальные артиллерийские подразделения, которые использовали осадные орудия крупных калибров, при этом полковые пушки малых калибров использовались при поддержке пехоты. Сами китайские орудия того периода принципиально копировали

европейские образцы.

Во второй половине XVI века наиболее распространенным типом тяжелых осадных орудий являлись кулеврины. Кулеврины – это мобильные пушки калибром 3-6 дюймов, изначально использовавшиеся французской сухопутной армией, а после занявшие место и среди средне-палубной артиллерии Англии. Данные орудия изготавливались из кованных медных или железных полос скрепленными кольцами. Изначально кулеврины были разновидностью крупного ручного оружия, однако уже в XV веке стали дульнозарядными осадными пушками, ведущими огонь по навесной траектории. Кулеврина имела несколько модификаций различной длины, массы и калибра. Так самая маленькая кулеврина (полукулеврина) стреляла ядрами по 3,5 килограмм на дистанцию от 550 метров до 2 километров, при этом самая большая модификация использовала ядра по 10 килограмм и могла стрелять на дистанцию до 450 метров. Стоит отметить, что именно полукулеврина чаще всего использовалась в XVII веке для осад крепостей.

Основу пехотной артиллерии рассматриваемого периода составляли легкие пушки калибром 1-3 дюйма именуемые фальконетами. Фальконеты имели множество модификаций в зависимости от длины ствола и способа заряжания. Дульнозарядные фальконеты отливали из чугуна и бронзы, а казнозарядные выковывались из железа. Среднестатистический фальконет XVII века стрелял ядрами около 0,5 килограмм, свинцовыми снарядами и картечью. Дальность прямого выстрела фальконета оставляла около 500 метров.

Первые европейские пушки попали в Китай в качестве трофеев после разгрома флота португальцев в битве

при Сицаоване в 1521 году. Копии данных малокалиберных орудий начали производиться в Китае под названием «Фоланцзы пао» (франкские пушки). Далее из португальской колонии в Макао в 1604 году были завезены бронзовые полукулевины после названные «Хуньипао» (красные варварские пушки), а их производство осуществлялось на Пекинском пушечном дворе в среднем и тяжелом исполнении, как при династии Мин, так и с увеличенным калибром при династии Цин. При этом китайские инженеры модифици-

ровали исходные орудия, сделав цельнометаллический ствол из двух металлов, а именно чугунную сердцевину и бронзовую оболочку, что в свою очередь повысило безопасность орудий и уменьшило вес (рис. 1). Таким образом, можно отметить, что первые китайские пушки являлись адаптацией европейской артиллерии с улучшенными характеристиками. Впоследствии практически все представленные орудия были заменены на образцы собственной разработки.

Рис. 1. Средняя пушка «Хуньипао», отлитая в периоде между 1643-1670 годов.

Результаты и их обсуждение Пушечное вооружение китайской армии

Переходя к непосредственному рассмотрению объекта исследования, следует отметить, что в рассматриваемый период также происходила модернизация китайской армии, предпринятая представителем династии Цин императором Канси. Основной вклад в становление китайской артиллерии, изначально копировавшей, а затем и превзошедшей западные образцы, внесли европейские миссионеры-иезуиты Тан Жован и Нань Хуайжэнь. Именно Нань Хуайжэнь, сменивший немца Тана Жована на посту руководителя математического совета при императоре Китая,

лично руководил разработкой и производством нового пушечного вооружения, а именно при нем были созданы: легкие пушки «Шэнвей цзянцзюнь пао», средние пушки «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао» и тяжелые пушки «Вонгу цзянцзюнь пао».

Начиная с 1670 года, начался планомерный отказ от полукулеврин и создание собственных орудий для каждого соответствующего класса европейской артиллерии. Производство новых орудий называемых «Цзянцзюнь пао» (пушка великого полководца) осуществлялось по той же биметаллической технологии, при этом руководил данным процессом также Нань Хуайжэнь (рис. 2).

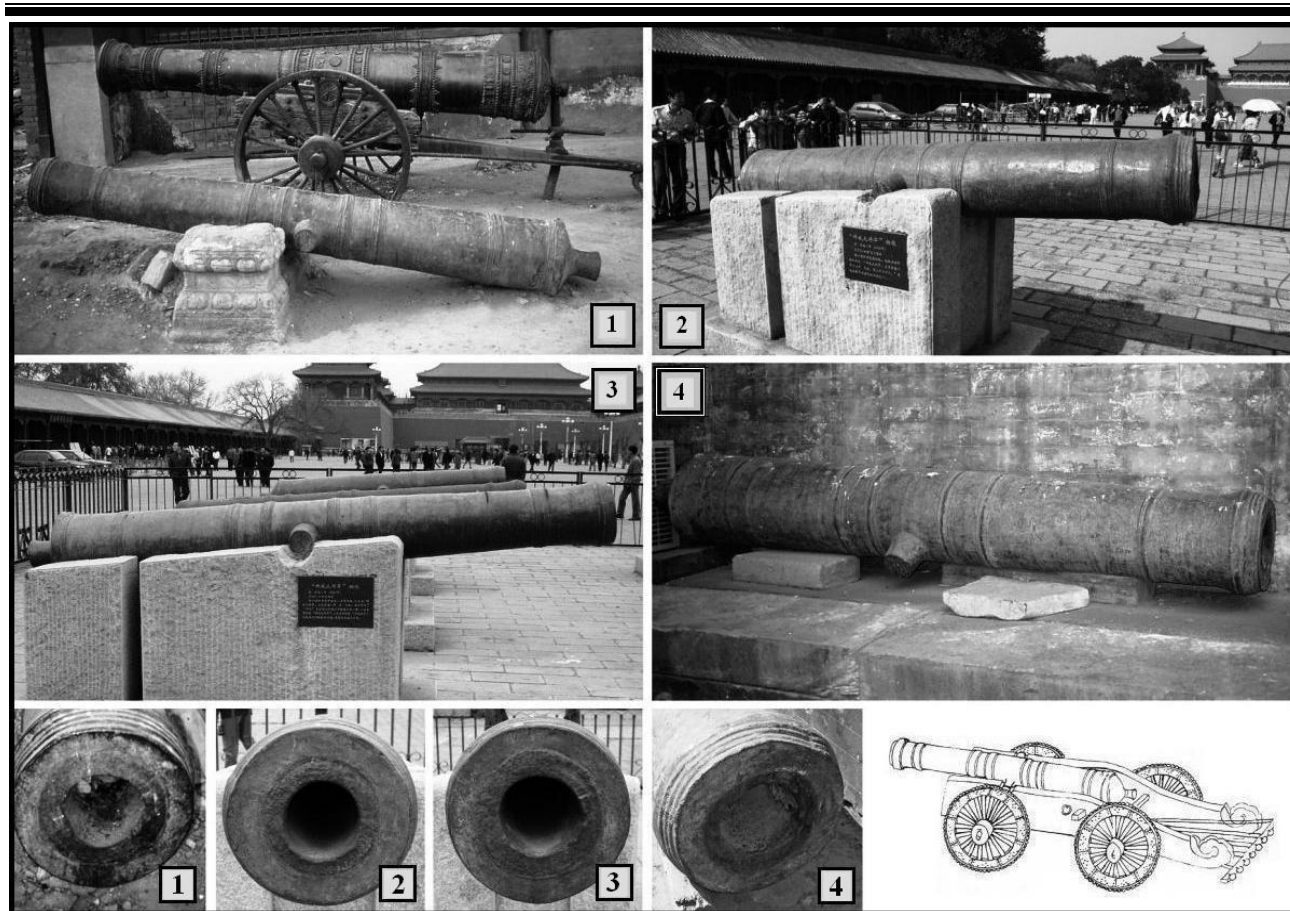

Рис. 2. Средние и тяжелая пушки «Цзянцзюнь пао», отлитые в 1673-1681 годах [34].

Таким образом, теоретический состав орудий при осаде Албазина выглядит следующим образом. Пушки «Хунъипао» созданные при династии Мин как средние, так и тяжелые вероятнее всего практически все были переплавлены в процессе модернизации артиллерии. При этом та же участь постигла тяжелые пушки «Хунъипао», созданные при династии Цин, ввиду их замены на более современные «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао», однако средние пушки вероятнее всего участвовали в осаде, как и тяжелые

орудия «Вонгу цзянцзюнь пао».

Переходя к рассмотрению последнего класса китайских орудий XVII века, а именно легких пушек можно точно утверждать, что это были орудия «Шэнвей цзянцзюнь пао» (рис. 3). Современные исследования [8] показали, что при осаде Албазина участвовало 8 этих легких орудий. Также стоит отметить, что один из стволов рассматриваемого орудия, производимых с 1676 по 1681 годы, сохранился в коллекции Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова [28].

Рис. 3. Легкие пушки «Шэнвей цзянцзюнь пао», отлитые в 1676-1681 годах.

Справочная информация о реальных тактико-технических параметрах китайской артиллерии позволила авторам идентифицировать типы осадных орудий, используемых армией Лантаня. Кроме того, большую помощь в решении данной задачи оказывает рисунок первой и второй осад Албазина, представленные в китайском рукописном атласе конца XVII века. Подробное рассмотрение данного изображения позволяет точно идентифицировать указанные три типа орудий, а именно, легкие орудия (фиолетовый контур), средние орудия (красный контур) и тяжелые орудия (синий контур) (рис. 4). Согласно

рисунок легких орудий указано 8 единиц, что соответствует исследованию, и дает основание утверждать, что рисунок показывает точное количество и остальных орудий, а именно, тяжелых орудий было представлено 8 единиц и средних 5 единиц. Кроме того, биография Лантаня позволяет точно идентифицировать тип орудий на позициях: красным контуром отмечены пушки «Хуньипао», фиолетовым контуром отмечены пушки «Шэнвей цзянцзюнь пао», и синий контур представлял орудия «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао» и «Вонгу цзянцзюнь пао» вероятно используемые совместно.

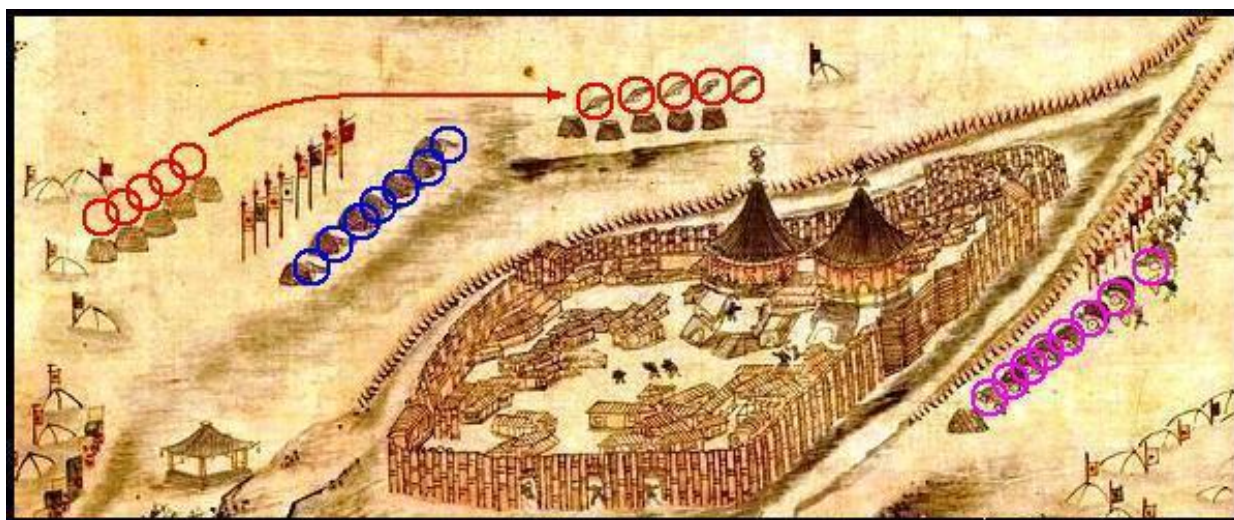

Рис. 4. Анализ общей организации и состава маньчжурской артиллерии на китайском рисунке первой осады Албазина, проведенной в 1685 году.

Таким образом, наиболее часто упоминаемые данные из русских архивов в виде значений 250, 200 или 150 единиц, можно признать противоречивыми и недостоверными. Столь завышенные значения могут быть связаны с тем фактом, что достаточно долго возводимая крепость была уничтожена за столь короткий срок. Следовательно, можно перейти к другим значениям, которые уже ближе к действительности, а именно, согласно отписке Нерчинского воеводы Власова Енисейскому воеводе князю Щербатову, составленной на основании допроса китайского дезертира число больших орудий составляло 30 единиц, а малых 15 единиц. Близкое значение также указано в документах фиксирующих начало осады и утверждающих, что у Лантаня было 40 орудий. Однако, в китайских источниках, а конкретнее, в биографии Лантаня было сказано, что для взятия крепости ему будет достаточно 20 орудий, что вызывает расхождение значений почти в два раза.

Данный недостаток можно исправить вводом дополнительной разновидности китайских орудий, упоминаемой в биографии Лантаня, а именно пушек «Лунпао». Согласно историческим данным орудия именно с таким названием представляли собой бронзовые пушки малого калибра со стволом длиной 144 сантиметра с рельефным изображением дракона. Однако данные орудия должны компенсировать не только недостающие 15 легких пушек, но 10 тяжелых, чтобы получить их полное число, что является противоречием.

В рассматриваемый период времени в армии Китая были распространены железные казнозарядные пушки «Саньципао-1» длиной 170 сантимет-

ров обычно используемые на станковых лафетах, а также их тяжелая модификация «Саньципао-Лунпао» с удлиненным стволом в 210 сантиметров, которая, скорее всего, устанавливалась на двухколесные лафеты, следовательно, внешне напоминала пушку «Шэнвей цзянцзюнь пао» [22]. Также стоит отметить, что тяжелая модификация пушки подразумевала обязательное изображение золотого дракона на стволе.

Согласно русским архивным данным по крепости стреляли горящими стрелами из станковых орудий. В классических исследованиях обычно это факт интерпретировался как стрельба из большого арбалета, однако в китайской военной практике использовалась малоизвестная европейцам тактика стрельбы огненными стрелами из малокалиберных пушек или больших ружей [10]. Однако стрельба стрелами длиной от полутора до двух метров из короткой для этого пушки «Лунпао» была бы затруднительной, но стрельба из достаточно длинной «Саньципао-1» и еще более длинной «Саньципао-Лунпао» вполне становится осуществимой. Следовательно, можно предположить, что указанная Лантанем пушка «Лунпао» это «Саньципао-Лунпао».

Таким образом, авторами предлагается следующий перечень орудий используемых при вооруженном конфликте 1685 года армией Цинского Китая: «Вонгу цзянцзюнь пао» 3 единицы; «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао» 4 единицы; «Хуньипао» 5 единиц; «Шэнвей цзянцзюнь пао» 8 единиц; «Саньципао-Лунпао» 10 единиц; «Саньципао-1» 15 единиц.

Подводя итоги раздела, можно утверждать, что проведенное исследование превосходит традиционные ре-

шения, обладая при этом наиболее возможным соответствием используемым справочным данным. Однако к мало освященным темам осады Албазинского острога стоит отнести и военные корабли, на которых прибыла армия Лантаня.

Анализ состава китайского флота

Активно проводимое освоение восточной Сибири Московским царством со второй половины XVI века привело к присоединению множеств территорий, а также построению разветвленной сети крепостей. Вполне естественно сложившаяся ситуация не могла беспокоить императора Цинского Китая. Поэтому 5 января 1683 года им было отдано распоряжение о необходимости уделить внимание ремонту и строительству военных судов. Для данной задачи были выделены судостроительные специалисты и армия, направленные в Гирина (Цзилинь). Однако при попытке передислокации маньчжурских войск на север возникла проблема обеспечения провиантом и снаряжением.

Таким образом, уже 4 апреля 1683 года Канси утвердил систему снабжения войск, дислоцированных в Гирине, согласно которому снабжать армию зерном будут деревни, находившиеся на внутренней территории Цинской империи. В свою очередь, если суда находились на маньчжурской территории, то их охрана должна была обеспечиваться силами самих маньчжуров, а за границами «Ивового палисада» сопровождать суда поручалось монгольскими войнами. Также Цинское правительство послало Лантаня и Пенчуня на разведку Якса (Албазина) и также им были отправлены люди для замера фарватера рек Ляохэ и Итуньхэ. По результатам замера стало известно, что

по Ляохэ может пройти «малое» транспортное судно длиной в 3 чжана (11 метров), после чего в устье Цзюйлюхэ началась постройка 60 подобных судов. При этом по Итуньхэ могут плавать «средние» корабли снабжения длиной в 3,5 чжана (13 метров), которых следует построить на верфях Гирина в количестве 100 единиц.

После возвращения из разведывательного похода, Лантань, доложил императору, что от Айхуня до Албазина на лошадях до слияния рек Хейлундзян (Амур) и Сунъали (Сунгари) можно добраться за полмесяца. При этом от слияния рек до Якса (Албазина) на лошадях путь займет месяц, а на лодках три месяца, однако на лодках можно напрямую доставить к полю боя провиант и тяжелые орудия. В свою очередь, из доклада известно, что на Амуре находилось 40 больших и 26 малых судов, два из которых вышли из строя. Однако использование больших судов из-за их медлительности может привести к нарушению снабжения войска, вследствие чего будут использованы малые суда, однако требуется довести их количество до 80.

Из вышеприведенного архивного материала можно сделать следующий вывод, что для осады Албазина была сформирована флотилия, включающая в себя две важные группы кораблей. Первая группа, состоящая из малых транспортно-боевых кораблей, была предназначена для перевозки экспедиционного корпуса Лантаня к месту боевых действий. Вторая группа включала многочисленные суда для тылового обеспечения, часть из которых могла быть включена в первую группу. Стоит отметить, что данный вывод не противоречит ранее упомянутому рисунку «Luosha» и другому рисунку «Aihun» из того же источника (рис. 5).

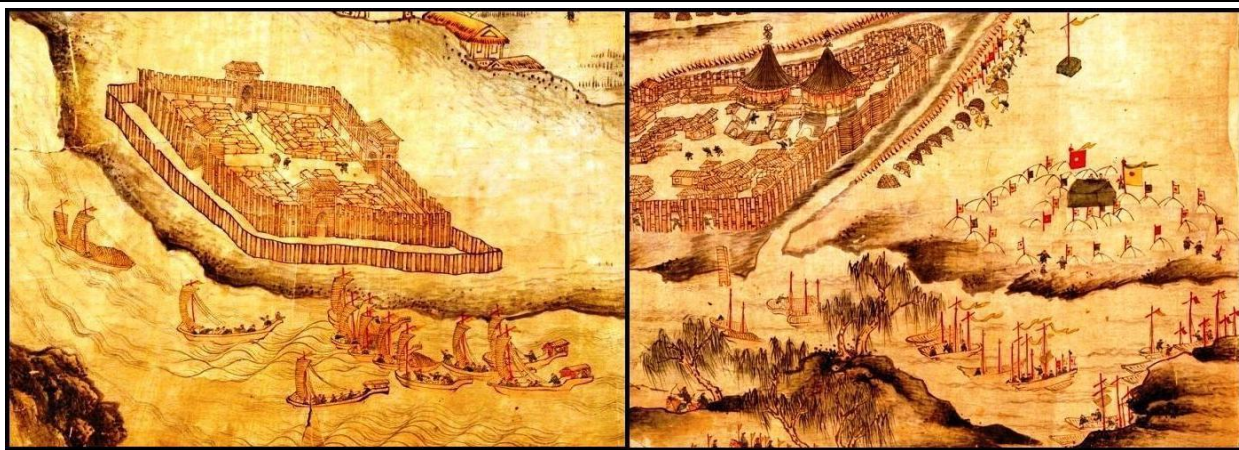

Рис. 5. Фрагменты картографических отчетов о подготовке и ходе осады Албазина: средние и малые корабли снабжения (слева); малые транспортно-боевые корабли (справа).

Нет никакого сомнения, что используемые транспортные корабли представляли собой китайские джонки – плоскодонные парусные корабли, предназначенные для плавания по рекам и вблизи морского побережья. Точное время изобретения джонки не известно, однако, считается, что она появилась приблизительно 1000 лет до нашей эры [38, 39]. В свою очередь, в раннем средневековье джонки стали использоваться для длительных морских переходов и в военных целях [37, 40].

Внешними узнаваемыми чертами джонок были паруса, связанными горизонтальными рейками, а также поднятые нос и корма. Джонка – это плоскодонное судно с низкой осадкой, что по-

могало ей перемещаться по мелководью. Руль джонки из-за своей массивности обеспечивал курсовую остойчивость судна, при этом он не имел петель для крепления, а удерживался тросами, проходящими под днищем, что позволяло ему легко подниматься и опускаться. Самый распространенный вариант джонки имел габариты 9,2х45,2 метра, а высота самой большой мачты составляла 28,5 метров с диаметром основания в один метр. Корпус имел 37 поперечных ребер жесткости, а также водонепроницаемые переборки, делающие джонку надежным и прочным судном. Так же стоит отметить, что типовую джонку было легко переоборудовать под военные нужды (рис. 6 и 7).

Рис. 6. Изображение морского боя китайских джонок с пиратами XVIII века.

Рис. 7. Малая (слева) и большая (справа) китайские транспортно-боевые джонки.

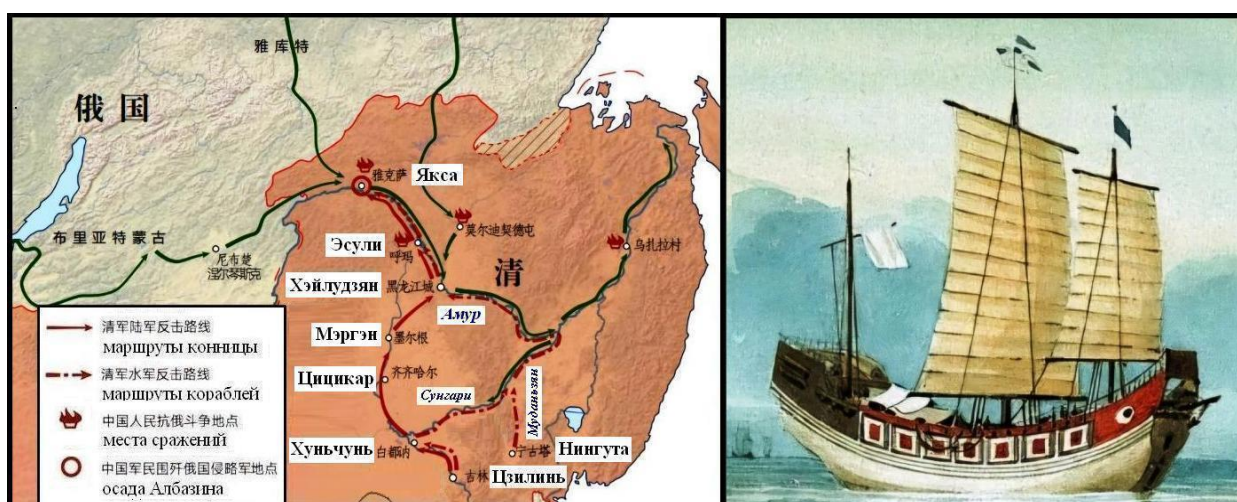

Рис. 8. Маршруты выдвижения корпуса Лантаня в 1685 году и малые боевые корабли.

Если предположить, что приведенные характеристики относятся к большой речной джонке, то ее меньший вариант должен был отличаться только длиной корпуса, меньше на пятую часть, то есть составлять 36х9 метров. В русских архивах описывается крушение одного из китайских боевых кораблей, на котором находилось 50 человек и одна большая пушка. Учитывая, что вес одного орудия составлял порядка 2 тонн, то его можно приравнять к 25 полностью вооруженным солдатам, следовательно, судно могло вмещать до 75 солдат. Как известно из ар-

хивных данных из представленного количества 15 человек были матросами, а на кораблях снабжения вдвое меньшими по размеру их было 6 человек.

Таким образом, сотня китайских транспортно-боевых джонок были способны доставить к Албазину 5400 пехотинцев, 20 орудий с их расчетами, составлявших порядка 200 человек. Также в свою очередь, солдаты вспомогательного подразделения в составе 1620 человек должны были передвигаться по берегу Амура, выполнявших функцию бурлаков, и тащить корабли против течения. Данный факт, а также информация о том, что конница двигалась по

правому берегу, подтверждается наличием двух опорных пунктов Айхунь (Гродеково) и Эсули (Сергеевка) на российской территории (рис. 7).

Заключение. В заключение статьи стоит подчеркнуть неограниченный вклад в описываемое исследование системного подхода, позволяющего восстановить недостающие данные на основе общих характеристик и современных информационных технологий, обеспечивших помощь при анализе

текстов английского и в особенности китайского языков. Кроме того, совмещение архивных карт и современных спутниковых снимков, а также использование средств современной компьютерной графики, используемых в рамках исторической информатики, не раз доказывали на примере реконструкции различных архитектурных объектов свою практическую эффективность [12, 20, 21, 32, 33].

Список литературы

1. Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / *Забияко А.П., Черкасов А.Н.* – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019.
2. Албазинское воеводство: сборник документов / *Трухин В.И., Крюков В.В.* – Хабаровск: Библиотека Дальневосточного казачества, 2019.
3. *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1984.
4. *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999.
5. *Аюшин Н.Б.* Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. – Владивосток: Дальнаука, 1998. Т. 3. С. 108-109
6. *Беляков А.О., Вальчак С.Б., Степанов Д.Ю., Черкасов А.Н., Чхаидзе В.Н.* Православное миссионерство на Дальнем Востоке и Албазинская Спасская пустынь // Религиоведение. 2014. № 1. С. 28–43
7. *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1986.
8. *Ван Чжаочунь.* История китайского огнестрельного оружия. – Пекин: Военно-научное изд-во, 1991. (На китайском языке)
9. *Голубцов Н.З.* История древнего города Албазина. – Благовещенск: Тов. Д.О. Мокин и Ко, 1902.
10. *Громов А.В.* Большие пушки императора Канси. Орудия учэньюнгун да цзяньцзюнь в собрании ВИМАИВиВС // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. IX междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2019. Ч. 1. С. 264-280
11. *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
12. *Еремин И.Е., Нацвин А.В., Лохов А.Ю.* Онтологическая модель острога Никифора Черниговского // Информатика и системы управления. 2021. № 4(70). С. 13-29.

13. *Забияко А.П., Трухин В.И.* Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // Религиоведение. 2021. № 1. С. 34–50.
14. *Красноштанов Г.Б.* Никифор Романович Черниговский: документальное повествование. – Иркутск: Репроцентр А1, 2008.
15. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 114-125.
16. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. I // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 3. С. 70-81.
17. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. II // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1. С. 110-118.
18. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. III // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 1. С. 56-65.
19. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Историко-топографическое моделирование первой осады Албазинского острога 1685 г. I // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 4. С. 71-82.
20. *Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В.* Фактологическое обоснование местонахождения Албазинского Спасского монастыря // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 4. С. 144-149.
21. *Лохов А.Ю., Трухин В.И., Зайцев И.В.* Нерчинский острог 1689 года // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 119-131.
22. *Лю Сюй.* История артиллерии древнего Китая. – Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1989. (На китайском языке)
23. *Маак Р.К.* Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 г. Р.К. Маком. – СПб.: С.Ф.Соловьев, 1859.
24. Международные отношения в Центральной Азии, XVII-XVIII вв. Документы и материалы / *Гуревич Б.П., Моисеев В.А.* – М.: Наука, 1989.
25. *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.) – М.: Наука, 1974.
26. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. – М.: Наука, 1980.
27. *Новиков-Даурский Г.С.* Открытие Амура русскими и начало освоения края // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. 1953. Т. 2. С. 28-51.
28. *Пастухов А.М., Багрин Е.А., Васильев С.Г.* Коллекция артиллерийских орудий Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова // История оружия. 2013. № 8/9. С. 135-149.
29. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1608-1683 / *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* – М.: Наука, 1969.
30. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686-1691 / *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* – М.: Наука, 1972.
31. *Саблин И.В.* Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. 2013. № 1. С. 10-16.

32. Трухин В.И., Лохов А.Ю. Первая православная церковь Нерчинского острога // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 1. С. 139-145.

33. Трухин В.И., Нацвин А.В. Реконструкция внешнего облика Воскресенской церкви Албазинского острога // Религиоведение. 2020. № 1. С. 123-131.

34. Хуанг Й-Лонг. Взлет и падение типичных пушек из композитного металла, отлитых в период Мин-Цин // Цинь-Хуайский журнал китайских студий, 2009. С. 73-136. (На китайском языке)

35. Черкасов А.Н., Беляков А.О. Археологические исследования в Албазино // Родина. 2012. № 5.

36. Черкасов А.Н., Зайцев Н.Н., Онищук В.В., Сухоруков Н.И. Современные геофизические методы в исследовании Албазинского острога // Родина. 2011. № 12. С. 59-63.

37. Arthur Bonner. Alas! What brought Thee Hither?: The Chinese in New York 1800-1950. – Farleigh Dickinson University Press, 1997.

38. Edward L. Dreyer, Peter Stearns. Zheng He: China and the oceans in the early Ming Dynasty, 1405-1433. – Pearson Longman, 2007.

39. Louise Levathes. When China ruled the seas: The Treasure Fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. – Oxford University Press, 1996.

40. Tonio Andrade. Lost Colony: The untold story of China's first Great Victory over the West. – Princeton University Press, 2011.

HISTORICAL AND TOPOGRAPHIC MODELING THE FIRST SIEGE OF THE ALBAZINSKY PRISON. II

This material is the second part in a series of articles describing the first siege of the state-owned Albaza prison in June 1685. The paper presents a description of the numerical number and composition of artillery of the ground forces and warships of the fleet, the Chinese side of the conflict, reconstructed within the framework of a systematic approach. It is worth noting that the initial information describing the objects of research presented by both sides of the event, as well as the description of the key structures in the previous part, has serious discrepancies. Also, in domestic studies, there is only a general description of the composition of artillery weapons and warships. This fact is presumably related to the application of the classical inductive approach in historical research. Background information from Chinese sources on the actual tactical and technical parameters of Chinese artillery allowed the authors to identify the types of siege guns used by the Lanthan army, and also conclude that a flotilla was formed for the siege of Albazin, which included two important groups of ships: to transport the Lanthan expeditionary force to the battlefield and for logistical support. It is worth noting that this conclusion does not contradict the previously mentioned "Luosha" drawing and another "Aihun" drawing from the same source.

Keywords: Albazinsky prison, Albazinsky Spassky Monastery, artillery, architectural object, junk, computer graphics, siege guns, reconstruction.

References

1. Albazinsky ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region] (2019) / ed. by A.P. Zabayako, A.N. Cherkasov. – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

2. Albazinskoye voyevodstvo (sbornik dokumentov) [Albazin voivodeship (collection of documents)] /Trukhin V.I., Kryukov V.V. (2016)

3. Alexandrov V.A. [Russia in the Far East (the second half of the 17th century)]. Khabarovsk: Khabarovsk Publishing House, 1984.
4. Artemyev A.R. (1999) Goroda i ostrogi Zabaykal'ya i Priamur'ya vo vtoroy polovine XVII– XVIII vv. [Cities and prisons of Transbaikalia and Amur region in the second half of the XVII– XVIII centuries]. Vladivostok: Izd-vo Instituta istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN.
5. Anin N.B. (1998) [Artillery in the battle for Albazinsky Island] // Russian pioneers in the Far East in the XVII century.-19th century: Historical and archaeological research. researches. Vladivostok: Dalnauka Publ. Vol. 3. pp. 108-109
6. Belyakov A.O., Valchak S.B., Stepanov D.Yu., Cherkasov A.N., Chkhaidze V.N. (2014) Pravoslavnoye missionerstvo na Dal'nem Vostoke i Albazinskaya Spasskaya pustyn' [Orthodox missionary work in the Far East and the Albazinskaya Spasskaya deserts] // Religious Studies. № 1. pp. 28-43.
7. Besprozvanny E.L. (1986) [Arrival in the system of Russian-Chinese relations: XVII – mid-XIX century]. Khabarovsk: Publishing House.
8. Wang Zhaochun. [The history of Chinese firearms]. – Beijing: Military Scientific Publishing House, 1991. (In Chinese)
9. Golubtsov N.Z. (1902) Istoriya drevnego goroda Albazina [The history of the ancient city of Albazin]. Blagoveshchensk: Comrade D.O. Mokin and Co.
10. Gromov A.V. (2019) [The Kangxi Emperor's big guns. Tools of wuchengyungu da jianjun in the collection of VIMAIViVS] // War and weapons. New research and materials: tr. IX month-waiting for scientific and practical conf. – St. Petersburg: Publishing House of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops. Part 1. pp. 264-280
11. Doronin B.G. (2002) [History of Imperial China of the XVII-XVIII centuries]. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2002.
12. Eremin I.E., Natsvin A.V., Lokhov A.Y. (2021) [The ontological model of Nikifor Chernigov prison] // Informatics and management systems. No. 4(70). pp. 13-29.
13. Zabiyaiko A.P., Trukhin V.I. (2021) Albazinskiy Spasskiy monastyr': osnovnyye vekhi istorii i rezul'taty issledovaniy [Albazinsky Spassky Monastery: the main milestones of history and research results] // Religiovedeniye. № 1. pp. 34-50.
14. Krasnoshtanov G.B. (2008) [Nikifor Romanovich Chernigov: documentary narrative]. Irkutsk: Reprocenter A1.
15. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2021) [Artillery during the first siege of the Albazinsky prison] // Izvestiya laboratory of Ancient Technologies. Vol. 17. No. 3. pp. 114-125.
16. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022) Istoriko-arkheologicheskoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda vtoroy osady. I [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. I] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3. pp. 70-81.
17. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023) Istoriko-arkheologicheskoye modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda vtoroy osady. II [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. II] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1. pp. 110-118.
18. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024) Istoriko-arkheologicheskoye

modelirovaniye Albazinskogo ostroga perioda vtoroy osady. III [Historical and archaeological modeling of the Albazinsky prison during the second siege. III] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 1. pp. 56-65.

19. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024) Historical and graphic modeling of the first siege of Albazinsky Island in 1685 // Bulletin of the British State University-gazeta. No. 4. pp. 71-82.

20. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022) Faktologicheskoye obosnovaniye mestonakhozhdeniya Albazinskogo Spasskogo monastyrya [Factual substantiation of the location of the Albazinsky Spassky monastery] // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. № 4. pp. 144-149.

21. Lokhov A.Yu., Trukhin V.I., Zaitsev I.V. (2021) Nerchinskiy ostrog 1689 goda [Nerchinsky ostrog of 1689] // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy. Vol. 17. № 4. pp. 119-131.

22. Liu Xu. (1989) [The history of artillery in ancient China]. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. (In Chinese)

23. Maak R.K. (1859) Atlas k «Puteshestviyu na Amur, sovershennomu po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 godu» [Atlas to "A trip to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855."]. St. Petersburg.

25. Melnikov G.V. (1974) [Manchus in the Northeast (17th century)]. – Moscow: Nauka.

26. Mesnikov V.S. (1980) The Emperor and the Russian state in the 17th century. – Moscow: Nauka.

27. Novikov-Daursky G.S. (1953) Otkrytiye Amura russkimi i nachalo osvoyeniya kraya [The discovery of Amur by Russians and the beginning of the development of the region] // Notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore. Vol. 2. pp. 28-51.

28. Pastukhov A.M., Bagrin E.A., Vasiliev S.G. (2013) [Collection of artillery guns of the Transbaikal Museum of Local Lore named after A.K. Kuznetsov] // The history of weapons. No. 8/9. pp. 135-149.

29. Russian-Chinese relations in the 17th century: Materials and documents. 1608-1683 / Doctor of Medical Sciences, V.S. Misnikov. Moscow: Nauka, (1969).

30. Russian-Chinese relations in the 17th century: Materials and Documents. 1686-1691 / Doctor of Medical Sciences, V.S. Misnikov, Moscow: Nauka Publ., (1972).

31. Sablin I.V. (2013) [Historical geoinformatics: from visualization to post-representative analysis] // Historical computer science. No. 1. pp. 10-16.

32. Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2022) Pervaya pravoslavnaya tserkov' Nerchinskogo ostroga [The first Orthodox Church of the Nerchinsk prison] // Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. № 1. pp. 139-145.

33. Trukhin V.I., Natsvin A.V. (2020) Rekonstruktsiya vneshnego oblika Voskresenskoy tserkvi Albazinskogo ostroga [Reconstruction of the external appearance of the Resurrection Church of the Albazinsky ostrog] // Religiovedeniye. № 1. pp. 123-131.

34. Huang Yi-Long. (2009) The rise and fall of typical composite metal cannons cast during the Ming-Qing period // Qin-Huai Journal of Chinese Studies, pp. 73-136. (In Chinese)

35. Cherkasov A.N., Belyakov A.O. Archaeological research in Albazino // *Rodina*. 2012. № 5.
36. Cherkasov A.N., Zaitsev N.N., Onishchuk V.V., Sukhorukov N.I. (2011) [Modern geophysical methods in the study of the Albazinsky ostrog] // *Rodina*. No. 12. pp. 59-63.
37. Arthur Bonner. *Alas! What brings You here?: The Chinese in New York, 1800-1950.* - Farley Dickinson University Press, (1997).
38. Edward L. Dreyer, Peter Stearns. *Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405-1433.* – Pearson Longman, (2007).
39. Louise Levates. *When China Ruled the Seas: The Treasure Fleet of the Dragon Throne, 1405-1433.* – Oxford University Press, (1996).
40. Tonio Andrade. *The Lost Colony: The Untold Story of China's First great Victory over the West.* – Princeton University Press, (2011).

Об авторах

Лохов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, Благовещенск, (Россия), e-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич – доктор технических наук, профессор, профессор Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Нацвин Алексей Викторович – аспирант Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Lokhov Alexey Yuryevich – Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of tactics Far Eastern higher combined arms command of the order of Zhukov, Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky school, Blagoveshchensk, (Russia), e-mail: kluger999@inbox.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Eremin Ilya Evgenievich – Doctor of technical sciences, Professor, professor of the Department of information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Natsvin Alexey Viktorovich – Postgraduate student of the Department of Information and control systems, Amur state university (Russia), e-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

УДК 93/94

Петрусов Д.С. аспирант кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия)

МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРАВОВАЯ ОСНОВА ВЫСТРАИВАНИЯ МОДЕЛИ СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

В статье анализируются особенности межведомственного взаимодействия ключевых структур государственного аппарата Российской империи с опорой на нормативно-правовую базу в плоскости предпринятой попытки построения модели сословного самоуправления в городах Смоленской губернии конца XVIII – первой половины XIX вв. Исследование посвящено актуальной проблематике периода расцвета провинциального города, идущего во взаимосвязи со строительством государственно-административного аппарата, преломляющегося в плоскости внутриполитической деятельности. В целях установления уровня сформированности принципа «системности», а также оценки эффективности реализации полномочий, автор предпринимает попытку сравнения степени трансформации городского пространства и нового порядка управления, обеспечившего необходимость совершенствования форм внутренней и межведомственной документации, отражающей возрастающую интенсивность взаимодействия на уровне ведомств по выполнению целевых показателей. Опираясь на неопубликованную документальную базу осуществлена реконструкция опыта становления городских распорядительных органов самоуправления, позволившая определить перспективные направления исследований в области современной исторической науки. Полученные данные способствуют аккумуляции исторического опыта, обеспечившего функционирование городского хозяйства посредством разрешения общегосударственных задач, пример которых может быть полезен для отечественных реформаторов XXI века. Преимущественно использованные методы – теоретические. Полученные результаты отражают основные стороны конструирования распорядительных органов сословного самоуправления, путем переложения общенаучного подхода на специально-исторический уровень, способный раскрыть высокий научный потенциал документальной базы, а также противоречивый образ всей совокупности теоретико-практического инструментария городских дум, используемого для оценки эффективности деятельности местного аппарата в регулировании процессов жизни городского общества Смоленской губернии.

Ключевые слова: сословное самоуправление, городская дума, Смоленская губерния, провинция, Министерство внутренних дел, межведомственное взаимодействие, эффективность, финансы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-85-97

Введение. Опыт выстраивания эффективной модели сословного самоуправления - одна из множества интереснейших страниц отечественной истории. Система, выстроенная по-особому, высочайшему повелению была призвана координировать жизнедеятельность городского хозяйства в призме повседневной, многократно

меняющейся чередой социальных ролей и практик взаимодействия государственных и общественных структур. Составляя основу социальных отношений, отличавшихся краткосрочностью, сложностью фиксирования, а также видовым разнообразием вопросов местного значения сложилась

необходимость особого подхода, требующего изучения не только внешних (учредительных), но и внутренних (практических) контуров реализации государственной политики на уровне локального, городского пространства, способствующего трансформации правового статуса горожан.

Исследовать социально-экономическую структуру жизни городского сообщества представляется возможным, изучая обширную источниковую базу. Документальное наследие органов самоуправления, позволяет проследить динамику изменений между сословным статусом и образом жизни, потребностями и реформами, выступая ценным историческим опытом, учет которого в современных условиях, времени реформ – неизбежен. Изучение динамики становления и деятельности органов самоуправления – ключевой подход к формированию эффективной модели управления, способной организовать функционирование местного общества на качественно новом уровне. Только сформировав комплексное представление об эволюции системы органов сословного самоуправления в пространстве и времени возможно аккумулировать исторический опыт для пополнения смыслов, методов и практик изменений реформаторов российского общества XXI в.

Объекты и методы исследования. Использование целого комплекса теоретических методов позволило извлечь основные положения настоящего исследования в результате всесторонней критики источника, обеспеченной анализом и синтезом, позволяющим расщеплять источниковедческие пласты на смысловые единицы, а также сопоставлять явления на разно-

временных отрезках времени, формируя общее представление о тенденциях развития распорядительных органов; классификацией и сравнением, обеспечившим внутреннюю систематизацию парных, видовых групп документации (актовой, делопроизводственной, статистической), составляющей фундаментальную правовую основу деятельности в качестве межведомственного, а также ценностного регулятора управленцев Екатерининской и последующей эпох; обобщением и конкретизацией, формирующими представления о региональном характере и особенностях устройства, а также функционировании городских дум, подкрепляемые индукцией и дедукцией, транслирующей поэтапный процесс эволюции сословного самоуправления «сверху-вниз» на основе умозаключений, свидетельствующих о степени эффективности реализуемой модели. Контент-анализ призван раскрыть, не входящие в общий контекст повествования, бюрократические детали принятого стандарта исполнения документации.

Правовую основу исследования составляет «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», определившая консолидированное понимание состояния «городские обыватели», закрепив территориальные основания, регламент причисления к городскому обществу, купеческим гильдиям, последовательность осуществления и правовую опору мещанских промыслов. Заняв особое место в преобразовании юридического статуса провинций, «Грамота» сформировала широкий спектр нормативного положения для обустройства не только нового статуса, но и порядка жизни городского населения, исследуемого на

основе совокупности неопубликованной документации Государственного архива Смоленской области (ГАСО), сохранившейся в фондах Смоленской городской думы (Ф. 1260), Краснинской городской думы (Ф. 1069), Рославльской городской думы (Ф. 1065), Дорогобужской городской думы (Ф. 1064), Гжатской городской думы (Ф. 856). Заявленный комплекс источников, отражающий историю становления органов сословного самоуправления Смоленской губернии выступает объектом рассматриваемых явлений.

Структура исследования выстроена с учетом принципов историзма, детерминизма, комплексности, объективности, и альтернативности позволяющих выстроить логически обоснованную последовательность исторических фактов, а, следовательно, и реконструировать образ института сословного самоуправления в призме государственного аппарата управления по разрешению вопросов местного значения.

На протяжении всей истории изучения распорядительных органов сословного самоуправления интерес к теме был достаточно широк. Исследователи дореволюционного периода - И.И. Дитятин [15], А.Д. Градовский [12], А.А. Кизеветтер [20], Г.А. Джаншиев [14], А.С. Лаппо-Данилевский [22] предпринимали попытки сравнительно-исторического анализа по выявлению природы института самоуправления, эффективности ведомственного инструментария, рассматривали особенности работы с источниками актового и делопроизводственного характера.

Трансформация государственного аппарата в первой четверти XX в. переориентировала вектор исследований

с конкретно-исторического на оценочно-действенный подход, подчеркивая неразрывный и подвластный характер самоуправления вплоть до полного непризнания модели, описанной в трудах Л.А. Тихомирова [26], С.А. Котляревского [21].

Историки советского периода акцентировали вектор своего внимания на реформационных вехах выстраивания конфигурации сословного самоуправления. основополагающие, прогрессивные по содержанию идеи граничили с подведомственными центральному аппарату точками изучения городских пространств характеризуемыми незавершенностью, зависимостью в административном и финансовом плане. Неэффективность вводимых нововведений объяснялась учредительным характером учреждений и их неспособностью органично встроиться в новосозданную модель по межведомственному взаимодействию элементов государственного механизма в целях устроения новой городской жизни нашла отражение в работах П.А. Зайончковского [17], Н.П. Ерошкина [16], В.А. Нардовой [23].

Заметим, что на современном этапе заявленная тематика значительно уступает количественному составу работ предыдущих периодов. Отметим монографию Н.В. Никитиной и К.В. Купченко «Повседневность малых городов российской провинции конца XVIII - начала XX вв. (на материалах Смоленской губернии)», в которой авторы посредством описания облика губернских городов отразили взаимоотношения властных структур и населения в вопросах взаимодействия центра с провинцией для обеспечения жизнедеятельности городского общества [24].

Сегодня превалируют исследования регионального характера, направленные на изучение источниковой базы и социокультурных особенностей городской жизни пореформенного периода, что создает благодатную почву для проведения исследования.

Результаты и их обсуждение.

Социально-экономическая повестка организации жизни городского населения посредством развития административных центров провинциальных городских пространств издавна являлась одной из ключевых тем, находящаяся под пристальным вниманием не только деятелей в области государственного и муниципального управления, но и теоретиков государства и права, занимающихся исследованием самобытных глубин российской истории, а также поиском ответов на извечный вопрос: «Откуда пошла русская земля?» [18, с. 6].

Являясь уникальной историко-культурной, а также национальной основой развития жизни, провинциальные города не только выступали фискальной основой благосостояния Российской империи, но также «требовали» особого внимания в части поддержания уровня жизни посредством развития инфраструктуры и обеспечения порядка «на земле».

Сложности определения и нанесения контуров функционального зонирования административных структур организации жизнедеятельности и поддержания стабильности в механизме сословного устройства выступили вызовами нового времени в период бурного развития городов на рубеже XVIII – XIX столетий.

Актом высшего дозволения от апреля 21 дня 1785 г. «Грамотой на права

и выгоды городам Российской империи» было определено: «Городовым обывателям дозволяется составить общую городскую думу» [13, с. 42], подтверждая выгоды и преимущества, дарованные городам и членам соответствующих обществ.

Установленные сферы попечения о городской и продовольственной безопасности, призвание «сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие» [там же, с. 44] были отделены в «Грамоте» от областей применения полицейских норм, а губернаторская власть по-прежнему оставалась преобладающей и транслирующей в рамках правового поля дозволи- тельный и приказной характер, имея особую степень влияния на местные общества.

Правоустанавливающий характер грамоты, наряду с учреждением распорядительных органов сословного самоуправления (городских дум), исполнительного аппарата (шестигласных дум) предусматривал также и формирование новой административной единицы: двуединого управленческого и координирующего начала, при этом не являющегося тождественным с точки зрения правового статуса по отношению ко всей совокупности городского населения. Кадровый состав управленцев на местах, являясь подотчетной структурой, был призван стать органичной частью всей модели управленческого аппарата не только в части предметов ведения, но и соответствия оформляемого внутреннего документирования всей совокупности нормативно-правовых актов.

Определим и основные трудности в создании кадрового аппарата и новой управленческой структуры на местах:

размеры городских пространств, помноженные на недостаточно эффективные процессы бюрократизации и слабую исполнительскую дисциплину на местах, были тормозом в воплощении идей единообразия в практико-применительной деятельности.

Сохранившейся комплекс документации Рославльской городской думы (1805 г.) Смоленской губернии является образцом делопроизводственных бумаг того времени, а о сравнительной выборке внутренней документации городских дум, подлежащей анализу, можно говорить лишь применительно ко второму-третьему десятилетия XIX в.

Продолжение политики по укреплению вертикали исполнительной власти способствовало трансформации правового статуса губернатора, который в начале XIX в. был строго подотчетен Министерству внутренних дел, что позволяет говорить об изменении раннее существовавшего и применявшегося персонифицированного характера назначения высших чиновников местного уровня времен «Екатерининских порядков». Несомненно, субъективный фактор формирования высшей губернской администрации влиял на степень и глубину реформирования сословных городских органов управления, возможности коммуникация и практики взаимодействия между коронной и сословной властями. Прошедшие в период правлений Александра I и Николая I изменения структуры высших органов управления внесли более четкую организацию в правовой и прикладной фундамент деятельности всех местных органов управления на единой документальной базе, что способствовали вполне успешному межведомственному взаимодействию в вертикали власти.

Подтверждения этому в документальных комплексах городских органов самоуправления многочисленны. Приведем один пример. В соответствии с циркуляром от 15 сентября 1832 года канцелярией Смоленского гражданского губернатора было постановлено: «Из поступающих к ноябрю этого года сведений по отчетам от городских дум объявляется срочный сбор ведомостей по особой финансовой и деятельностной форме для представления оной Г. Министру Внутренних Дел» [6, л. 281]. В рамках осуществления межведомственного взаимодействия и соблюдения институциональной иерархии городские думы реагируя на распоряжения губернатора были обязаны «чинить пристойные ответы» (ст. 38) [Там же, с. 10] в рамках действующего правового поля эпохи.

Градскому обществу в лице городских дум было предоставлено право представлять губернатору данные о «своих общественных нуждах» (ст. 36), олицетворяя «классический» вариант административной практики заявительного характера [13, с. 9].

Порядок ведения внутренней регистратуры носил традиционный, присущий триединой делопроизводственной модели характер. Так, согласно ст. 75 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» [Там же, с. 16] практика ведения городской обывательской книги (документирование) сопровождалась передачей ее копий в адреса губернского правления и казенной палаты (документооборот), а обеспечение оперативного хранения достигалось путем передачи в архив градского общества.

В целях координации финансовой составляющей на губернском уровне подключался функционал Казенной палаты, также осуществляющий наряду с

губернаторским аппаратом надзорный характер (ст. 155) [Там же, с. 42], а с позиции новосозданных распорядительных органов – отчетный. Доходы и расходы городских дум имели фиксированный размер, но в случае особой надобности (для городской пользы) размеры городских расходов могли быть увеличены только с позволения губернатора (ст. 154) [Там же, с. 42]. Последнее свидетельствует об отсутствии финансовой самостоятельности городских обществ, что является прямым указанием на дотационный и прозависимый характер их финансирования.

Отсутствие «местного экономического суверенитета» - один из главных аргументов противников идеи местного самоуправления, следующий сразу за минимальным, нашедшим выражение только лишь на бумаге набором полномочий на местах.

Характер взаимоотношений по ведомственной линии «губернатор - казенная палата - городская дума» на уровне ретроспективной выборки бухгалтерских материалов (ГАСО) за отчетный период каждого из десятилетий, отражался в плоскости нового отчетного года. При этом нельзя не заметить, что изложенная правовая концепция явилась первоосновой становления городских дум в качестве субъекта правовых отношений, выстраивающего многочисленные провинциальные городские начала в единую совокупность социально-экономических и политических вопросов, адресованных руководящим структурам.

Подобная практика являлась показателем целостной взаимосвязи внутреннего документооборота, выступая одновременно и маркерами губернаторского контроля за эффективностью управления с соблюдением

бюджетного баланса. Финансовый блок, следующий в направлении Казенной палаты, ведал более документальными основами, связывающими в единое правовое поле вышеобозначенную триаду субъектов.

Действительно, рассматривая период становления и осуществления деятельности городских дум первой половины XIX столетия стоит признать его целостный характер, который тем не менее был подвержен внутренним изменениям в целях содействия однородному пониманию общегородских и общечеловеческих вопросов, помноженных на различные степени должностной ответственности.

Наряду с тем, что при Павле I и Александре I городское законодательство существенно изменялось и дополнялось (две думы, начиная с 1810-х гг., заменила единая общегородская; расширились источники пополнения бюджета; изменились статьи расходов) [19, с. 26] существовала и практика внутренней координации деятельности на уровне ведомств.

В соответствии с распоряжением смоленского гражданского губернатора по ранее утвержденному за № 7859 предписанию от 26 февраля 1829 года каждая городская дума Смоленской губернии была обязана предоставлять к 5 ноября текущего года отчет о разрешенных и требующих особого внимания делах, с перечислением вступивших в действие и вышедших бумагах согласно особой приложенной форме [4, л. 61].

Содержание предписаний губернатора, исходящая документация губернского правления и казенной палаты в адрес дум, свидетельствуют об административном давлении и требованиях соблюдения действовавших

норм по ведению документальной основы и разрешении вопросов местного значения.

Безусловно, количество рассматриваемых вопросов в зависимости от территориальных размеров и численности населения провинциальных городов крайне разнятся. Смоленск и Дорогобуж крупные губернские города – лидеры в этой области, исчисляющей тысячами наименований. Журналы городских дум, как наиболее яркие индикаторы, сохранившие «чаяния городской жизни» позволяют в резюльтивной части («определили») проследить степень вовлеченности населения в конструирование правовых основ своего статуса – горожанина.

В журналах городских дум Смоленской губернии отразился значительный перечень вопросов, входящих в перечень ведомственных компетенций: от предоставления «пашпортов», корректировки учетных сведений, получения регистрационных свидетельств на содержание мастерских, узаконения прав на строительство домов до данных об осуществлении проверок торговых заведений. В этой области видится складывание извечного «узла» противоречий между декларируемым статусом и имеющимся в распоряжении дум - административным ресурсом оп реализации полномочий. На практике, между думами и губернаторской администрацией существовала «глубокая бездна», ведь «употребить всевозможные средства к самостоятельному и многократному уменьшению количества неоконченных дел по спискам прошлого года» [1, л. 314], - обычный контекст диалога в рамках верстки годовых отчетов, сопровождаемый обязательствами по аккуратному составлению таковой документации. Кроме того, думы нередко

игнорировали и распоряжения Министерства внутренних дел в вопросах, на первый взгляд играющих второстепенную роль.

В требованиях Правительствующего Сената 29 августа 1838 года, Высочайшего Именного Указа 23 мая 1839 года и указа Правительствующего Сената 30 марта 1844 года «думы обязывались безукоснительно и своевременно соблюдать указы» [7, л. 373], а впоследствии местным администрациям дополнительно было вменено в обязанность «устройство постоянного дежурного контроля во многих присутственных местах, в целях уменьшения количества разных хищений, ведущих к остановлению исполнения распоряжений Начальства, не терпящих отлагательства» [8, л. 94].

Призывы к неукоснительному исполнению «буквы закона», обращение к личной ответственности городской власти не способствовали улучшению ситуации. Несмотря на верховенство права и принципы соподчинения структур, административный аппарат был вынужден увеличивать количество документально-правовой базы для исправления ситуации.

Так, на основе вышеуказанной документации Министерство внутренних дел неоднократно настойчиво требовало исполнения предписаний сверху: «указы вменены в обязанность к строжайшему исполнению думами, но лишены этого» [2, л. 172].

Переписка между разными ведомствами и городскими думами по данному вопросу велась 2 года и видимых результатов не принесла. Безусловно, применительно к Смоленской городской Думе можно опираться на значительный территориальный и численный охват населения, разнообразие

рассматриваемых дел и сопутствующей документации, принимать во внимание отсылки дореволюционных историков (А.Д. Градовского [12], И.И. Дитятин [15], Г.А. Джаншиева [14]) к несформированности единого, консолидированного городского сословия, нуждающегося в актовом закреплении своего статуса, а, следовательно, и требующего времени для обозначения единого комплекса проблем, разрешением вопросов о самостоятельности и наличии собственной финансовой базы. Однако, значительные изменения социокультурного пространства империи первой половины XIX столетия увеличили многократно вопросы, требующие внимания, «кабинетное взаимодействие» на разных уровнях многократно выросло, а исполнение и надлежащий контроль за результатами делопроизводственных решений так и не был отлажен.

Сообщения, прошения, уведомления из Гжатского городского магистрата в Гжатскую городскую думу [10, л. 98, 118], в Смоленскую казенную палату из Рославльской городской думы [11, л. 144, 156], от Краснинского городничего в Краснинскую городскую думу [3, л. 25, 66.], от Гжатского уездного дворянского предводителя в Гжатскую градскую думу, из Гжатской квартирной комиссии в Гжатскую городскую думу [9, л. 83-84], из Смоленской казенной палаты в Гжатскую городскую думу [5, л. 17] изобилуют примерами образов городской жизни и ведомственных переписок в сохранившейся документации городских дум [25, с. 55-56].

Взаимодействие раскрывает примеры дел, которые далеки от «обстановки на земле», значительная часть источников повествует о формировании бумаг для составления отчетной

документации или подготовки ответов по невыполненным вышестоящим требованиям, связанным с организацией управления и делопроизводства.

Последнее вело к преумножению бумажной волокиты, «способствовало» еще большей медлительности и отсутствию предполагаемой эффективности на местах в вопросах устройства городской жизни (развитие инфраструктуры, урегулирование торговых отношений), а также закреплением и наполняемостью правового статуса горожан в сфере социально-экономических отношений.

Таким образом, несмотря на единую, векторную линию развития государства и общества, идущее в крепкой взаимосвязи и взаимообусловленности, это движение было наполнено разными движущими силами и направлениями. Государство начало, декларировавшее в полномочия дум регулирование вопросов городского хозяйства, реализовывало полномочия «новой» управленческой структуры путем ее соподчинения с уже имеющимся ведомствами, перенаправляя функционал в курс общеимперской государственной политики, подчиненной в том числе и многочисленным реформаторским идеям конца XVIII - первой половины XIX вв. Однако эти модернизационные начала наталкивались на традиционность, консерватизм и не вовлеченность населения и выборных от горожан должностных лиц в решение важных местных вопросов, огромный объем делопроизводственной документации и отчетности, а также незавершенность административного регулирования межведомственных взаимоотношений.

Подобная противоречивая поли-

тика сформировала в научном сообществе тенденцию, преломившуюся во всевозрастающее число научных изысканий второй половины XX в. в попытках соотнести провозглашенную идею саморегулирования градского общества с жизнью и политикой управленцев на местах. Заявленная идея «самостоятельности», не характерная для модели единого, сложного и крайне неоднородного политического образования – Российской империи фактически была нивелирована и явилась первой вехой, сформировавшей достаточно одностороннюю научную позицию – в Российской империи аппарат самоуправления носил фиктивный характер, действующий в различных, слишком поляризованных группах населения, преследующих собственные социально-экономические интересы, координировать которые в полном объеме и с учетом законодательства империи распорядительные органы управления были неспособны.

Но иначе и быть не могло, ведь составные части цельного бюрократического механизма с характерным, неотъемлемым контролем, возвышением государства над обществом и выступало главной идеей, а также основой благосостояния крепостной империи в ее самых отдаленных частях, представляющих десятки тысяч километров необъятных просторов, а главное человеческих судеб.

Почти вековая история заявленного периода практически лишена внимания со стороны регионального исторического сообщества. Анализ историографической обстановки выявил единичные примеры исследовательских работ по Тобольской и Владимирской губерниям, а также Московской и

Иркутской городских дум в части передачи информационного потенциала, иллюстрирующего крайнюю необходимость в реформационном периоде 60-70-х гг. XIX столетия. Векторы исследовательского внимания повсеместно смещены в сферу пореформенного периода, трансляции достижений эпохи «Великих реформ» на последующее государственное строительство и изменения, происходящие в обществе.

Разрозненные сведения первой половины XIX в., носящие порой отрывочный, временной и узко территориальный характер нередко создают ограничения, связанные со сферами приложения исторических источников в работах соответствующего вида. Однако, широкий охват и привлечение информационного потенциала фондов городских дум Государственного архива Смоленской области (ГАСО) позволяет говорить о достаточном информационном потенциале и количестве представленных данных для конкретизации заявленной гипотезы.

Представленная попытка исследования модели сословного самоуправления в провинциальных городах Смоленской губернии путем ее реконструкции в призме разрешения общегородских задач и обеспечения общечеловеческих потребностей через межведомственное взаимодействие разноуровневых структур представила крайне противоречивую картину. Идеализированная по сути концепция, не учла неповторимости и уникальности Российской империи, что привело к противоборству количества обращений и финансовой несостоятельности, существовавшей кадровой чехарды, идущей рука об руку с несамостоятельностью в принятии решений и от-

сутствию практического соподчинения вышестоящим структурам.

Идея складывания независимого городского управления не подтвердила своего замысла, а эффективность системного статуса новой структуры близилась к нулевым показателям и отождествлялась со статусом «инородного» элемента.

Являясь одной из концептуальных основ настоящего исследования данное положение не только иллюстрирует научный вклад автора в региональный научный концепт, но и позволяет отразить особенности внутреннего структурного взаимодействия имперского аппарата, опирающегося на правовую основу в рамках комплексного тематического подхода к отечественной исторической науке.

Заметим, что исследование, ориентированное преимущественно на изучение правоприменительной практики внедрения и осуществления взаимодействия различных единиц государственного аппарата по вопросам устройства городской жизни, что создает многогранные возможности для дальнейших источниковедческих и историографических изысканий, а также восстановления утерянных и неизвестных элементов городской и социальной истории на разносторонней региональной почве. Так, имеющая иногда и подневную текстологическую основу делопроизводственная документация городских дум позволяет реконструировать эпоху первой половины XIX вв.

Учет податного населения, рекрутские наборы, восстановление городов после Отечественной войны 1812 г., распределение налога на недвижимое имущество, проведение выборов в думу, сословные переходы горожан - это одно из проявлений различных элементов повседневной жизни, «живой», а главное фактологической истории находящейся в малоисследованной тематике сословного самоуправления, нуждающейся в дальнейших научных изысканиях.

Опыт государственного регулирования и процессы принятия управленческих решений могут послужить хорошим примером для практической реализации и совершенствования реализуемой реформы местного самоуправления, в своей деятельности безусловно требующей оттачивания конструируемого механизма на практике.

Полученные данные могут быть использованы при подготовке специальных курсов по истории России, в частности лекционных и практических занятий, проводимых на базе высшей школы, подготовки тем и составлении концепций выступления в рамках реализации просветительских проектов Российского общества «Знание», посвященных значимым региональным событиям и отдельным персоналиям, а также составлении научно-популярных пособий, для гостей и жителей города Смоленска, помогая сокращать количество неизвестных страниц в необъятной книге историй нашего региона.

Список литературы

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1064. Оп. 1. Д. 37.
2. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1. Д. 13.
3. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 2. Д. 37.
4. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 57.

6. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 57.
7. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 77.
8. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 78.
9. ГАСО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 15.
10. ГАСО. Ф. 856. Оп. 1. Д. 4.
11. ГАСО. Ф. 1065. Оп. 2. Д. 24, 30.
12. Градовский А.Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского. Т. 2. СПб., 1899-1908. 492 с.
13. Грамота на права и выгоды городам Российской империи [Электронный ресурс] // ГПИБ URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/22120-rossiya-zakony-i-postanovleniya-gramota-na-prava-i-vygody-gorodam-rossiyskoj-imperii-m-1885> (дата обращения: 16.11.2024).
14. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: Историческая справки. СПб., 9-е изд., посмерт., 1-е изд. лит. фонда, 1905. 970 с.
15. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Ярославль, Т. 1-2, 1875-1877. 524 с.
16. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
17. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х начала 90-х годов). М., 1970. 442 с.
18. Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси / сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969. 799 с.
19. Ионов А.Н. Отечественная историография городского управления в Российской империи 1785–1870 гг. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 4 (18) С. 26-29.
20. Кизеветтер А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII в. Из истории России в XIX ст. М.: ОКТО, 1912. 263 с.
21. Котляревский С.А. Власть и право: проблема правового государства. М.: Изд. Г.А. Лемана, С.И. Сахарова, 1915. 417 с.
22. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 621 с.
23. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-90-х годах XIX в. Правительственная политика. СПб., Наука, 1994. 260 с.
24. Никитина Н.В., Купченко К.В. Повседневность малых городов российской провинции конца XVIII - начала XX вв. (на материалах Смоленской губернии). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. 176 с.
25. Петрусов Д.С. Фонды городских дум как исторический источник по социальной истории провинциального российского города первой половины XIX века. Смоленск, 2021. 83 с.
26. Тихомиров Л. А. Рабочие и государство. СПб., 1908. 47 с.

INTERDEPARTMENTAL INTERACTION AND LEGAL BASIS FOR BUILDING A MODEL OF ESTATE SELF-GOVERNMENT IN THE CITIES OF SMOLENSK PROVINCE AT THE LATE 18TH - FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

The article analyzes the features of interdepartmental interaction of key structures of the state apparatus of the Russian Empire based on the regulatory framework in the context of an attempt to build a model of estate self-government in the cities of the Smolensk province of the late XVIII – first half of the XIX centuries. The study is devoted to the topical issues of the heyday of the provincial city, which is related to the construction of the state administrative apparatus, refracted in the plane of domestic politics. The latter requires special attention in the urban space as a result of the need to improve not only interaction at the departmental level, forms of internal and interdepartmental documentation, and the implementation of targets, but also to determine the degree of formation of the principle of «consistency» among management institutions as a whole, acting as a key goal of the work. The author reconstructs the experience of the formation of city administrative self-government bodies and identifies new promising areas of Russian historical science on an unpublished documentary basis that require new revisionist attention from the scientific community. Along with scientific interest, the work has important practical significance, which allows us to focus on the problem of building the studied model of self-government, as well as to attempt to accumulate historical experience for the domestic reformers of the 21st century. The methods mainly used are theoretical. The obtained research results reflect the main aspects of the construction of administrative bodies of estate self-government with the help of shifting the general scientific approach to a special historical level, capable of revealing the revealed high scientific potential of the documentary base, as well as the contradictory image of the totality of the available theoretical and practical tools of urban dumas used to assess the effectiveness of the local apparatus in regulating urban processes in the Smolensk region provinces.

Keywords: estate self-government, city council, Smolensk province, province, Ministry of Internal Affairs, interdepartmental cooperation, efficiency, finances.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (GASO) [The State Archive of the Smolensk region] F. 1064. Op.1. D. 37.
2. GASO. F. 1069. Op. 1. D. 13.
3. GASO. F. 1069. Op. 2. D. 37.
4. GASO. F. 1260. Op. 1. D. 2.
5. GASO. F. 1260. Op. 1. D. 57.
6. GASO. F. 1260. Op. 1. D. 57.
7. GASO. F. 1260. Op. 1. D. 77.
8. GASO. F. 1260. Op. 1. 78.
9. GASO. F. 856. Op. 1. D. 15.
10. GASO. F. 856. Op. 1. D. 4.
11. GASO. F. 1065. Op. 2. 24, 30.
12. Gradovsky A.D. (1899-1908) *Sobranie sochinenij A. D. Gradovskogo* [Collected works of A.D. Gradovsky]. Vol. 2. St. Petersburg. 492 p.
13. Certificate of rights and benefits to the cities of the Russian Empire (1885) *Gramota na prava i vygody gorodam Rossijskoj imperii* [Electronic resource] // GPIB URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22120-rossiya-zakony-i-postanovleniya-gramota-na-prava-i-vygody-gorodam-rossiyskoj-imperii-m-1885> (accessed: 16.11.2024).
14. Dzhanshiev G.A. (1905) *Epoha velikih reform: Istoricheskaya spravki* [The Era of Great Reforms: Historical background]. St. Petersburg, 9th ed., posthumous, 1-

st ed. of the lit. fund. 970 p.

15. Dityatin I. I. (1875-1877) *Ustrojstvo i upravlenie gorodov Rossii* [The structure and management of Russian cities]. Yaroslavl, Vol. 1-2. 524 p.

16. Eroshkin N.P. (1983) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow. 352 p.

17. Zayonchkovsky P.A. (1970) *Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletiya (politicheskaya reakciya 80-h nachala 90-h godov)* [Russian autocracy at the end of the 19th century (political reaction of the 80-s and early 90-s)]. Moscow. 442 p.

18. *Izbornik: a collection of works of literature of Ancient Russia / comp. and general editorship by L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev (1969) Izbornik: sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi.* Moscow. 799 p.

19. Ionov A.N. (2011) *Otechestvennaya istoriografiya gorodskogo upravleniya v Rossijskoj imperii 1785–1870 gg.* [Domestic historiography of urban administration in the Russian Empire 1785-1870] // *Bulletin of YarSU. The Humanities series.* 2011. No. 4 (18) pp. 26-29.

20. Kiesewetter A.A. (1912) *Istoricheskie ocherki: Iz istorii politicheskikh idej. Shkola i prosveshchenie. Russkij gorod v XVIII v. Iz istorii Rossii v XIX st* [Historical essays: From the history of political ideas. School and education. A Russian city in the XVIII century. From the history of Russia in the 19th century]. Moscow: OKTO. 263 p.

21. Kotlyarevsky S.A. (1915) *Vlast' i pravo: problema pravovogo gosudarstva* [Power and law: the problem of the rule of law]. M.: Publishing house of G.A. Lehman, S.I. Sakharov. 417 p.

22. Lappo-Danilevsky A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. M.: Territory of the future. 621 p.

23. Nardova V.A. (1994) *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-90-h godah XIX v. Pravitelstvennaya politika* [Urban self-government in Russia in the 60-90s of the XIX century. Government Policy]. St. Petersburg, Nauka Publ. 260 p.

24. Nikitina N.V., Kupchenko K.V. (2015) *Povsednevnyy zhiznennyy byt malyykh gorodov Rossijskoj provincii konca XVIII - nachala XX vv. (na materialah Smolenskoj gubernii)* [The everyday life of small towns in the Russian province of the late XVIII - early XX centuries. (based on the materials of the Smolensk province)]. Novosibirsk: Publishing house of ANS SibAK. 176 p.

25. Petrusev D.S. (2021) *Fondy gorodskih dum kak istoricheskij istochnik po social'noj istorii provincial'nogo rossijskogo goroda pervoj poloviny XIX veka* [Funds of urban thoughts as a historical source on the social history of a provincial Russian city in the first half of the 19th century: final qualifying work]. Smolensk. 83 p.

26. Tikhomirov L.A. (1908) *Rabochie i gosudarstvo* [Workers and the state]. St. Petersburg. 47 p.

Об авторе

Петрусев Данил Сергеевич - аспирант кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: danil.petrusev.98@mail.ru

Petrusev Danil Sergeevich - postgraduate student, Department of Russian History, Smolensk State University (Russia), E-mail: danil.petrusev.98@mail.ru

УДК 94(73)"1849/1877"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КИТАЙСКАЯ ИММИГРАЦИЯ В США НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (1870-Е ГГ.)

В статье рассматривается отражение китайской иммиграции в США конца 1840-х – 1870-х гг. на страницах известного российского литературного журнала «Отечественные записки» в 1870-е гг. Всего в Америку въехали в 1849-1882 гг. около 300 тыс. китайцев, но большинство из них находились в США временно, являясь трудовыми мигрантами. Многие вернулись вскоре на родину. Постоянно в стране проживало, начиная с 1870-х гг., около 70 тыс. чел., и данное количество оставалось неизменным вплоть до 1940-х гг. В наши дни (вследствие новых волн миграции после 1943-1949 гг. и после 1965 г.) в США проживают до 4 млн. этнических китайцев и около 1,4 млн. людей смешанного происхождения, имеющих китайские корни (1,5-1,6% населения). Периодическое издание «Отечественные записки», выходявшее в свет с перерывами в 1818-1884 гг., являлось влиятельным «толстым» журналом, оказывавшим значимое воздействие на общественную мысль и общественное мнение Российской империи в XIX в. Авторы статей разделились на две части. Публицисты консервативного направления негативно оценивали китайскую иммиграцию, полагая, что трудовые мигранты отличаются якобы «варварством» и асоциальным образом жизни. Переселенцы из Китая, по их мнению, только сбивали цены на американском рынке труда. Другие журналисты (условные «либералы») полагали, что китайцев в конечном итоге удастся успешно интегрировать в общество страны, известной своими конституционными гарантиями защиты прав и свобод. Но последним прогнозам не суждено было сбыться, поскольку уже в 1870-е гг. были введены первые ограничения на труд китайцев. Впоследствии власти США вообще запретили иммиграцию из стран Азии. В Америке возникло влиятельное антикитайское политическое движение.

Ключевые слова: история иммиграции в США в новое время, китайские иммигранты в Америке в 1850–1870-е гг., антикитайские настроения в США, дискриминация и эволюция общественного мнения в Америке, отражение исторических событий в российской периодической печати.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-98-108

Введение. Большое влияние на возникновение иммиграции китайцев в Америку оказали последствия опийных войн 1839-1860 гг. и чрезвычайно разрушительного крестьянского восстания тайпинов в Китае 1850-1864 гг. (окончательно подавленного только в 1871 г.). В ходе крестьянской войны, сопровождавшейся упадком социально-экономической сферы, погибли до 30 млн. китайцев (5-10% населения страны). Первые немногочисленные иммигранты из Китая – торговцы и

бывшие моряки появились на территории США (в восточной части) в 1815-1820 гг. Относительно многочисленная иммиграция началась в 1849 г. (так называемые «сорокадевятники») в связи с «золотой лихорадкой» 1848-1855 гг. в Калифорнии. Трудовые мигранты из Китая получали зарплату в 6-10 раз выше, чем на родине. В 1849 г. в США приехали 300 китайцев, в 1850 г. – 450 чел. Массовое переселение китайцев началось в 1851-1852 гг. (около 23 тыс. чел.), и продолжалось

до его законодательного запрета в 1882 г. К 1870 г. в Америку переселились 63 тыс. китайцев. К 1880 г. численность китайцев в США достигла 105 тыс. чел. Первоначально они оседали преимущественно в штате Калифорния (до 77%). Впоследствии расселились в штатах Горного Запада, составив 29% населения Айдахо и 10% – Монтаны. В Калифорнии их численность достигала 9% населения.

В отечественной и зарубежной историографии тема данной статьи является практически неисследованной. Но в зарубежной (американской) исторической науке существует большое количество исследований по иммиграции китайцев и китайской диаспоре в США [11; 12; 13]. Отечественная историография представлена работами В.И. Бирюкова, Е.А. Нестеровой, Л.Н. Гарусовой, Е.В. Журбей, Д.А. Владимировой и других исследователей [1; 2; 3]. Особое значение имеют научные труды З.С. Чертиной (1948-2022), которая является автором ряда исследований по истории иммиграции в США, иммиграционному законодательству, этническому фактору и «плавильному котлу» в Америке [8; 10]. Ей принадлежит статья, посвященная эволюции восприятия китайских иммигрантов в американском обществе. В ней отмечается, что первоначально американцы видели в китайцах (и других выходцах из Азии) исключительно «варваров», но в итоге стали воспринимать их как «образцовое сообщество» во многих отношениях. Китайская диаспора в наши дни принадлежит преимущественно к среднему классу, отличается большой социальной мобильностью, высоким уровнем образования, что способствует ее интеграции в мейнстрим американского общества [9].

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является отражение иммиграции китайцев в США в российской периодической печати второй половины XIX в. Предмет изучения – статьи российских журналистов и публицистов по данной теме, опубликованные в журнале «Отечественные записки» в 1870-е гг. Установленными авторами статей являлись известные исследователи Эдуард Романович Циммерман (1822-1903?) и Николай Евстафьевич Славинский (1838/1839-1919). Э.Р. Циммерман – российский писатель и путешественник, трижды побывавший в США (в 1857-1859 гг., в 1869-1870 гг. и в 1878 г.). Н.Е. Славинский – российский писатель, публицист, журналист, редактор, музейный работник и архивист, посетивший США в 1869 г. Он побывал в гостях у российских эмигрантов: своей сестры Марии Славинской (Мэри Фрей) и ее мужа писателя и публициста Владимира Константиновича Гейнса (1839-1888) (Вильяма Фрея). После этой поездки Н.К. Славинский опубликовал в журнале «Отечественные записки» серию статей под названием «Письма об Америке» (1872 г.). Статьи Славинского отличались правдивым, подробным и весьма объективным изображением реалий американской жизни. Впоследствии они вышли отдельной книгой под названием «Письма об Америке и русских переселенцах» (1873 г.) [5].

Теоретико-методологическая основа исследования сформирована на базе принципов историзма, объективности, системности, проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов исследования.

Результаты и их обсуждение. Для Н.Е. Славинского характерна взвешен-

ная оценка в отношении китайской иммиграции. В своих «Письмах об Америке» исследователь отмечал, что по переписи 1870 г. в США «оказалось жителей 38 555 983... Рожденных в штатах 32 989 437, а переселившихся из Европы 5 556 466». Всего в это время в США насчитывалось 63 254 китайцев. Сан-Франциско являлся «главным пунктом высадки азиатских иммигрантов» в Америке. «До последнего десятилетия эмиграция в Соединенные Штаты почти исключительно шла из Европы и частью из Африки, откуда привозилась черная раса. Китайская эмиграция составляет явление позднейшее, и, хотя до настоящего времени она сравнительно невелика, но этот наплыв с каждым годом усиливается, и, быть может, в недалеком будущем грозит сделать в этой стране важный экономический переворот» [4, с. 239].

25-е письмо Н.Е. Славинского было полностью посвящено проблеме китайской иммиграции в Америку [4, с. 261-266]. В нем он охарактеризовал мигрантофобию и антикитайское настроение в США. Славинский описал антикитайский митинг 30 июня 1870 г. на территории Томпкинс-сквер-парка в г. Нью-Йорк: «Всюду слышалось: китайцы не только на востоке нашего континента, но уже и на западе; если переселение азиатов будет продолжаться, то изменится экономический строй нашей жизни, начнется падение существующей (высокой) заработной платы, нашего благосостояния и проч. Вопрос о китайской эмиграции был поднят на востоке (страны) вследствие полученных сведений о появлении китайцев-работников на фабриках в штате Массачусетс, соседнем с нью-йоркским. По этому поводу последовали митинги в

разных ... штатах, в том числе вышеупомянутый в Нью-Йорке. На этом последнем ораторы соперничали между собою в том, чтобы представить в более ярких красках последствия китайского нашествия. Если их теперь (в соседнем штате) сотня, то через год будет тысяча, а далее пойдут десятки, сотни тысяч, и никто не предскажет предела такому наплыву желтой расы. При этом упоминалось о десятках тысяч китайцев, работающих в штатах Союза: Калифорнии, Орегоне и др., о том, что каждый новый пароход из Гонконга привозит не менее 1 тыс. желтокожих в Сан-Франциско. Одним словом, эмиграция эта сравнивалась чуть не с нашествием азиатских орд в былое время; говорили, что она будет гибельна для белых, что надо принять меры против ... вторжения – поднять на границе Соединенных Штатов китайскую стену против китайцев...».

«Китайцы, которых в настоящее время насчитывают в Соединенных Штатах до 70 тыс. душ, большею частью вызваны разными предпринимателями, стремившимися быстро разбогатеть чрез употребление на своих фабриках и заводах дешевых рук. Эти эксплуататоры предлагают им плату значительно выше существующей в Китае, но гораздо ниже своей туземной, заключают с ними договоры на известное число лет, привозят и затем употребляют на своих фабриках. Хотя такое дело подходит немного к вывозу негров из Африки, но при существовании договора оно подводится под обыкновенный «наем работников» на известное число лет. Как ни тяжело для жителей Небесной Империи оставлять свой исконный очаг и переходить далеко за пределы своей «стены», но, видно, дома им очень уже жутко, т.к. на американский вызов они идут охотно, толпами» [4, с. 262].

«... Нельзя отрицать, что положение китайцев в Новом Свете много лучше их прежнего. Как бы ни было тяжело время кабалы, но китайцы переносят его с замечательным спокойствием и никогда не нарушают заключенного договора. Многие, в более или менее продолжительный период обязательной работы, успевают составить себе небольшой капитал, и по окончании договорного срока начинают торговать, делаются хозяевами или, познакомившись с условиями труда на американской почве и его ценностью, делаются свободными работниками, предлагая свой труд или по рыночной цене, или с небольшим понижением, к неудовольствию местных работников. Благодаря этому понижению, на Пассификской (т.е. Тихоокеанской) железной дороге работало постоянно более 15 тыс. китайцев». «Если такая полувынужденная эмиграция уже дает себя чувствовать американцам, то едва начинающаяся свободная наводит просто панику на рабочих Соединенных Штатов. Это не краснокожие и не «черные» ..., с которыми так легко справляются янки ...», поэтому они не должны быть конкурентами рабочих - белых американцев в сфере труда. «Начинается эмиграция людей той страны, где цивилизация стояла на высокой степени развития и которые едут в Новый Свет испытать другую жизнь, принося полезные руки и практические предания. Конкуренция эта, говорят возбужденные янки, опасна для нас, т.к. эмиграция идет из неиссякаемого источника, «нас задушат», говорят они...» [4, с. 263].

Славинский отмечал, что в США в начале 1870-х гг. на волне антииммигрантских настроений среди белых американцев возникли первые ограничения на работу китайцев в отдельных

штатах. «Ближайшими последствиями такого взгляда на эмиграцию азиатцев является с одной стороны грубое обращение или даже ненависть к китайцам, а с другой – ряд странных мер против них». Данные меры были приняты «не только в главном пункте их населения (штатах Калифорния и Орегон), но и вашингтонском сенате». Подобные меры «идут в разрез с пресловутым американским принципом о «человечности»». Так, 13 апреля 1870 г. в калифорнийском городе Сакраменто были установлены «правила для поощрения работников белой расы»: «Все те, кто будут употреблять для работ китайцев, японцев или вообще работников азиатских должны запастись на это особым позволением, при чем обязуются платить за каждого такого работника в течение первой трети года – 2 долл., второй трети – 4 долл., третьей – 10 долл., а за каждую последующую треть – 20 долл. На разных митингах противники китайской эмиграции требовали прямого запрещения этой эмиграции именно таким путем, чтобы разрушить все контакты с китайскими работниками, т.к. договоры эти напоминают рабство, и впредь запретить подобный найм, что конечно, будет иметь все последствия запрещения эмиграции, т.к. еще мало китайцев переселяются в Соединенные Штаты по своей собственной инициативе. Вашингтонский сенат в этом отношении пошел далее местного. В заседании 3 июля 1870 г. он отказал, большинством 26 против 12 голосов, дать азиатцам права гражданства, с натурализацией и правом подачи голоса... Это сделано чрез 3 месяца после дарования полных прав гражданства неграм» [4, с. 263-264].

Каковы же мотивы принятия крайних мер против китайцев? «Конечно, не

низкая степень их развития; ... Китай был колыбелью наук и искусств, ... китайцы опередили даже европейцев в некоторых, дорогих для человечества, открытиях... Не отсутствие трудолюбия – китайцы его доказали при постройке Пасификской железной дороги. Причина такого остракизма лежит, с одной стороны, в опасении, что уравнение китайцев в правах с остальными гражданами Союза увеличит свободную азиатскую эмиграцию и уменьшит настоящее благосостояние американцев кавказской расы, т.е. высокую заработную плату. Во-вторых, утверждением упомянутого билля Республиканская партия рисковала потерять поддержку избирателей в значительной народной партии, косо смотрящей на эмиграцию из Азии. Из-за этих причин оставлен в стороне принцип человеческой солидарности, забыты и те жертвы, которые еще так недавно были принесены американским народом во имя этого принципа» [4, с. 264].

Вскоре «среди гула противников китайской эмиграции» «послышались голоса людей, более трезво смотревших» на въезд в страну китайцев. Они заявляли, что США «дают миру пример непоследовательности», «забывая принципы, столь громко провозглашенные, отказывая целой расе, понятливой и трудолюбивой, в гостеприимстве, оплачиваемом трудом и соблюдением законов. Конкуренции опасаться нечего: понижая одно, она подымает другое, и средний уровень цен устанавливается». Если китайцы «понижают цену труда в местах переселения, то в сумме вред для нас не будет велик, но добро для человечества будет большое. Соединенные Штаты должны показать пример верности принципам, распространять которые

они способствовали, а не следовать философскому изречению: «делай то, что я говорю, но не то, что я делаю...»». «Губернатор Гораций Сеймур говорит следующее по поводу митинга рабочих Родчестера, собравшегося 4 июня 1870 г. для обсуждения вопроса о китайской эмиграции: «Страшный призрак, который, в лице этой эмиграции, представляется ее противникам, есть плод их воображения. Китайцы имеют много хороших качеств: они усердные и верные слуги, хорошо исполняют мужские и женские работы, и если эти качества мы находим в так называемых «подонках» Китайской Империи, то при свободной эмиграции, когда к нам придут высшие слои китайцев, они, конечно, многое приложат к нашему богатству». Нью-йоркская газета «Herald» говорит, «что китайцы начинают из своего уединения переходить на земли, изобилующие сахаром, виноградом и пр. Они поставили плантации английских колоний на высокую степень благосостояния. Поэтому, и мы должны всеми средствами привлекать их к себе, для таких же результатов в наших южных плантациях»» [4, с. 265].

Либерально настроенный Славинский возлагал большие надежды на трудовые усилия китайцев, которые должны положительно отразиться на развитии Америки. Он писал: «В настоящее время на эмиграцию китайцев нужно смотреть как на дело важности первостепенной; она внесет на запад, восток и юг Соединенных Штатов солидную производительную силу, т.к. Китай – океан людей. Теперешние пионеры этой эмиграции, конечно, назад не отхлынут. Первые пришельцы в Новый Свет обыкновенно рассчитывают про-

быть на ней только до улучшения своего положения, но когда число их умножается, то организуются общества, являются новые связи, интересы и в результате они делаются оседлыми, туземцами. Ввиду умножения китайцев на американском континенте предстоит такой вопрос: каков будет результат этого наплыва? Сольется ли желтая раса с белой или они будут в вечном антагонизме между собою? Классическая консервативность китайцев известна; они не изменяют ей на новых местах, например, в Борнео, Яве, в Сингапуре и др. Нигде китайцы не сближались с туземцами. Они сохраняли свои нравы, религию, учреждения, свой индивидуальный характер, свои приемы в промышленных и торговых делах. Будет ли то же на американском континенте?» [4, с. 265-266].

«До сих пор китайцы не ориентировались с новейшими великими народами. На американском континенте им предстоит этот опыт впервые, и надо полагать, что деятельность элементов разных национальностей и вообще весь склад жизни в Соединенных Штатах не останется без плодотворного на них влияния. Если такое влияние еще не высказывается, и китайцы в главных пунктах своего поселения, в Калифорнии и других местах, живут особняком, в особых кварталах, силясь сохранить свои традиционные привычки и нравы, то главная причина лежит единственно в негуманном обращении с ними людей белой расы и в ... репрессивных мерах правительства (о которых говорилось выше)». «Как отрадно было встретить утверждение билля о даровании полных прав гражданства черной расе, так тяжел факт отказа в том же деле китайцам, а еще более печальна политика американцев

в отношении краснокожих» [4, с. 266].

Славинский сделал неверные выводы из сложившейся ситуации с мигрантами из Китая в США и высказал ошибочные прогнозы на ближайшие десятилетия: «Подобная непоследовательность в политике азиатского вопроса, такое негуманное отношение к вырождающейся расе первобытных жителей Нового Света, по всей вероятности, явление временное, и надо полагать, что практический дух американцев выйдет из периода увлечения и примет в свою равноправную семью всех безразлично. Тогда, хотя бы и в далеком будущем, такой союз почти всех рас земного шара на одном материке, конечно, поднимет Соединенные Штаты на такую степень величия, которая затмит славу современного их положения» [4, с. 266].

В 1876 г. в статье «Труд и образование в Америке (по Диксону)» в журнале «Отечественные записки» (автор неизвестен) содержалась краткая характеристика иммиграции в США. «При народной переписи в 1870 г. выяснилось, что из общего числа жителей республики 5,5 млн. душ рождены на чужеземной почве, а у 11 млн. отец или мать – иностранцы. Следовательно, 1 чел. из 7 был иностранцем по рождению и почти 1 из 3 – по крови. Главным образом, заселение Америки совершалось выселенцами из английских и германских портов». «... Между тем, эмиграционное движение ослабевает и даже получило обратное направление». В последние десятилетия «волна из Европы в Америку переменила свое направление по мере усиления такой же волны из Азии» [6, с. 107-108]. Иммиграция порождает массу проблем в сфере демографии, в трудовых отношениях и в системе образования страны:

«Крайне скудное количество белых женщин влечет за собою необходимость покупки индейских женщин, подвоза китайок, и увеличивает количество помесей, количество смешанных семейств и детей, крайне туго поддающихся духу европейского образования» [6, с. 112-113]. В результате «в этой молодой стране больше, чем где-нибудь, осталось элементов варварства, полуобразования, чистого невежества и извращенного развития». В качестве примера подобных негативных проявлений автором статьи (склонным к расизму в своих рассуждениях, не скрывавшим своего негативного отношения к азиатам и «гибридам», т.е. метисам) приводится «нравственное идиотство китайцев» [6, с. 114].

В указанной статье ставилось под сомнение утверждение о том, что Соединенные Штаты являются «раем рабочих». Одним из неблагоприятных факторов стала трудовая иммиграция из Китая: «Америку привыкли считать страной раздолья, обетованною землею для рабочих, и мы приведем ниже картины заселения западных пространств, ..., но это – уже последние следы прошлого; они скоро сделаются мифом с исчезновением незанятых пространств ..., которые, впрочем, с проведением железной дороги, с наплывом с запада китайцев, уже и перестали быть девственными» [6, с. 97]. «... Из положения китайских работников в Америке видно, что вопрос труда в Америке, вместо того, чтоб следовать немногим наличным хорошим образчикам, направляется решительно по избитой дорожке европейских отношений, которые во сто крат худшем виде являются у китайцев, привыкших довольствоваться ничтожным заработком и понизивших плату за труд» [6, с. 106-107].

Э.Р. Циммерман в статье «Вотчинный закон в Америке и наши степи» (1877 г.) рассуждал об иммиграции в Америку и анализировал миграционные процессы в этой стране. Он сравнивал заселение Запада США и освоение Новороссии, поскольку аграрный вопрос был весьма острым в Российской империи в десятилетия после отмены крепостного права в 1861 г. По его мнению, примером для России мог бы стать американский опыт передачи в собственность гражданам «вотчин», т.е. участков колонизируемых земель (гомстедов) [7, с. 125, 127] (данный процесс в США затянулся на столетие, а его пик пришелся на 1862-1934 гг.). По мнению Циммермана, в России также необходимо создать условия для развития предпринимательства и обеспечить свободу передвижения. «Понятно, что такое широкое развитие промыслов в крае главнейше обуславливается – неведомой в Китае – полною свободой передвижения на месте людей из всех слоев общества, так что, без устранения обременительной паспортной системы оно нигде немислимо» [7, с. 159-160].

Циммерман писал о повседневной жизни и быте китайцев: «Поэтому уже можно себе представить, как они живут в Америке! Сколоченные где-нибудь за городом хлева и конуры из полусгнивших, никуда не годных бревен и досок служат им логовищем. Вонь и удушливый смрад издали уже изобличают место, занятое какою-нибудь кучею китайских поселенцев. А питаются они при этом такою скудною, большею частью, растительною пищею, что надо удивляться, как еще в состоянии работать эти с виду хилые, мозглявые и малорослые люди. Если

этот жалкий народец, до того привязанный к своей родине, что даже кости умерших в Америке перевозятся обратно в Китай, отважился перебраться за океан с тем, чтобы за свой безустанный труд добиться такой приниженной, скотоподобной жизни, то можно себе вообразить, каково живет ему в самом Китае!» [7, с. 159].

Условия жизни и труда в Америке и Китае радикально отличаются. «Однако, хотя в Китае, например, имеется на лицо свыше 400 млн. жителей, т.е. чуть ли не в полтора раза более, чем во всей Европе, а все-таки поденщик, проживающий в последней изо дня в день своим трудом, не поменяется своей участью с рабочим Небесной Империи. Это осязательнее всего обнаруживается особенно в тех местах, где китайский труженик вступает в непосредственное соперничество с европейским пролетарием, как пришлось нам видеть, например, в Калифорнии. До переселения туда сынов Небесной Империи самыми дешевыми работниками там были ирландцы. Нахлынув массами в Калифорнию, китайцы до такой степени понизили задельную плату, что даже неприхотливым ирландцам стало невмозможу соперничать с ними: европейские переселенцы не находят возможности поддержать свое материальное существование при такой низкой плате, тогда как китайцы не только довольствуются ею, но откладывают еще лишние гроши про запас и, проработав несколько лет кряду, уезжают на родину с тем, чтобы прожить там на скопленные трудом деньги» [7, с. 158-159].

Таким образом, российские публицисты разделились в прогнозах о судьбе китайской иммиграции в Новом

Свете. Позитивные прогнозы во многом были связаны с идеализацией Америки – «страны свободы», где происходило успешное взаимодействие и слияние разных этносов и рас. Китайские иммигранты, благодаря трудовым усилиям, смогли бы внести ощутимый вклад в развитие США. Негативное восприятие мигрантов связывалось с социально-экономическими проблемами, возникновению которых способствовали китайцы, а также с невозможностью их интеграции в американский социум. Критики высказывали опасения по поводу увеличения конкуренции на рынке труда и потенциального давления на уже существующие ресурсы. Страх перед незнакомой культурой и языковые барьеры порождали недоверие. Несмотря на формировавшийся в общественном сознании Европы образ Америки как «страны возможностей», действительность оказалась сложнее. Взаимодействие различных расово-этнических групп нередко сопровождалось недопониманием и конфликтами.

Заключение (выводы). Миграционные процессы связаны с перемещением людей, с переменой места жительства. Подобная мобильность направлена преимущественно на овладение ресурсами новых территорий. В полной мере данное определение относится и к китайской иммиграции. Слишком оптимистичные и даже идеалистические оценки в отношении иммиграции из Китая в США отечественных публицистов XIX в., придерживавшихся либеральных взглядов, оказались несостоятельными на практике. Суждения русских исследователей 1870-х гг., негативно настроенных в отношении китайцев-иммигрантов,

оказались максимально близкими к реальному положению дел в США в рассматриваемый исторический период. В действительности в Америке в 1850–1870-е гг. постоянно усиливались антикитайские и антиазиатские настроения. В 1871 г. и в 1885 г. в США произошли кровавые погромы, в которых погибли выходцы из Китая. В 1875 г. был принят первый в американской истории закон об ограничении иммиграции (Page Act of 1875), запретивший

въезд в страну женщин из Восточной Азии, особенно китайнок. Закон об исключении китайцев 1882 г. запрещал въезд в США китайских рабочих, но сохранял возможность для иммиграции торговцев. Закон об иммиграции 1917 г. и Закон о квотах 1921 г. существенно ограничили иммиграцию из всех стран Восточной Азии и Дальнего Востока. По Закону об исключении азиатов 1924 г. иммиграция из Азии в Америку была полностью запрещена.

Список литературы

1. Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М.: Наука, 1983. 141 с.
2. Гарусова Л.Н., Журбей Е.В., Владимирова Д.А. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2(45). С. 8-16.
3. Нестерова Е.А. Китайская иммиграция: политика Российской империи и США (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2001. № 3. С. 111-118.
4. Славинский Н. Письма об Америке // Отечественные записки (далее – ОЗ). 1872. №5. С. 239-266.
5. Славинский Н.Е. Письма об Америке и русских переселенцах. СПб.: Кн. маг. для иногородных, 1873. 303 с.
6. Труд и образование в Америке (по Диксону) // ОЗ. 1876. №5. С. 97-118.
7. Циммерман Э. Вотчинный закон в Америке и наши степи // ОЗ. 1877. №9. С. 109-166.
8. Чертина З.С. Встреча двух цивилизаций: китайская иммиграция в США // Американский ежегодник. 2013. М.: Весь мир, 2013. С. 97-111.
9. Чертина З.С. От «варваров» к «образцовой community»: восприятие китайских иммигрантов в американском обществе // Цивилизация и варварство: механизмы, инструменты и субъекты взаимодействия. Вып. III. М.: Аквилон, 2014. С. 274-288.
10. Чертина З.С. Плавильный котел?: Парадигмы этнического развития США. М.: ИВИ РАН, 2000. 163 с.
11. Chang I. The Chinese in America. A Narrative History. N.Y.: Penguin, 2004. 496 p.
12. Hsu M.Y. The Good Immigrants: How the Yellow Peril Became the Model Minority. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2015. 335 p.
13. Lee J.H.X. Chinese Americans: The History and Culture of a People. Santa Monica, Ca: ABC-CLIO, 2015. 544 p.

CHINESE IMMIGRATION TO THE USA ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «OTECHESTVENNYE ZAPISKI» (1870S)

The article examines the reflection of Chinese immigration to the United States in the late 1840s – 1870s on the pages of the famous Russian literary magazine «Otechestvennye Zapiski» («Domestic Notes») in the 1870s. In total, they entered America in 1849-1882. About 300 thousand Chinese, but most of them were in the United States temporarily, being labor migrants. Many returned soon to their homeland. Since the 1870s, about 70 thousand people have lived in the country permanently, and this number remained unchanged until the 1940s. Nowadays (due to new waves of migration after 1943-1949 and after 1965), up to 4 million ethnic Chinese and about 1,4 million people of mixed descent with Chinese roots (1,5-1,6% of the population) live in the United States. The periodical «Otechestvennye Zapiski», published intermittently in 1818-1884, was an influential «thick» magazine that had a significant impact on public thought and public opinion of the Russian Empire in the XIXth century. The authors of the articles were divided into two groups. Conservative publicists negatively assessed Chinese immigration, believing that labor migrants are distinguished by their alleged «barbarism» and antisocial lifestyle. Immigrants from China, in their opinion, only knocked down prices in the American labor market. Other journalists (the so-called «liberals») believed that the Chinese would eventually be successfully integrated into the society of a country known for its constitutional guarantees of the protection of rights and freedoms. However, the latter predictions were not destined to come true, since the first restrictions on Chinese labor were introduced as early as the 1870s. Subsequently, the US authorities banned immigration from Asian countries altogether. An influential anti-Chinese political movement has emerged in America.

Keywords: the history of immigration to the United States in modern times, Chinese immigrants to America in the 1850s–1870s, anti-Chinese sentiment in the United States, discrimination and the evolution of public opinion in America, the reflection of historical events in the Russian periodical press.

References

1. Biryukov V.I. (1983). Kitajcy v SShA i amerikano-kitajskie otnosheniya na sovremennom etape. M.: Nauka. 141 s. [Biryukov V.I. The Chinese in the United States and American-Chinese relations at the present stage. Moscow: Nauka. 141 s.].
2. Garusova L.N., Zhurbey E.V., Vladimirova D.A. Kitajskie immigranty v SShA: istoricheskaya retrospektiva // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 2(45). S. 8–16 [Garusova L.N., Zhurbey E.V., Vladimirova D.A. Chinese immigrants in the USA: a historical retrospective // Oikumena. Regional studies. 2018. № 2(45). P. 8–16].
3. Nesterova E.A. Kitajskaya immigratsiya: politika Rossijskoj imperii i SShA (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Rossiya i ATR. 2001. № 3. S. 111–118 [Nesterova E.A. Chinese immigration: the politics of the Russian Empire and the United States (the second half of the XIXth – early XXth century) // Russia and the Asia-Pacific Region. 2001. № 3. P. 111–118].
4. Slavinskij N. Pis'ma ob Amerike // Otechestvennye Zapiski (dalee – OZ). 1872. №5. S. 239-266 [Slavinskiy N. Letters about America // Otechestvennye Zapiski (hereinafter – OZ). 1872. № 5. P. 239–266].
5. Slavinskij N.E. (1873). Pis'ma ob Amerike i russkih pereselenchah. SPb.: Kn. mag. dlya inogorodnyh. 303 s. [Slavinskiy N.E. Letters about America and Russian settlers. St. Petersburg: Book store for non-residents. 303 p.].
6. Trud i obrazovanie v Amerike (po Diksonu) // OZ. 1876. № 5. S. 97–118 [Labor and education in America (according to Dixon) // OZ. 1876. № 5. P. 97–118].
7. Cimmerman E. Votchinnyj zakon v Amerike i nashi stepi // OZ. 1877. №9. S.

109–166 [Zimmerman E. The patrimonial law in America and our steppes // OZ. 1877. №9. P. 109–166].

8. Chertina Z.S. Vstrecha dvuh civilizacij: kitajskaya immigraciya v SShA // Amerikanskij ezhegodnik. 2013. M.: Ves' mir, 2013. S. 97–111 [Chertina Z.S. Meeting of two civilizations: Chinese immigration to the USA // American Yearbook. 2013. Moscow: Ves' mir, 2013. P. 97–111].

9. Chertina Z.S. Ot «varvarov» k «obrazcovej community»: vospriyatie kitajskih immigrantov v amerikanskom obshchestve // Civilizaciya i varvarstvo: mekhanizmy, instrumenty i sub"ekty vzaimodejstviya. Вып. III. M.: Akvilon, 2014. S. 274–288 [Chertina Z.S. From «barbarians» to «exemplary community»: the perception of Chinese immigrants in American society // Civilization and barbarism: mechanisms, tools and subjects of interaction. Issue III. Moscow: Akvilon, 2014. P. 274–288].

10. Chertina Z.S. (2000). Plavil'nyj kotel?: Paradigmy etnicheskogo razvitiya SShA. M.: IVI RAN. 163 s. [Chertina Z.S. Melting pot?: Paradigms of ethnic development of the USA. Moscow: IVI RAN. 163 p.].

11. Chang I. (2004). The Chinese in America. A Narrative History. N.Y.: Penguin. 496 p.

12. Hsu M.Y. (2015). The Good Immigrants: How the Yellow Peril Became the Model Minority. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 335 p.

13. Lee J.H.X. (2015). Chinese Americans: The History and Culture of a People. Santa Monica, Ca: ABC-CLIO. 544 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Семенова Д.А., соискатель кафедры дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия)

ДИНАМИКА ВОВЛЕЧЁННОСТИ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В САР

На основе изучения посредством исторических методов российско-сирийских отношений, позиции России по вопросам противодействия терроризму, геополитических аспектов российско-сирийского взаимодействия, а также действий возглавляемой США западной коалиции в Сирии в статье проанализированы основные факторы мотивации России при принятии решений по изменению степени вовлечённости в сирийский кризис. Как до конца ноября 2024 г., в условиях «затухающего» конфликта, так и сегодня САР сталкивается с целым рядом неотложных и острых гуманитарных, социально-экономических проблем, сложностей в области безопасности. При этом уже с 2020 г. наблюдается некоторое «снижение профиля» России, что объяснялось преимущественно тем, что угроза существованию Сирии как государству отведена. С 7-8 декабря 2024 г., с момента падения власти Б.Асада, наблюдается резкое снижение степени российского участия в сирийских делах, однако Россия по-прежнему исходит из интересов собственной безопасности и ориентируется на ранее выработанные правовые основы сирийского урегулирования. На фоне ослабления российских позиций «на земле» вновь остра террористическая угроза, исходящая с сирийской территории, а также вызовы безопасности, связанные с сохранением российского присутствия в Сирии.

Ключевые слова: сирийский кризис, Сирия, Россия, Турция, Иран, США, борьба с терроризмом.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-109-123

Введение. Российское присутствие в Сирии и вооружённую борьбу с ИГИЛ принято рассматривать в контексте «спасения» правительства Б.Асада от свержения. Как представляется, такая точка зрения, распространённая в работах некоторых западных и ближневосточных авторов, не вполне корректна.

В сентябре 2015 г. незаконные вооружённые формирования сирийской оппозиции и террористические группировки находились на подступах к Дамаску. С точки зрения российского руководства, реальной была угроза падения сирийской столицы с последующим распадом страны. 30 сентября

2015 г. по просьбе сирийского правительства была начата операция российских воздушно-космических сил в САР, позволившая уже к середине 2016 г. отбросить боевиков и вернуть сирийскому правительству контроль над значительной частью территории страны. В декабре 2024 г. оппозиционным формированиям удалось захватить контроль над всей Сирией, что привело не только к концу 54-летнего правления Асадов, но и к кардинальной перебалансировке сил в Сирии.

Значимость представленного исследования обусловлена незавершённостью сирийского кризиса, а также террористической опасностью,

которая по-прежнему исходит с сирийской территории, что особенно заметно с декабря 2024 г., когда полуторанедельный «марш» сброшенных с террористами оппозиционеров завершился взятием Дамаска и свержением асадовской власти. Продолжающееся в этих условиях российское военное присутствие в Сирии – и его пока неопределённые перспективы – означает, что обстановка в САР требует особого внимания с точки зрения обеспечения безопасности и реализации интересов Российской Федерации – в том числе с учётом нахождения на сирийской земле сил других государств.

Научная новизна статьи заключается в выявлении новых вызовов для России в контексте прихода к власти в Сирии в декабре 2024 г. оппозиционных формирований и предложении путей их частичного купирования на основе комплексного рассмотрения роли России в урегулировании сирийского кризиса. Понимание динамики вовлечённости России в сирийский кризис может внести вклад в прогнозирование хода российско-сирийского диалога после 2024 г. и сохранения российского присутствия в Сирии, а также способствовать выявлению новых возможностей для России в ближневосточном регионе, что было бы полезно как исследователям, так и политикам.

Литература по тематике сирийского кризиса и российского участия в его урегулировании весьма обширна: вопрос находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей. В частности, в монографии Матвеева И.А. (2020), освещены долгосрочные и разноплановые социально-политические процессы в САР. В работе дипломата и исследователя М.С.Ходынской-Голенищевой (2019),

изучены вопросы многостороннего урегулирования сирийского кризиса, в т.ч. в рамках ООН, с опорой на документы заседаний и личный переговорный опыт. Российские исследователи, такие, как Иванов С.М. (2020) рассматривают стабилизацию обстановки в Сирии как один из компонентов укрепления безопасности на Ближнем Востоке. В то же время Поляков Д.С. (2023) анализирует гуманитарные и социально-экономические сложности, с которыми столкнулась Сирия в настоящее время. Сирийская тематика находит отражение и в работах ближневосточных экспертов, например, Daheshiar H. и Heydari M. (2021). В своей статье анализируют российское присутствие в САР с точки зрения изменения баланса сил в регионе. Свой вклад в понимание сирийской проблематики вносят также американские и европейские эксперты, включая Roy A. (2013), пытающегося объяснить причины активного участия России в сирийском урегулировании через сравнение общественно-политических укладов РФ и САР, а также Cheriet T. (2014), анализирующую российско-сирийские отношения к моменту начала «арабской весны» и на первом этапе сирийского кризиса.

Если ещё в октябре 2024 г. задача стабилизации военно-политической обстановки в САР представлялась в основном решённой, то события конца ноября – начала декабря 2024 г. показали хрупкость и «рыхлость» сирийских государственных институтов, недееспособность властей и армии, оказавшихся не готовыми оказать сопротивление радикалам даже при поддержке союзников (в частности, российские ракетные удары по позициям боевиков продолжались до конца дня 7

декабря 2024 г.). Не была проделана необходимая работа по борьбе с «джихадистским подпольем», нормализации ситуации «на внешнем контуре», преодолению гуманитарных последствий конфликта и созданию условий для полномасштабного постконфликтного восстановления страны. «Профиль» российского присутствия в Сирии претерпевает изменения, и в свете устранения правительства Б.Асада российскому руководству необходимо ответить на вопрос о целесообразности сохранения российского присутствия в Сирии. В случае заинтересованности в его сохранении поддержание вовлечённости требует 1) налаживания диалога с новыми сирийскими властями; 2) поддержания тесных контактов с заинтересованными государствами – прежде всего Турцией – и уже не в рамках астанинской «тройки», а, вероятно, на двусторонних треках.

Исследовательский вопрос: каковы вызовы для России в Сирии в первой половине 2025 г. и возможности сохранения российского присутствия в Сирии?

Гипотеза: мотивация России при принятии решений о вовлечённости в сирийский кризис и официальная позиция в его отношении остаётся стабильной: Россия исходит из масштабности угроз собственной национальной безопасности.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является политика России по урегулированию сирийского кризиса в 2015-2025 гг. При анализе ряда факторов – в частности, характеристике российско-сирийских отношений – необходимо обращение к более ранним событиям. В исследовании применяется комплекс ис-

торических методов изучения международных отношений. Анализ выстраивается в русле неореалистского взгляда на проблемы международных отношений, однако с учётом внимания, уделяемого институциональным и негосударственным акторам, используются элементы институционального подхода. Системный подход к изучению международных отношений позволяет рассматривать сирийский кризис как часть процессов регионального и мирового масштаба.

Результаты и их обсуждение. «Арабская весна» в 2011 г. ознаменовала новую волну активности радикальных исламистских группировок на Ближнем Востоке. В Сирии джихадисты набрали силу в 2012 г., когда антиправительственные протесты стали окрашены ещё и религиозными лозунгами [7, с. 82].

Формально с момента обретения независимости в 1946 г. Сирия развивалась как светское государство. Тем не менее, религиозный фактор никогда полностью не исчезал из её общественно-политической жизни. Особенно заметной его роль стала в 1990-х – 2000-х годах, когда по всей Сирии наблюдался настоящий «бум» открытия религиозных учебных заведений (включая медресе) и мечетей [6].

По мере интенсификации сирийского конфликта в 2012-2015 гг. активность радикальных исламистских группировок в Сирии возрастала. Поддержка, оказанная странами Запада т.н. «умеренной сирийской оппозиции», привела к тому, что в руках радикалов оказались современные средства вооруженного сопротивления [4, с. 56]. На фоне дестабилизации соседнего Ирака также сформировалась

«смычка» между собственно сирийскими боевиками и ИГИЛ. Уже в 2014 г. под контролем боевиков находились целые города и области в Ираке и Сирии, а также объекты критической инфраструктуры [19]. Велась планомерная работа по созданию **террористического квази-государства** с собственной идеологией [29], а летом 2015 г. террористы угрожали самому существованию САР как государства.

Это непосредственно затрагивало интересы Российской Федерации [5]. В случае победы разрозненных радикально настроенных группировок в сирийском конфликте, Сирия могла сравняться с Ливией по уровню нестабильности и исходящих от неё угроз. В частности, с учётом относительно благоприятных климатических условий, достаточно развитой инфраструктуры, запасов углеводородов Сирия могла бы превратиться в крупную «гавань» террористического «интернационала» и стать одним из основных источников его материальной подпитки. О реальности этой угрозы говорит то, насколько быстро иГИЛОВЦЫ смогли наладить продажи сирийской нефти на чёрном рынке в 2014-17 гг. [17, с. 4].

Приоритет отдавался политико-дипломатическим средствам урегулирования конфликта. При ведущей роли России и США был налажен т.н. женеvский переговорный процесс под эгидой ООН, сформирована Международная группа поддержки Сирии [16, с. 346-349]. На определенном этапе развития конфликта российское руководство, по-видимому, рассматривало и сценарий добровольного ухода Президента САР Б.Асада с политической авансены. Об этом, в частности, может свидетельствовать визит дирек-

тора Службы внешней разведки Российской Федерации М.Е.Фрадкова (совместно с министром иностранных дел России С.В.Лавровым), в ходе которого, по спекуляциям СМИ, эта возможность непосредственно обсуждалась с Б.Асадом [8].

Необходимость же применения силы для решения проблемы радикального исламизма и терроризма, как представляется, стала ясна российскому руководству, когда решения первых двух раундов женеvских переговоров не удавалось воплотить в жизнь, а радикальные исламисты оказались на подступах к Дамаску [18, с. 18]. Более того, иГИЛОВЦЫ угрожали и самой России: была налажена связь группировки с террористическими ячейками на Северном Кавказе – а в России, и у российского руководства в частности, свежа память не только о трагических терактах 2000-х гг., но и о чеченской войне (режим контртеррористической операции в Чечне был отменён лишь в 2009 г.). Террористические группировки, действовавшие в Сирии, успешно вербовали российских граждан, которые отправлялись воевать на стороне исламистов в САР: по заявлению МВД России от 17 марта 2016 г., в конце 2015 г. свыше 2,8 тыс. россиян примкнули к террористам в Сирии и Ираке, весной 2016 г. этот показатель достигал почти 3,5 тыс. человек.

Вместе с тем, уже в 2011-2012 гг. обеспокоенность Российской Федерации вызвала **позиция в отношении сирийского кризиса других, в т.ч. внерегиональных государств** [18, с. 7-8]. Так, США при поддержке союзников по НАТО добивались санкции СБ ООН на применение силы против сирийского правительства [14]. Это напоминало «ливийский сценарий» на

основе резолюции СБ ООН 1973 от 17 марта 2011 г., приведший к *de facto* распаду страны [12]. Россия блокировала попытку организовать вооруженное вмешательство в конфликт посредством ооновских инструментов [23, с. 799]. Страны региона (прежде всего, Саудовская Аравия и Катар) отметились поддержкой оппозиционеров [13], что также стабилизации сирийской обстановки не способствовало.

Деятельность других игроков по противодействию исламистской угрозе также была недостаточной. Созданная США в августе 2014 г. анти-игиловская коалиция в составе 87 участников [20], как представляется, действовала неэффективно и «вполсилы». Параллельно западный блок продолжал военно-политическую подготовку сирийских оппозиционеров как на территории САР, так и, например, в приграничье в Иордании. Более того, США пытались использовать коалицию для нейтрализации иранского присутствия в САР. Так, в 2018 г. США официально заявили о «пяти желаемых состояниях» («five end states») Сирии. В качестве одного из приоритетов был назван вывод из Сирии иранских и проиранских сил [21]. Это состояние достигнуто в результате победы оппозиционных группировок в декабре 2024 г.

Соображения собственно **российско-сирийских отношений** при принятии решения о начале операции ВКС России решающей роли не играли. Несмотря на ритмичное развитие двусторонних отношений в советское время, с 1991 г., с распадом СССР, диалог «просел». Возрождение полноформатного российско-сирийского сотрудничества произошло лишь в середине 2000-х годов [17, с. 2]. Взаимодействие, однако, не прерывалось по военно-технической

линии: сирийская армия нуждалась в поддержании годности ранее поставленных вооружений и военной техники советского производства.

Сирия, безусловно, сохраняла значимость для России с точки зрения **обеспечения военного присутствия** в Средиземноморье: в Тартусе находился 720-й пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМФ России, развёрнутый в 1983-1984 гг. [15, с. 146]. В начале 2000-х годов ПМТО пребывал в некотором запустении: постоянно в Тартусе находилось менее ста российских военных, однако уже к 2008 г. ПМТО был обновлён, а число российских военных советников превысило тысячу человек [22, с. 34].

Таким образом, вся совокупность различных факторов — от понимания масштабов террористической угрозы до активности возглавляемых США (введённых в Сирию без какого-либо согласия официальных властей) сил — послужила катализатором принятия российским руководством решения об участии в сирийских событиях и применении вооружённых сил непосредственно «на земле».

Ощутимых результатов удалось добиться менее чем за шесть месяцев операции российских ВКС: главные задачи, поставленные перед Министерством обороны России, были выполнены к 14 марта 2016 г., когда президент России В.В.Путин отдал приказ о выводе основной части российской воинской группировки из Сирии, а в декабре 2017 г. было заявлено о подавлении группировки ИГИЛ [2].

В результате действий российских военных существенный урон был нанесён экономической инфраструктуре, находившейся под контролем террористов: к декабрю 2015 г. были

поражены порядка семидесяти объектов нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отрасли, что ударило по крупнейшим источникам дохода игиловцев. Помимо ВКС, в операции был задействован ВМФ России: наносились ракетные удары из акватории Каспийского моря. Важно, что российские военные не только принимали непосредственное участие в боевых действиях, но и делились компетенциями с сирийскими коллегами. Сирийская армия в значительной степени экипирована вооружениями и военной техникой советского и российского производства, что облегчало их освоение, а также ремонт и модификацию в боевых условиях.

Успешные действия ВКС России позволили подтолкнуть политико-дипломатический процесс по урегулированию конфликта. Ведущую роль в этом сыграло налаживание трёхсторонней координации «на земле» между Россией, Турцией и Ираном. В частности, их диалог позволил добиться вывода боевиков из Алеппо в конце 2016 г. На основе этих контактов сформировался астанинский переговорный механизм, внесший реальный вклад в организацию прямых межсирийских переговоров и замирение противоборствующих сторон. Это способствовало снижению интенсивности боевых действий на большей части территории страны.

Незавершённость «замирения» в Идлибе и непроведённое размежевание оппозиционеров и террористов в конечном счёте стали причинами того, что накопившие силу боевики выстроили эффективные и хорошо подготовленные квази-вооружённые силы, в т.ч. с опорой на внешнюю поддержку и свергли законные сирийские власти в

декабре 2024 г. Контент-анализ сирийских новостных каналов – как общенациональных, так и местных – показывал, что в 2021-2024 гг. еженедельно в САР имели место всплески насилия и теракты, проявляют себя радикальные группировки разнообразного толка и масштаба [29]. В частности, новостное агентство «Сирия Ахр» регулярно публиковало материалы о нападениях, насилии, погромах, совершаемых не просто бандитами или хулиганами, но радикальными группировками [30].

На сегодняшний день сирийский кризис далёк от окончательного разрешения. Резкая перебалансировка сил в ноябре-декабре 2024 г. привела к тому, что победу в сирийском конфликте одержала одна из противоборствующих сторон: оппозиция. Однако это не означает, что процесс сирийского урегулирования завершён или более не востребован. С одной стороны, новые сирийские власти приступили к процессу восстановления государственных институтов Сирии (ведь со сменой властей институты как таковые не были разрушены: весьма яркий пример сирийских посольств и консульств по всему миру, которые в течение суток сменили флаги), получают поддержку со стороны населения (которому были предоставлены электроэнергия, вода и т.п.), а также от спонсоров извне. Вместе с тем сращенных с террористами (прежде всего с группировкой «Хайят Тахрир Аш-Шам» - ХТШ) оппозиционеров принимает не вся страна, а с учётом разнообразия этно-конфессионального состава сирийского населения и племенного фактора, важно обеспечить справедливую представленность в новых властных институтах всех заинтересованных

групп. По-прежнему важно стабилизировать обстановку на всей сирийской территории и не допустить новых вспышек конфликта, что будет непросто, ведь оппозиционные формирования разрознены и уже ранее конкурировали между собой. Объединяющей целью для них было свержение Б.Асада. Теперь, когда она достигнута, может разгореться борьба за влияние в новой Сирии.

Таким образом, возникает вопрос о выстраивании урегулирования с участием внешних игроков и о том, кто из них готов выступить гарантом этого процесса. На новом витке эскалации очевидно, что формат астанинской «тройки» теперь не отражает реального соотношения сил «на земле» и способности участников механизма влиять на него. Усилились позиции Турции; Россия и Иран как соратники свергнутых сирийских властей, напротив, утратили инициативу в Сирии. Возросла роль в сирийских делах Израиля, который уже 8 декабря приступил к захвату сирийских территорий, в то время как ранее Сирия ощущала израильскую агрессию в основном в связи с обострением израильско-палестинского конфликта [3].

Для России приоритетной задачей видится защита – а при более благоприятном сценарии развития событий – сохранение **пунктов базирования российских военнослужащих** в Сирии: прежде всего порта Тартус и авиабазы Хмеймим. Под благоприятным сценарием в данном случае следует понимать действительно мирную передачу власти, прекращение (или существенное снижение) интенсивности насилия внутри страны и готовность пришедших к власти сил к диалогу с Россией. Важно также обеспечение

безопасности продолжающего функционировать российского посольства в Дамаске и других российских объектов. Часть пунктов в глубине сирийской территории (например, военные аэродромы: Тияс в Хомсе и близ г.Камышли в Хасеке), где находились российские военные (вместе с сирийскими), оставлена.

Сирия по-прежнему находится на грани **гуманитарной катастрофы**. Уже в 2023 г. до 90% сирийцев находились за чертой бедности, 70% населения (15,3 млн) нуждалось в предметах и услугах первой необходимости [9, 24]. Сирия подвергается инфляционным ударам, что было особенно ощутимо в 2023 г. С декабря 2022 г. до июня 2023 г. сирийский фунт по отношению к доллару США подешевел почти в два раза [10]. Из-за этого в августе 2023 г. власти были вынуждены нарастить зарплаты бюджетников и военных на 100% [1]. Дополнительное инфляционное давление связано с топливно-энергетическим комплексом. В свете относительно небольших объемов нефтедобычи САР по-прежнему зависит от поставок «чёрного золота» из-за границы [25, 28]. В упадке находится сельское хозяйство, что особенно опасно на фоне острой необходимости обеспечивать население продовольствием.

Международные усилия по управлению социально-экономической ситуации в стране недостаточны. План ООН по гуманитарной помощи Сирии на 2023 г. был профинансирован лишь на 41%, в 2024 г. – на 33,1% [24, 26], что стало самым низким показателем с 2011 г. (впрочем, полномасштабного финансирования План не получал долго: уже в 2019-2021 гг. показатели

колебались между 50-55% [27]). Многие государства на двусторонней основе направляют помощь сирийцам: значительные объёмы гуманитарных грузов поступали и из России, причём помощь оказывалась по модели «от государства к государству», гораздо менее масштабно – через фонды. В нынешних условиях, когда предыдущего диалогового партнёра в лице асадовского правительства нет, а полноценный диалог с новыми сирийскими властями не налажен, данное направление «пробуксовывает», однако Сирия заинтересована в том, чтобы продолжить получать гуманитарную помощь из России, а российские военные объекты – как и при Б.Асаде могут стать в данной работе опорными пунктами, т.к. российская гуманитарная помощь оказывается через военных и спасателей. Продолжение гуманитарной поддержки сирийцев, как представляется, вполне может стать одним из условий сохранения российских баз в новой Сирии.

Для России **террористическая угроза** остаётся одним из первостепенных вызовов. С 2022 г. Сирия занимала более скромное место в российской антитеррористической повестке дня, где на первый план вышли проблемы, связанные с Украиной [11]. Сирийская дестабилизация чревата обострением террористической угрозы как на внешних рубежах России (в частности, на пространстве СНГ), так и внутри страны, ведь на стороне радикалов воевало немало выходцев из России и сопредельных государств, которые готовы вернуться в страны «исхода».

Представляется, что в текущих условиях для России особенно важно поддерживать имеющиеся контакты со

всеми сирийскими группировками, пришедшими к власти и продолжать планомерный диалог относительно сохранения присутствия в Сирии на приемлемых условиях, а в случае его невозможности – прорабатывать сценарии выхода из САР без потерь. Гуманитарная проблематика может стать в данном контексте центральной. Кроме того, если российские гуманитарные усилия в Сирии пойдут на спад, очевидно, что нишу в области восстановления страны заполнят западные структуры.

Астанинский механизм сирийского урегулирования сегодня не отражает реального соотношения сил «на земле», а значит, для завершения сирийского урегулирования востребован новый формат с участием внешних игроков. Занять в нём центральное место Россия не сможет прежде всего в силу того, что к власти в Сирии пришли те, с кем вплоть до 7 декабря 2024 г. Россия боролась на поле боя. Однако с учётом сохранения основных посылов официальной российской позиции (прекращение боевых действий, опора урегулирования на резолюцию СБ ООН 2254 (2015), проведение выборов), их совпадения с тем, что декларируют страны региона и даже сами новые сирийские власти и наличия у российских дипломатов и военных контактов с сирийскими группировками, а также того, что Россия – внешний игрок на Ближнем Востоке, и её позиция странами региона воспринимается как менее ангажированная – не исключено привлечение России в новый процесс урегулирования в Сирии в качестве независимого посредника, который может способствовать налаживанию диалога между заинтересованными сторонами. Российский опыт

в рамках женевского и астанинского форматов урегулирования способен стать опорой для такой работы.

Заключение. Российское участие в вооружённом противодействии ИГИЛ, а также проактивная позиция, занятая Россией в урегулировании сирийского кризиса на политико-дипломатическом уровне способствовали стабилизации обстановки, купированию террористической угрозы, сохранению сирийской государственности. Некоторое перепрофилирование активности России в условиях «затухающего» конфликта в 2020-2024 гг. объяснялась прежде всего тем фактом, что – по сравнению с 2012-2016 гг. – отсутствовала прямая угроза существованию государства как со стороны террористов, так и со стороны вооружённой оппозиции или государственных оппонентов. Асадовская государственность, однако, не выстояла в силу неэффективности институтов и неготовности защитить себя, несмотря на российскую и иранскую поддержку.

В этой связи обостряется прежде всего террористическая угроза самой Российской Федерации (в силу присутствия в рядах боевиков российских граждан и граждан стран постсоветского пространства) – таким образом, вызовы 2012-2016 гг. вновь актуальны и требуют реакции. Вместе с тем несмотря на смещение оппозиционеров в Сирии с террористическими группировками (в т.ч. ХТШ), сегодня Россия имеет контакты с новой сирийской властью. Если последняя преуспее в восстановлении государственных институтов и стабилизации обстановки в стране, продолжение российско-сирийских отношений может иметь конструктивное измерение.

В контексте продолжения сирийского урегулирования, стоит вопрос о роли России в формирующихся новых механизмах стабилизации обстановки. Эта роль не будет центральной, однако Россия способна занять равноудалённую позицию по отношению ко всем участникам процесса и выступать в качестве посредника-балансера. Подходы государств региона к сирийской ситуации по-прежнему имеют большое значение, а их готовность участвовать в сирийском урегулировании способна влиять на российскую позицию.

Ключевое значение имеет сохранение российского присутствия на сирийской территории: обеспечение безопасности Посольства в Дамаске, сохранение и защита военных баз (порт Тартус и авиабаза Хмеймим). «Увязкой» в переговорах о сохранении российского присутствия в Сирии может стать гуманитарная работа, ведь в условиях гуманитарного кризиса и экономического спада в Сирии Российская Федерация с 2012 г. стабильно оказывала гуманитарную помощь населению (в основном по линии Минобороны и МЧС). При должном уровне диалога с новыми властями и взаимного доверия гуманитарную работу – а Сирия заинтересована в получении помощи – возможно будет продолжить.

Вклад автора состоит в выявлении вызовов, стоящих сегодня перед Россией в контексте прихода к власти в Сирии в декабре 2024 г. разрозненных оппозиционных бывшему асадовскому правительству и частично террористических группировок. Основными вызовами являются террористическая угроза самой России; потенциальная дестабилизация обстановки на пространстве СНГ; сохранение присутствия России в Сирии: обеспечение

безопасности военных объектов, посольства в Дамаске и других пунктов российского присутствия в Сирии. В политико-дипломатическом измерении предстоит работа над тем, чтобы сохранить неангажированную позицию в многостороннем процессе сирийского урегулирования, конфигурация которого, в силу утраты влияния астанинского механизма, перестраивается.

В то же время есть потенциал для

сохранения неконъюнктурности российской линии в отношении сирийских событий. Опора официальной позиции России на резолюцию 2254 (2015), а также готовность России к контактам с новыми сирийскими властями создают возможность для дальнейшего участия в сирийском урегулировании и купировании по крайней мере части вызовов нового витка сирийской эскалации.

Список литературы

1. Асад подписал указ о надбавке 100% к зарплатам бюджетникам и военным. [Электронный ресурс]. ТАСС, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18526231> (дата обращения 09.07.2024).
2. Встреча с Сергеем Лавровым и Сергеем Шойгу 14 марта 2016. [Электронный ресурс]. – Президент России, 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51511> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Выступление и.о. Постоянного представителя Д.А.Полянского на заседании СБ ООН по политической и гуманитарной ситуации в Сирии. [Электронный ресурс]. Постоянное представительство Российской Федерации при ООН, 2024. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/syria280824> (дата обращения 20.08.2024).
4. Иванов С.М. Урегулирование сирийского конфликта — важный шаг на пути к региональной стабильности. / С.М.Иванов // Мировая экономика и международные отношения, 2020. Т. 64, № 11, с. 53-61.
5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.10.2009). [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902180267> (дата обращения: 29.06.2024).
6. Кузнецов А.А. О роли исламистских группировок в гражданской войне в Сирии (2011-2014 гг.) [Электронный ресурс] / А.А.Кузнецов // Постсоветский материк. – 2015. - №2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-islamistskih-grupirovok-v-grazhdanskoj-vojne-v-sirii-2011-2014-gg> (дата обращения: 12.08.2024).
7. Матвеев И.А. Сирия в конфликте / И.А. Матвеев, отв. ред. Кузнецов В.А.; ФГБУН ИВ РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 496 с.
8. О визите Министра иностранных дел России С.В.Лаврова и Директора Службы внешней разведки России М.Е.Фрадкова в Дамаск. [Электронный ресурс]. - МИД России, 2012. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1653980/ (дата обращения: 12.08.2024).
9. Осуществление резолюций Совета Безопасности 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015), 2332 (2016), 2393 (2017), 2401 (2018), 2449 (2018), 2504 (2020), 2533 (2020), 2585 (2021), 2642 (2022) и 2672 (2023). Доклад Генерального секретаря. S/2023/621. [Электронный ресурс]. Совет Безопасности ООН, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4020549?ln=en&v=pdf> (дата обращения 09.07.2024).

10. Поляков Д.С. Сирия в 2023 году: упадок и несбывшиеся надежды. [Электронный ресурс]. Российский совет по международным делам, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-v-2023-godu-upadok-i-nesbuvshiesya-nadezhdy/> (дата обращения 09.07.2024).
11. Путин поставил вопрос, почему террористы после «Крокуса» ехали на Украину [Электронный ресурс]. ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru/politika/20353143> (дата обращения 17.07.2024).
12. Резолюция СБ ООН №1973. S/RES/1973. [Электронный ресурс]. ООН, 2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.08.2024).
13. Саудовская Аравия и Катар платят зарплату солдатам Свободной сирийской армии [Электронный ресурс]. Росбалт, 2012. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/06/23/996014.html> (дата обращения 13.08.2024).
14. Совет Безопасности ООН заслушает в закрытом режиме доклад по ситуации в Сирии. [Электронный ресурс]. Первый канал, 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-05-30/93611-sovet_bezopasnosti_oon_zaslushaet_v_zakrytom_rezhime_doklad_po_situatsii_v_sirii (дата обращения 02.08.2024).
15. Соглашение между правительствами СССР и САР о развёртывании 720-го пункта материально-технического обеспечения ВМФ СССР, 1983 г. – цит. по Сборник международных договоров СССР: Международные договоры СССР, вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1983 г. – Вып. XXXIX – М.: Международ. отношения, 1985. – 320 с.
16. Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру: многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования / М.С. Ходынская-Голенищева. – М.: Абрис Олма, 2019. – 719 с.
17. Cheriet T. An overview of Russo-Syrian relations June 2014 / T. Cheriet // Working Paper Series. – 2014. – N. 6.
18. Daheshiar H., Heydari M. Analyzing the Russian's interventionist policy in the Syrian crisis / H.Daheshiar., M.Heydari // The Quarterly Journal of Political Studies of Islamic World. – 2021 – Vol. 9, Issue 36. – P. 7-24.
19. Glenn C. Timeline: the Rise, Spread, and Fall of the Islamic State [Электронный ресурс] Wilson Center, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/timeline-the-rise-spread-and-fall-the-islamic-state> (дата обращения 02.08.2024).
20. Members — The Global Coalition to Defeat ISIS. [Электронный ресурс]. U.S. Department of State, 2023. URL: <https://www.state.gov/the-global-coalition-to-defeat-isis-partners/> (дата обращения: 17.07.2024).
21. Operation Inherent Resolve and other Overseas Contingency Operations/ Lead Inspector General Report to the United States Congress, 2018. [Электронный ресурс]. Defense. Gov, 2018. URL: https://media.defense.gov/2019/Feb/04/2002085693/-1/-1/1/FY2019_LIG_OIRREPORT.PDF (дата обращения: 09.08.2024).
22. Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern Policy: Regional Ambitions, Global Objectives / W. Rodkiewicz // Warsaw : Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpią / Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2017. — 54 p.

References

1. Asad podpisal ukaz o nadbavke 100% k zarplatam byudzhetnikam i voennym [Asad signs decree to increase 100% salaries for civil service and military]. TASS, 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18526231> (accessed: 09.07.2024).
2. Vstrecha s Sergeem Lavrovym i Sergeem Shoigu 14 marta 2016 [Meeting with Sergey Lavrov and Sergey Shoigu] – President of Russia, 2016. URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/51511> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Vystuplenie i. o. Postoyannogo predstavatelya D.A.Polyanskogo na zasedanii SB OON po politicheskoy i gumanitarnoy situatsii v Syrii [Statement delivered by acting Permanent Representative D.A.Polyanskiy during UN Security Council session on political and humanitarian situation in Syria] Permanent Mission of the Russian Federation to the UN, 2024. URL: <https://russiaun.ru/ru/news/syria280824> (accessed: 20.08.2024).
4. Ivanov S.M. Uregulirovanie siriyskogo konflikta — vazhnyi shag na puti k regionalnoy stabilnosti [Syrian conflict settlement as an important step towards regional stability]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020. V. 64, No 11, s. 53-61.
5. Contseptsiya protivodeystviya terrorizmu v Rossiyskoy Federatsii ot 05.10.2009 [Counter-terrorism conception of the Russian Federation of 05.10.2009] *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-technicheskikh dokumentov*, 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902180267> (accessed: 29.06.2024).
6. Kuznetsov A.A. O roli islamistskih gruppirovok v grazhdanskoy voyne v Syrii (2011-2014) [Islamists groups' role in civil war in Syria (2011-2014)]. *Postsovetskiy materik*, 2015. N 2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-roli-islamistskih-gruppirovok-v-grazhdanskoy-voyne-v-sirii-2011-2014-gg> (accessed: 12.08.2024).
7. Matveev I.A. *Siria v konflikte* [Syria in conflict], ed. Kuznetsov V.A. FGBUN IV RAN – M.: iv ran, 2020. – 496 s.
8. O vizite Ministra inostrannykh del Rossii S.V.Lavrova i Directora Sluzhby vneshney razvedki Rossii M.E.Fradkova v Damask [Russian Foreign minister S.V.Lavrov and Head of Intelligence M.E.Fradkov visit Damask]. MFA Russia, 2012. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1653980/ (дата обращения: 12.08.2024).
9. Osuschestvleniye rezolutsiy Soveta Bezopasnosti 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015), 2332 (2016), 2393 (2017), 2401 (2018), 2449 (2018), 2504 (2020), 2533 (2020), 2585 (2021), 2642 (2022) и 2672 (2023). *Doklad Generalnogo Sekretarya. S/2023/621* [Implementation of UN Security Council resolutions 2139 (2014), 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015), 2332 (2016), 2393 (2017), 2401 (2018), 2449 (2018), 2504 (2020), 2533 (2020), 2585 (2021), 2642 (2022) и 2672 (2023) Report by Secretary-General. S/2023/621. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4020549?ln=en&v=pdf> (accessed: 09.07.2024).
10. Polyakov D.S. *Siriya v 2023 godu: upadok i nesbyvshiesya nadezhdy* [Syria in 2023: decline and unfulfilled hopes]. Russian Council on International Affairs, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-v-2023-godu-upadok-i-nesbyvshiesya-nadezhdy/> (accessed: 09.07.2024).
11. Putin postavil vopros, pochemu terroristy posle “Krokusa” ehali na Ukrainu [Putin asks why after “Crocus” terrorists were moving to Ukraine]. TASS, 2024. URL:

<https://tass.ru/politika/20353143> (accessed: 17.07.2024).

12. Rezolutsiya SB OON N 1973. S/RES/1973 [UN SC resolution 1973. S/RES/1973. UN, 2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement> (accessed: 07.08.2024).

13. Saudovskaya Araviya I Katar platyat zarplatu soldatam Svobodnoy siriyskoy armii [Saudi Arabia and Katar pay salaries to Free Syrian Army soldiers]. Rosbalt, 2012. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/06/23/996014.html> (accessed: 13.08.2024).

14. Sovet bezopasnosti OON zaslushaet v zakrytom rezhime doklad po situatsii v Sirii [UN Security Council to hear report on Syrian situation behind closed doors]. Pervyi kanal, 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-05-30/93611-sovet_bezopasnosti_oon_zaslushaet_v_zakrytom_rezhime_doklad_po_situatsii_v_sirii (accessed: 02.08.2024).

15. Soglasheniye mezhdru pravitelstvami SSSR I SAR o razvertyvanii 720-go punkta materialno-tehnicheskogo obespecheniya VMF SSSR, 1983 g. [Agreement between the Governments of the USSR and the Government of Syria on deployment of 720th material and technical support point of the USSR Naval Forces, 1983]. Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR: Mezhdunarodnye dogovory SSSR, vstupivshie v silu s 1 yanvarya po 31 decabrya 1983 g. – Vol. 39 – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985. – 320 s.

16. Khodynskaya-Golenischeva M.S. Syria: trudnyi put' ot voyny k miru: mnogostoronnyaya diplomatiya siriyskogo uregulirovaniya [Syria: difficult way from war to peace: multilateral diplomacy of Syrian crisis settlement]. – M.: Abris Olma, 2019. – 719 s.

17. Cheriet T. An overview of Russo-Syrian relations June 2014 / T. Cheriet // Working Paper Series. – 2014. – N. 6.

18. Daheshiar H., Heydari M. Analyzing the Russian's interventionist policy in the Syrian crisis / H.Daheshiar., M.Heydari // The Quarterly Journal of Political Studies of Islamic World. – 2021 – Vol. 9, Issue 36. – P. 7-24.

19. Glenn C. Timeline: the Rise, Spread, and Fall of the Islamic State . Wilson Center, 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/timeline-the-rise-spread-and-fall-the-islamic-state> (accessed: 02.08.2024).

20. Members — The Global Coalition to Defeat ISIS. U.S. Department of State, 2023. URL: <https://www.state.gov/the-global-coalition-to-defeat-isis-partners/> (accessed: 17.07.2024).

21. Operation Inherent Resolve and other Overseas Contingency Operations/ Lead Inspector General Report to the United States Congress, 2018. Defense. Gov, 2018. URL: https://media.defense.gov/2019/Feb/04/2002085693/-1/-1/1/FY2019_LIG_OIRRE-PORT.PDF (accessed: 09.08.2024).

22. Rodkiewicz W. Russia's Middle Eastern Policy: Regional Ambitions, Global Objectives / W. Rodkiewicz // Warsaw : Ośrodek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia / Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2017. — 54 p.

23. Roy A. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis / A. Roy // *International Affairs*. – 2013. – Vol. 89, Issue 4. – P. 796–810.

24. Security Council: 12 years of war, 70 per cent of Syrians needing aid. UN News, 2023. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/01/1132837> (accessed: 09.08.2024).

25. Syria Crude Oil Production. Trading Economics, 2023. URL: <https://tradingeconomics.com/syria/crude-oil-production> (accessed: 09.07.2024).

26. Syria: Needs rise amid deepening humanitarian and economic crisis. United Nations, 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/12/1131912> (accessed: 09.08.2024).

27. Syrian Arab Republic Humanitarian Response Plan 2022-2023. OCHA Financial Tracking Service, 2023. URL: <https://fts.unocha.org/plans/1088/summary> (accessed: 09.08.2024).

28. الإنسانية المساعدات انخفاض ظل في السورية الفعل مساحات. نقوما مناف [Koman M. Directions of activities in Syria amid decrease of humanitarian aid] (in Arabic). Omran Strategic Studies, 2024. URL: <https://www.omrandirasat.org/-/الإصدارات/الأبحاث/تقدير-الموقف/مساحات-الفعل-السورية-في-ظل-انخفاض-المساعدات-الإنسانية.html> (accessed: 21.08.2024).

29. جديد؟ من تتبعث هل داعش؛ عند والإيديولوجيا العقيدة [Is ISIS ideology reviving again?] (in Arabic). MENA Research Center, 2024. URL: <https://www.mena-researchcenter.org/ar/هل-تن-عند-داعش-العقيدة-والإيديولوجيا-عند-داعش-هل-تن/> (accessed: 19.07.2024).

30. “The Organization” [ISIS] cells attack tankship with oil for autonomous administration in the territories to the East from Deir-Az-Zour] (in Arabic). Syria Ahr (SOHR), 2024. URL: <https://www.syriaahr.com/719920/الزودير-شرقي-الذاتية-الإدارة-لنفط-صهريجتستهد-التنظيم-خلايا-تهدف-صهريج/> (accessed: 19.07.2024).

Об авторе

Семенова Дарья Андреевна – соискатель кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Россия). E-mail: darpakhom@yandex.ru

Semenova Daria Andreevna – post-graduate researcher of MGIMO-University Diplomacy Department (Russia). E-mail: darpakhom@yandex.ru

УДК 93/94

Сидорчук И.В., доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, (Россия)

КАМПАНИЯ «НЕДЕЛЯ ПОМОЩИ ПРОЛЕТАРСКОМУ СТУДЕНЧЕСТВУ» В ПЕТРОГРАДЕ/ЛЕНИНГРАДЕ В 1923 И 1924 ГГ.

Студенчество исторически являлось особой, уникальной социальной группой, что не могло не сделать его объектом пристального внимания со стороны представителей различных дисциплин, включая историков. Для судьбы отечественной высшей школы во многом ключевым стал ранне-советский период, когда активно проводилась «пролетаризация» вузов, реформировалась система образования, интегрировались в повседневность новые практики, традиции и ритуалы. Свои изменения произошли и в организации решения неизменно актуального для учащейся молодежи вопроса, а именно плачевного финансового положения, низкого качества жизни. Целью настоящей статьи является рассмотрение хода и результатов кампании «Неделя помощи пролетарскому студенчеству», направленной на помощь нуждающимся студентам и проводившейся Комиссией по улучшению быта учащихся (КУБУЧ) в 1-й половине 1920-х гг. В качестве источниковой основы исследования были использованы неопубликованные материалы КУБУЧ Ленинграда, что позволило рассмотреть вопрос на примере одного из крупнейших центров высшего образования в стране. В результате удалось установить, что только первую «Неделю», проведенную осенью 1923 г., можно признать по-настоящему успешной в плане привлечения средств на улучшение жизни студентов и действенной помощи им. Следующие попытки так оценить нельзя, и одной из главных причин этого стало превращение кампании в преимущественно идеологическую и направленную главным образом на достижение «смычки рабочих с пролетарским студенчеством», что принципиально снизило ее реальную пользу для учащейся молодежи.

Ключевые слова: Неделя помощи пролетарскому студенчеству, история высшей школы, Комиссия по улучшению быта учащихся, пролетаризация, студенчество, советские идеологические кампании, история повседневности, землячества.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-124-133

Введение. Одной из злободневных проблем, которую советская власть унаследовала от предшествующей эпохи, было тяжелое материальное положение студенчества. До революции ее пытались решить в основном за счет частных инициатив, например путем устройства касс взаимопомощи, обществ вспомоществования, организации столовых, общежитий и пр. [2; 4, с. 162; 19, с. 86, 89; 3, с. 2575]. Активное участие в этом принимали землячества и другие студенческие организации, выпускники, преподаватель-

ский состав и различные меценаты, равнодушные к развитию высшего образования в стране. Однако говорить о принципиальном улучшении ситуации, особенно с учетом роста числа студентов в пореформенную эпоху, не приходилось.

1920-е гг. для высшей школы стали временем активных попыток ее «пролетаризации», которая проводилась, в том числе, за счет приема выходцев из рабочих и крестьянских семей и создания рабфаков [17, с. 162]. Параллельно происходил рост числа высших учебных заведений. Все это, в

сочетании с тяжелыми экономическими условиями, нерешенностью жилищного вопроса и бедностью значительной части населения, вело к еще большему усугублению проблемы. Власти прекрасно осознавали ее и в условиях дефицита ресурсов старались изыскать различные варианты решения. В частности, с этой целью весной 1923 г. в различных регионах были организованы Комиссии по улучшению быта учащих (КУБУЧ).

Объекты и методы исследования. В центре внимания настоящей статьи находится история одной из многочисленных кампаний эпохи, «Недели помощи пролетарскому студенчеству», которая проводилась КУБУЧ в различных регионах страны. Целью исследования стало рассмотрение ее хода и итогов в контексте как попыток устройства помощи учащимся, так и советизации высшей школы. Так как в каждом регионе «Неделя» приобретала во многом индивидуальные черты, внимание было сконцентрировано на ситуации в Ленинграде, являвшемся одним из главных центров высшего образования, где проблема бедности студентов носила чрезвычайно острый характер.

Стоит отметить, что как деятельность КУБУЧ, так и сюжеты, связанные с организацией проведения «Недели помощи пролетарскому студенчеству» и других мероприятий, направленных на улучшение его положения, часто затрагиваются в работах, посвященных различным аспектам истории раннесоветских учебных заведений и повседневной жизни молодежи. В частности, можно выделить статью И. Б. Орлова, посвященную материальному положению студенчества 1920-х гг. [15]. Кроме этого, они обозначены в

исследованиях, в центре внимания которых находится бытовое и социально-экономическое положение учащихся различных регионов страны в рассматриваемый период [8, с. 23; 10, с. 19 и др.]. Тем не менее непосредственно история «Недели» пока не становилась объектом отдельного исторического исследования.

Историографическую основу работы составили материалы фонда КУБУЧ по проведению «Недели», хранящиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Кроме этого, активно привлекались данные периодической печати, в которых освещались события «Недели». Говоря о методах исследования, стоит обозначить идеографический, ретроспективный и проблемно-хронологический, позволившие реконструировать историю проведения кампании в контексте эпохи и дать комплексную оценку ее итогам.

Результаты и их обсуждение. В начале 1924 г. Н. К. Крупская в статье «Партия и студенчество» выразила уверенность в том, что «сознательное пролетарское студенчество, не боящееся труда, <...> вырастет в тех красных спецов, которые так страшно нужны стране» [12, с. 19]. Однако почва для подобного роста была малоблагоприятной. Например, в Петрограде на рубеже 1923/1924 гг. было свыше 45 тыс. студентов, большинство из которых признавалось «весьма нуждающимися», тогда как стипендиями, размер которых составлял 8 рублей, обеспечивалось менее 10 тыс. из них [23, л. 7]. Из-за отсутствия средств многие студенты голодали, ночевали в садах и на вокзалах, бросали учебу, что в целом ставило под угрозу пролетаризацию вузов, в которой была так заинтересо-

вана власть [28, л. 1]. При этом признание проблемы, что во многом типично для раннесоветского официоза, сопровождалось декларированием принципиальных улучшений по сравнению с предшествующей эпохой [см., напр.: 18]. Транслировался тезис о достижениях советской власти в этом вопросе: открытие дверей вузов для детей трудящихся, предоставление общежитий, стипендий, одежды и, наконец, бесплатного обучения [28, л. 24]. Но этих усилий никак не могло хватить на то, чтобы обеспечить всех пришедших в вузы юношей и девушек, тем более что классовый состав студенчества менялся: «Раньше маменькины сынки учились в университетах, не беспокоясь о куске хлеба. Не так приходится грызть гранит науки рабочему или сыну рабочего» [1].

Комиссия по улучшению быта учащихся при президиуме Петросовета была образована постановлением заседания Петрогубисполкома от 6 апреля 1923 г. В ее состав вошли представители Президиума Губисполкома, Губкома РКП, студенчества, Петропрофобра и Губпрофсовета. Первое заседание Петроградской КУБУЧ состоялось 4 мая 1923 г. [20, л. 2]. Цель Комиссии была вполне ясна – «всесторонняя помощь пролетарскому студенчеству во всех его нуждах» [13]. Для ее достижения реализовывались следующие задачи: концентрация вокруг Комиссии студенческих организаций, занимающихся улучшением быта студенчества; направление и руководство их деятельностью; содействие проведению различных мероприятий; изыскание средств для нужд учащихся; предоставление учащимся трудового заработка; лечебная и курортная по-

мощь учащимся; содействие культурным запросам учащихся [16, с. 6]. Ликвидирована КУБУЧ была только в ноябре 1937 г., сумев за время своей деятельности добиться весьма серьезных результатов. В частности, уже в первые годы работы было устроено издательство, достаточно быстро ставшее прибыльным, касса взаимопомощи и музыкально-театральное бюро, которое занималось снабжением льготными билетами в кино и театры. Комиссия устраивала поиск возможностей заработка для студентов, а также участвовала в работе АСЕСП (Американской секции европейской студенческой помощи), которая в основном занималась отпуском бесплатных обедов [16, с. 8–9, 11, 16]. Еще одним направлением помощи стала организация здравниц на юге страны и устройство там отдыха для нуждающихся. Так, только с 1 января по 15 августа 1923 г. на курортное лечение было отправлено 325 петроградских студентов [5]. Деньги тратились на кредитование для покупки канцелярских принадлежностей, субсидирование коммун и яслей, лечебную помощь, приобретение учебной литературы. Агитаторы на предприятиях и в организациях всячески побуждали делать отчисления с жалованья [15].

Конечно, работа Комиссии не проходила без проблем. Например, в сентябре 1923 г. Комиссия пыталась взыскать деньги с П. П. Когана, являвшегося устроителем в Государственной Филармонии концертов пианиста В. С. Горовица, тогда еще только начинавшего свою блистательную карьеру. П. П. Коган имел обязательства перед КУБУЧ отдать 5 % с трех концертов. Он проживал в Европейской гостинице и, «не смотря на многочисленные обращения

и хождения за деньгами в течение нескольких дней, по несколько раз в день, несмотря на обещание уплаты», упорно этого не делал [20, л. 104]. А в феврале 1924 г. кто-то получил в Ленинградском коммунальном банке 6 тыс. рублей золотом якобы на улучшение питания в столовой Политехнического института, предъявив поддельный чек КУБУЧ – бланковый штамп Комиссии был настоящим, но подпись – сымитирована [20, л. 179–180].

Изначально Комиссия не обладала никакими средствами, поэтому наиболее актуальным стал вопрос их привлечения. Кроме этого, требовалось обратить внимание общественности на пролетаризацию вузов. Для этого была устроена «Неделя помощи пролетарскому студенчеству», изначально планировавшаяся на первую неделю октября 1923 г., но затем перенесенная на период с 7 по 14 октября [16, с. 7]. Потом ее продлили до 22 октября [9]. Стоит отметить, что подобные «недели» начали проводиться в различных регионах с января 1922 г. [14, с. 191], поэтому петроградцы шли во многом по проторенной дороге. Была организована Центральная комиссия при Агитотделе Губкома, в которую вошло 7 человек: преставители Агитотдела Губкома, Петропрофобра, Губпрофсовета, Губисполкома, КУБУЧ и студенчества. Она включала в себя 3 подкомиссии: 1. Подкомиссию по сбору и учету; 2. Агитационно-редакционную и театрально-художественную и 3. Хозяйственную [22, л. 9]. «Неделя» проходила под следующими лозунгами: «Рабочий и крестьянин, помогите своим товарищам закончить учебу»; «Красный студент – воин Красной Армии науки»; «Мы

брали Крымский перекоп – мы возьмем и перекоп науки»; «Да здравствуют советские рабфаки и ВУЗы – колыбель красной интеллигенции»; «Наши зубы достаточно сильны, чтобы грызть гранит науки»; «Встретив сборщика в пользу пролетарского студенчества, не делай вида, что его не заметил» [22, л. 32–32 об.]. Во время проведения кампании «был организован целый ряд собраний по заводам, фабрикам, учреждениям, посвященных вопросам о необходимости завоевания высшей школы, важности наличия своих, красных, спецов и т. д.». Также были предприняты следующие шаги: выпущена однодневная газета «Помощь Студенту», организован кружечный сбор, устроены спектакли, концерты. Как утверждалось в отчете, «на призыв Комиссии широко откликнулись партийные, профессиональные и советские организации» [16, с. 7]. Кроме того, для пополнения средств устраивалась продажа жетонов, газет и открыток: «Все, что может дать хотя бы минимальные средства, должно быть использовано. Надо помнить, что нужда слишком велика и всякая помощь крайне желательна» [28, л. 1; 21, л. 3]. Всего в проведении «Недели» участвовало около 1200 студентов.

Результаты проведенной «Недели» были признаны успешными. Всего она дала около 66 тыс. руб. золотом [16, с. 8; 26, л. 88 об.–89]. Наибольшую часть отчислений принесли подписные листы (более 32 тыс.), а также сборы с театров, зрелищ и игорных клубов [16, с. 8; 21, л. 3–4]. Представляется, что залогом этого успеха стали энтузиазм и настойчивость, с которыми Комиссия работала над привлечением средств, осуществляя переписку с хозорганами, предприятиями и организациями, занимаясь

устройством лекций и концертов в пользу «Недели» и пр. [21, л. 9–9 об., 12–12 об.]. Кроме денег также были пожертвованы мыло, книги, конверты, писчая и копировальная бумага и даже один ящик макарон [24, л. 5]. Были и весьма забавные казусы, например, Петротекстиль дал 46 $\frac{7}{8}$ аршина синего дорогого мельтона, на что Комиссия попросила обменять его на более дешевую ткань, подходящую для студенческой одежды [25, л. 68]. При распределении средств КУБУЧ работала с представителями вузов, которые сообщали о наиболее насущных нуждах. Чаще всего речь шла об устройстве столовых, ремонте общежитий и обеспечении их мебелью [21, л. 3–3 об.].

Воодушевленная в целом очень успешным результатом «Недели», Комиссия захотела его развить. Было принято решение провести «Неделю» в регионах в период рождественских каникул. Предполагалось, что ее реализацией займутся представители землячеств, которые активизируют работу по привлечению средств в родных городах [23, л. 4–4 об.]. Можно отметить, что на тот момент Комиссия взаимодействовала с более чем 20 землячествами [16, с. 11]. Она подготовила письма в различные губисполкомы с просьбой организовать у себя «Неделю» и назначила уполномоченных по ее проведению в пользу петроградского студенчества.

Данная инициатива в целом не оправдала надежд ее организаторов. Например, в Вологде уполномоченному в проведении «Недели» отказали, мотивировав это тем, что в городе «было проведено двадцать разных “недель помощи”, в числе которых последней была проведена “Неделя помощи местному студенчеству”, т. е.

учащимся в Вологодском молочном хозяйственном Институте и Рабфаке при нем, и которая дала очень малые результаты» [23, л. 25–26 об.]. В Уральской области с 1 по 15 января проводился «двухнедельник пролетарского студенчества», поэтому всякие иные сборы были запрещены, а приезжавшие из других регионов товарищи были использованы «в плановом порядке для общественно-культурной работы» [23, л. 35]. Вероятно, подобные меры позволили провести данный «двухнедельник» успешно, собрав почти 30 тыс. рублей золотом, а его результаты были оценены как «превзошедшие все ожидания» [6]. В Череповце удалось получить некоторые доходы от сборов, лотереи, буфета и пр., однако в остальных районах губернии итоги были плачевными: «В уезды были даны директивы от Губкома, а также назначены уполномоченные. Однако по уездам вследствие безденежья и слабости торговли кампания не дала должных результатов» [23, л. 40, 43].

Предполагалась, что «Неделя» станет регулярным мероприятием, и в 1924 г. Комиссия решила ее повторить. Изначально ее планировали организовать с 27 сентября по 6 октября, но потом перенесли на период с 3 по 10 декабря, а затем еще на неделю [27, л. 32, 35; 7]. Однако в отличие от первой, «носившей характер исключительно материальной помощи», на этот раз она была проведена, «главным образом, под знаком культурно-производственной смычки рабочих со студенчеством» [16, с. 17]. Комиссией было организовано 3 подкомиссии, которые отвечали за различные аспекты реализации «Недели»:

1) Организационная – финансово-счетная часть, распространение значков и пр., наблюдение за сборами от кино,

театров, лото и пр., сборы по трестам.

2) Театрально-зрелищная – устройство платных концертов, вечеров спайки с рабочими, спектаклей и пр.

3) Агитационная – популяризация недели через периодическую печать, своевременная посылка докладчиков на вечера, выпуск специальных изданий печати.

Среди лозунгов «Недели» были следующие: «Пролетарский студент – это пролетарий, оторванный на время от станка или от сохи»; «Работник станка и работник лаборатории пойдут рука об руку к коммунизму»; «Производственная смычка рабочего с красным студентом крепит смычку города с деревней»; «Союз науки и труда – залог победы пролетариата»; «Рабочий, пролетарий студент твой будущий товарищ в работе»; «Рабочий побеждает на фронте труда, пролетарий студент – на фронте науки»; «Красный студент – на помощь пролетарию в деле культурного подъема страны» [27, л. 41].

Для смычки рабочих со студенчеством, прежде всего, рекомендовалось устраивать в вузах вечера спайки под лозунгом «Рабочий в гостях у студента», на которые студенчество приглашало к себе рабочих родственников по производству предприятий. От студентов требовалось обеспечить неформальную обстановку, рассказать о том, какими должны быть будущие спецы, обрисовать положение учащихся. Рабочим предлагалось знакомиться с лабораториями, музеями, кабинетами, работой студенческих организаций, жизнью и бытом студентов [27, л. 2–3]. Например, в Политехническом институте, где вечер прошел 14 декабря, студенты встречали рабочих, приезжавших на трамваях, провожали их в здание института, все показывали. Был устроен

обед и чай, «за которым рабочие и студенты вплотную подходили друг к другу» [27, л. 51 об.]. Всего в Ленинграде вечера посетило около 25 тыс. рабочих и работниц города [16, с. 17–18].

Таким образом, задача сбора средств на поддержку нуждающегося студенчества в рамках кампании осени-зимы 1924 г. не исчезла совсем, однако ее решение отводилось на задний план. Показательно, что периодически, в частности, в прессе, слово «помощь» исчезало из названия «Недели», которая становилась просто «Неделей пролетарского студенчества» [11]. Кроме этого, в отчете о своей деятельности Комиссия скромно умолчала о ее финансовых итогах и больше попыток проведения «Недели» в будущем не предпринимала.

Заключение. История проведения «Недели помощи пролетарскому студенчеству» в 1923 и 1924 гг. представляется весьма показательной. В советских условиях ни одна кампания не должна была замыкаться на решении сугубо практических задач, быть вне политико-идеологического контекста. В случае «Недели» значительных результатов (для нуждающихся студентов) удалось добиться только в первый раз, когда усилия были сконцентрированы на решении очевидно злободневной и понимаемой проблемы. Попытка максимального эксплуатирования концепции «Недели» ради повторения успеха в привлечении средств, как это было в ситуации с работой представителей землячеств в период рождественских каникул, показала слабый результат. Превращение же кампании в преимущественно идеологическую и направленную главным образом на достижение «смычки рабочих с пролетарским студенчеством» свело на нет ее

реальную перспективность как способа регулярно поддерживать нуждающихся студентов, а возможность помощи была принесена в жертву реализации классовой политики.

Список литературы

1. А. Л. Наказ Ленинградскому совету выполнен. ВУЗ'ы для рабочих // Красная газета. 1924. № 285 (2030). 12 декабря. С. 4.
2. Баринов Д. А. Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2 (34). С. 70–81.
3. Вититнева Е. В., Северьянов М. Д., Пахомова Н. В., Жулаева А. С. Повседневная жизнь студентов Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте взаимоотношений с профессорско-преподавательским составом // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4. С. 2572–2579.
4. Грибовский М. В. Профессура и студенчество в предреволюционном российском университете: грани взаимоотношений // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 158–166.
5. Зельцер. Работа Ленинградского Кубуча // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 137–138.
6. Итоги «двухнедельника» помощи пролетарскому студенчеству // Студент-рабочий. 1924. № 7 (15). С. 50–58.
7. К Неделе пролетарского студенчества // Наша неделя. Однодневная газета. 1924. 14 декабря. С. 1.
8. Коваленко М. В. Развитие высшего образования на Дону в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. на соиск. уч. степени к. ист. наук. Ростов-на-Дону: [Б. и.], 2009. 25 с.
9. Комаров Н. (Секретарь Губисполкома). О продлении «Недели помощи пролетарскому студенчеству». (Выписка из протокола заседания Президиума от 20 октября) // Вестник Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета. 1923. № 83 (260). 20 октября. С. 2.
10. Королева В. В. Состав, быт и социально-экономическое положение студенчества Европейской части РСФСР (1921–1932 гг.): автореф. дис. на соиск. уч. степени к. ист. наук. Орел: [Б. и.], 2005. 26 с.
11. Красная газета. 1924. № 283 (2028). 10 декабря. С. 1.
12. Крупская Н. Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 13–19.
13. Львов С. КУБУЧ. К годовщине деятельности // Красный студент. 1924. № 6. С. 40.
14. Меркулов П. А., Елисеев А. Л., Аронов Д. В. Студенческие профсоюзные организации в системе политического управления советского общества в первые годы советской власти: экономические и политические условия формирования // Власть. 2018. Т. 26. № 9. С. 185–194.
15. Орлов И. Б. «Мы грызем гранит науки, нас грызет нужда!» (Материальное положение студенчества 1920-х годов) // Духовность. 2012. № 2. С. 67–100. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/jdi3oiuyob/direct/104609389?ysclid=m38vifojhr259027780> (дата обращения: 02.12.2024)
16. Отчет Комиссии по улучшению быта учащихся при Ленинградском губисполкоме с октября 1923 г. по октябрь 1925 г. Л.: Изд-во «КУБУЧ», 1926. 59 с.

17. Сидорчук И. В. «Традиции старые мы позабудем...»: праздники, отдых, повседневные практики и воспитание нового студента в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 4. С. 160–171.

18. Ульянова С. Б., Сидорчук И. В. «Мрачное прошлое» петербургских рабочих в символическом пространстве Ленинграда 1920-х гг. // Вопросы истории. 2020. № 12-2. С. 85–93.

19. Фадеева М. В. Студент учительствующий: студенты Императорского Московского университета в поисках средств к существованию // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 84–91.

20. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-3176. Оп. 3. Д. 1.

21. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 3. Д. 4.

22. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 19. Д. 1.

23. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 19. Д. 2.

24. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 19. Д. 5.

25. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 19. Д. 6.

26. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 19. Д. 9.

27. ЦГА СПб. Ф. Р-3176. Оп. 19. Д. 14.

28. ЦГА СПб. Ф. Р-5165. Оп. 7. Д. 178.

THE CAMPAIGN “WEEK OF ASSISTANCE TO PROLETARIAN STUDENTS” IN PETROGRAD/LENINGRAD IN 1923 AND 1924.

Students historically have been a special, unique social group, which could not but make it the object of close attention by representatives of various disciplines, including historians. The early Soviet period became in many ways key to the fate of Russian higher education, because during this period there was an active «proletarianisation» of universities, the educational system was reformed, new practices, traditions and rituals were integrated into everyday life. The changes have also occurred in the organization of a solution to the issue that is always relevant for young people, namely the poor financial situation, low quality of life. The purpose of this article is to review the progress and results of the campaign «Week of assistance to proletarian students» aimed at helping needy students and conducted by the Commission for improving the life of students in the first half of the 1920s. The study was based on unpublished materials of Commission Leningrad, which allowed to consider the issue on the example of one of the largest centers of higher education in the country. As a result, it was possible to establish that only the first «Week», held in autumn 1923, can be considered truly successful in terms of attracting funds for improving the lives of students and providing them with effective assistance. The following attempts cannot be evaluated in this way, and one of the main reasons for this was the transformation of the campaign into a predominantly ideological one, aimed mainly at achieving «workers' ties with proletarian students», which fundamentally reduced its real benefit to student youth.

Keywords: Week of assistance to Proletarian students, history of higher education, Commission for improving the life of students, proletarianization, students, Soviet ideological campaigns, history of everyday life, Students' colonies.

References

1. A. L. (1924) Nakaz Leningradskomu sovetu vpolnen. VUZy dlya rabochikh [The order to the Leningrad Soviet has been fulfilled. Universities for workers] // Krasnaya gazeta. № 285 (2030). 12 dekabrya. S. 4.

2. Barinov D. A. (2022) *Studencheskiye zemlyachestva imperatorskogo i sovetского университета* [Student associations of the Imperial and Soviet universities] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. № 2 (34). S. 70–81.

3. Vititneva Ye. V., Severyanov M. D., Pakhomova N. V., Zhulayeva A. S. (2020) *Povsednevnyaya zhizn studentov Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. v kontekste vzaimootnosheniy s professorsko-prepodavatelskim sostavom* [Everyday life of students of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in the context of relationships with the teaching staff] // *Bylye Gody*. Vol. 58. Is. 4. S. 2572–2579.

4. Gribovskiy M. V. (2010) *Professura i studenchestvo v predrevolyutsionnom rossiyskom universitete: grani vzaimootnosheniy* [Professors and students in a pre-revolutionary Russian university: facets of relationships] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4 (12). S. 158–166.

5. Zeltser. (1924) *Rabota Leningradskogo Kubucha* [Work of the Leningrad Kubuch] // *Krasnaya molodezh*. № 3. S. 137–138.

6. *Itogi «dvukhnedelnika» pomoshchi proletarskomu studenchestvu (1924)* [Results of the "two-week" of assistance to proletarian students] // *Student-rabochiy*. № 7 (15). S. 50–58.

7. *K Nedele proletarskogo studenchestva (1924)* [For the Week of Proletarian Students] // *Nasha nedelya. Odnodnevnyaya gazeta*. 14 dekabrya. S. 1.

8. Kovalenko M. V. (2009) *Razvitiye vysshego obrazovaniya na Donu v 1920–1930-ye gg.: avtoref. dis. na soisk. uch. stepeni k. ist. nauk* [Development of higher education in the Don region in the 1920s–1930s: abstract of a dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Rostov-na-Donu: [B. i.], 25 s.

9. Komarov N. (Sekretar Gubispolkoma). (1923) *O prodlenii «Nedeli pomoshchi proletarskomu studenchestvu»*. (Vypiska iz protokola zasedaniya Prezidiuma ot 20 oktyabrya) [On the extension of the “Week of Assistance to Proletarian Students”. (Extract from the minutes of the Presidium meeting of October 20)] // *Vestnik Leningradskogo oblispolkoma i Leningradskogo soveta*. № 83 (260). 20 oktyabrya. S. 2.

10. Koroleva V. V. (2005) *Sostav, byt i sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye studenchestva Yevropeyskoy chasti RSFSR (1921–1932 gg.): avtoref. dis. na soisk. uch. stepeni k. ist. nauk* [Composition, way of life and socio-economic status of students of the European part of the RSFSR (1921–1932): abstract of a dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Orel: [B. i.], 26 s.

11. *Krasnaya gazeta* (1924) [Red newspaper]. № 283 (2028). 10 dekabrya. S. 1.

12. Krupskaya N. (1924) *Partiya i studenchestvo* [The Party and the Students] // *Krasnaya molodezh*. № 1. S. 13–19.

13. Lvov S. (1924) *KUBUCH. K godovshchine deyatelnosti* [KUBUCH. On the anniversary of activity] // *Krasnyy student*. № 6. S. 40.

14. Merkulov P. A., Yeliseyev A. L., Aronov D. V. (2018) *Studencheskiye profsoyuznyye organizatsii v sisteme politicheskogo upravleniya sovetского obshchestva v pervyye gody sovetской vlasti: ekonomicheskoye i politicheskoye usloviya formirovaniya* [Student trade union organizations in the system of political governance of the Soviet society in the first years of Soviet power: economic and political conditions of formation] // *Vlast*. T. 26. № 9. S. 185–194.

15. Orlov I. B. (2012) «My gryzem granit nauki, nas gryzet nuzhda!» (Materialnoye polozheniye studenchestva 1920-kh godov) ["We gnaw at the granite of science, we are gnawed by need!" (The material situation of students in the 1920s)] // *Dukhovnost*. № 2. S. 67–100. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/jdi3oiuyo6/direct/104609389?ysclid=m38vifojhr259027780> (accessed: 02.12.2024)

16. Otchet Komissii po uluchsheniyu byta uchashchikhsya pri Leningradskom gubispolkome s oktyabrya 1923 g. po oktyabr 1925 g. (1926) [Report of the Commission for the Improvement of the Living Conditions of Students under the Leningrad Provincial Executive Committee from October 1923 to October 1925]. L.: Izd-vo «KUBUCH», 59 s.

17. Sidorchuk I. V. (2024) «Traditsii staryye my pozabudem...»: prazdniki, otdykh, povsednevnyye praktiki i vospitaniye novogo studenta v 1920-ye gody ["We will forget the old traditions...": holidays, recreation, everyday practices and the education of a new student in the 1920s] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya. T. 29. № 4. S. 160–171.

18. Ulyanova S. B., Sidorchuk I. V. (2020) «Mrachnoye proshloye» peterburgskikh rabochikh v simvolicheskom prostranstve Leningrada 1920-kh gg. [The "dark past" of St. Petersburg workers in the symbolic space of Leningrad in the 1920s] // *Voprosy istorii*. № 12-2. S. 85–93.

19. Fadeyeva M. V. (2022) Student uchitelstvuyushchiy: studenty Imperatorskogo Moskovskogo universiteta v poiskakh sredstv k sushchestvovaniyu [Student Teacher: Students of the Imperial Moscow University in Search of a Livelihood] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. № 79. S. 84–91.

20. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Archives of St. Petersburg]. F. R-3176. Op. 3. D. 1.

21. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 3. D. 4.

22. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 19. D. 1.

23. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 19. D. 2.

24. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 19. D. 5.

25. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 19. D. 6.

26. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 19. D. 9.

27. TsGA SPb. F. R-3176. Op. 19. D. 14.

28. TsGA SPb. F. R-5165. Op. 7. D. 178.

Об авторе

Сидорчук Илья Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, (Россия), E-mail: chubber@yandex.ru; sidorchuk_iv@spbstu.ru

Sidorchuk Ilya Viktorovich – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, (Russia), E-mail: chubber@yandex.ru; sidorchuk_iv@spbstu.ru

УДК 330+572

Талагаева Д.А., кандидат политических наук, доцент, МГИМО МИД России, г. Москва (Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье рассматривается эволюция представлений об иррациональности в антропологических моделях экономической науки. Автор анализирует динамику развития экономтеории, начиная с классической политэкономии А. Смита и Д. Рикардо, и заканчивая современными направлениями, выделяя их попытки интерпретировать и преодолевать проявления иррациональности в человеческом поведении. Особое внимание уделяется трансформации понятий рациональности и иррациональности в трудовой теории стоимости К. Маркса, кейнсианской концепции психологических факторов в экономике и в неолиберальных подходах, рассматривающих рынок как механизм, преобразующий индивидуальную иррациональность в коллективную рациональность. Методологически исследование основано на интеллектуальной истории, которая трактует научные высказывания в их социальном контексте, а также на концепциях политической экономии культуры. Анализируя конфликтные моменты в развитии экономической науки, связанные с проблемой иррациональности, автор приходит к выводу, что экономическая теория неизменно стремится к моделированию рационального поведения, стремясь интерпретировать иррациональные явления в терминах экономической рациональности. Однако выбор моделей рациональности определяется не только научными аргументами, но и ценностными установками, что ослабляет претензию экономики на статус непредвзятой позитивной науки.

Ключевые слова: антропологические модели, неоклассическая экономическая теория, чикагская школа, экономический империализм

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-134-148

Введение. В основе любой экономической теории лежит некоторое учение о человеке, необходимое для определения мотивов, движущих им. Без этого невозможно выделить объект измерения, который в экономике чаще всего заключается в степени влияния этих мотивов. Конечно, это сближает ее с другими общественными науками, но при этом экономика занимает особое положение, поскольку расценивается в современном обществе как наука, наиболее близкая к реальному управлению. В принципе, экономическая квалификация – основная среди тех, которые принимаются как подходящие для участия в управлении, а экономические

успехи – это то, что воспринимается как главный критерий деятельности политиков. Естественно, такое положение отражается на статусе самой экономики среди наук. Экономика – это самая многочисленная и популярная гуманитарная дисциплина.

Такая популярность и близость к управлению подразумевают способность решать две задачи. Первая – идеологическая – по сути, защита существующего положения дел. Для решения этой задачи нужна способность изображать существующую ситуацию как естественную, неизбежную. Вторая же задача – прогнозирование. Но важным в прогнозировании оказывается не точность прогнозов –

сразу можно сказать, что общая точность экономических прогнозов не превышает 50%, а есть мнение, что она даже ниже [9] – а то, насколько убедительно предсказатели создается видимость определенности, т.е. возможность действовать так, как будто будущее предопределено. Если это удастся, экономисты вносят свой вклад в важную функцию общественной мобилизации.

По сравнению с другими общественными науками, главное преимущество экономики в решении обеих задач, идеологической и прогностической, в том, что экономика математизирована – математика создает видимость полной определенности. Но для выстраивания математической экономики необходим измеримый параметр, на который человек устойчиво реагирует – всегда предпочитает больший показатель параметра меньшему. В зависимости от выбора этого параметра формируются разные антропологические модели, которые составляют основу экономических теорий.

Однако даже в случае, когда параметр считается обнаруженным, сохраняется проблема иррационального реагирования, когда, даже признавая однозначную предпочтительность большей ценности меньшей, человек отказывается делать выбор в пользу первой. И, можно сказать, что вся история экономической теории – это попытки совладать с этой иррациональностью, главное направление которых – реинтерпретации иррациональности в качестве разновидностей рациональности.

Методы исследования. В статье предлагается обзорная история этих попыток, завершающаяся характеристикой современного положения дел в экономической теории, которая характеризуется, с одной стороны, исчерпанием попытки превратить экономтеорию в универсальную науку о человеческом поведении

(так называемого «империализма экономики» [10]), с другой – ростом популярности «критической экономтеории», утверждающей возможность исходной позиции экономического исследования, отталкивающейся от представлений о справедливости [13]. В этом исследовании опирается на методологию интеллектуальной истории, предполагающей рассмотрение любого научного высказывания в качестве действия, совершаемого в значимом для автора высказывания социальном контексте, который составляют одновременно и индивидуальные интеллектуальные, и коллективные интересы [3]. В анализе же интересов исследование обращается к направлению «политической экономии культуры», интерпретирующей культурные феномены в их взаимосвязи с экономическими и политическими общественными тенденциями [21].

При этом исходный материал, который рассматривается в статье – это в большей степени состояние «истории экономических учений» как учебной дисциплины, предлагающей преимущественно «прогрессивную» картину развития экономической науки с точки зрения расширения ее способности объяснять общественные явления [5; 6; 17; 20]. В этом смысле экономические учения зачастую интерпретируются как дополняющие друг друга и, таким образом, способствующие общему прогрессу науки. Здесь же ставится задача высветить конфликтные моменты в истории науки, которые разворачивались вокруг проблемы иррациональности.

Классическая политэкономия и Маркс

Историю экономики как самостоятельной науки традиционно отсчитывают с труда Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства

народов» [4]. Основу его теории составляло представление о рациональном эгоизме, надолго ставшее центральным антропологическим положением экономтеории. Суть этого взгляда заключается в том, что человек, преследуя собственные интересы, тем самым способствует общему благу. В политэкономической интерпретации популярность этой идеи в XVIII веке напрямую связана с тем, что она становится главным теоретическим отражением стремления буржуазии избавиться от опеки духовенства и знати. Основанием для этой опеки выступало понимание эгоистичной природы человека как порочной, требующей коррекции со стороны тех, кто доказал свою приверженность христианским добродетелям. В пику этому британское Просвещение утверждает, что люди вполне способны к самоорганизации без участия пастырей – никакой исключительной добродетели для этого не требуется, достаточно банальной разумности.

Смит представляет собой особенно отчетливый пример связи идей с социальным положением автора. Близкий к шотландской элите, из которой он сам происходил и которая обеспечила его в конце жизни выгодной должностью таможенного комиссара в Глазго, Смит представлял интересы шотландской буржуазии, которая вышла на первый план экономической жизни Британской империи с развитием промышленности, начавшей приносить доходы, сопоставимые с заморской торговлей, которую контролировала английская аристократия. И все главные идеи Смита точно соответствовали интересам новой промышленной буржуазии. В частности, известный аргумент о «невидимой

руке», которая направляет преследующих собственные интересы производителей к общему благу, очевидно направлен против налогов и пошлин, взимаемых властями под предлогом общественных интересов. При этом широко известен эпизод, когда Смит в знак приверженности борьбе с контрабандой, демонстративно сжег свой гардероб, оказавшийся пошитым из контрабандной ткани [20, р. 28]. Понятно, что пошлины на импортный текстиль, которые он вопреки общему фритрейдерскому направлению своей мысли взялся защищать, прямо соответствовали интересам шотландской производственной буржуазии.

Таким образом, Смит – мыслитель эпохи расцвета буржуазии, который интерпретирует рациональность как эгоистичное поведение производственного класса, а иррациональным у него оказывается поведение правящей аристократии. Но позиции буржуазии ослабевают после наполеоновских войн, а позиции аристократии, напротив, усиливаются по всей Европе. И в 1816 г. в Великобритании под давлением землевладельцев принимаются так называемые «Хлебные законы», ограничивающие импорт зерна с целью поднять цены на продукцию местного сельского хозяйства. Это ведет к росту заработной платы, и эти законы становятся центром политической жизни. Вокруг них разворачивается долгий конфликт, который в итоге заканчивается победой промышленников – в 1846 г. Хлебные законы отменяют [12].

В этом конфликте известность приобретает Дэвид Рикардо, который считается основателем математической экономики – он первым сделал экономические рассуждения настолько абстрактными, чтобы их можно было выражать в формулах и графиках. Это хорошо сочеталось с его

профессией: он занимался спекуляциями с ценными бумагами, по сути дела, самой оторванной от реальной экономики, самая абстрактной формой экономической деятельности.

При этом Рикардо – это основатель трудовой теории стоимости. Если Смит считал, что доход на капитал изначально предопределен усилиями по его управлению, то, по Рикардо, капитал, то есть любое предприятие – это зафиксированный труд, затраченный на его создание. И капиталист, получая прибыль от своей фабрики, просто медленно возвращает затраченные на ее создание средства. Прибыли за пределами возврата затрат в условиях конкурентной экономики просто не может быть, потому что конкуренция вынуждает снижать цену до уровня окупаемости. Соответственно, труд – основа не только текущего производства, но и капитального роста экономики. Повышение же его стоимости, в том числе в результате роста цен на хлеб, ведет не только к росту цен на все другие товары, но и подрывает общее развитие.

Характерно, что для классиков политэкономии Смита и Рикардо политическая дискуссия, в рамках которой они рассуждают, разворачивается между промышленниками, выражающими рациональную позицию, и землевладельцами, претензии которых интерпретируются как иррациональные. Рабочие в этот период политической силой не являются. Но ситуация меняется с появлением рабочего движения и профсоюзов. Возникает новая политическая сила, и ее главным экономическим глашатаяем становится Карл Маркс.

Маркс прямо называл Рикардо своим предшественником. Но если у Рикардо трудовая теория стоимости построена так, чтобы показать правомерность доходов от капитала, то у

Маркса она работает в прямо обратном направлении. Он принимает логику, что на конкурентном рынке не может быть прибыли на капитал. Все, что промышленник использует для производства, включая фабрику, станки и все остальное, обладает рыночной стоимостью, и он не может продать эти предметы дороже, чем купил. Но Маркс размышляет не абстрактно, как Рикардо, а исторически. На данном историческом этапе прибыль очевидно есть, и, коль скоро ее источником не может служить капитал, она производна от труда – прибавочную к капиталу стоимость производит рабочий. Но поскольку товары в существующей правовой системе контролирует собственник средств производства, это позволяет ему отбирать у рабочего всю произведенную прибавочную стоимость выше уровня его пропитания. Получается, что это узаконенный грабёж, и, характеризуя ситуацию таким образом, Маркс делает основой своего анализа представление о справедливости и возвращает этический взгляд на экономику, который ранее ассоциировался с антибуржуазной, аристократической позицией. В этом смысле не случайно, что отчеты о чудовищных условиях на британских фабриках, которыми использовали в своих работах Маркс и Энгельс, были составлены парламентарями, выступавшими против буржуазии на стороне аристократических интересов [7].

Маркс – мыслитель периода революций 1848 г., которые подвели итог эпохе раннего капитализма, выглядевшего действительно чудовищно. Однако после подавления революционной волны ситуация начинает смягчаться. Экономика продолжает расти и влечет за собой рост общего благопо-

лучия, а ситуация с рабочими переходит от острого конфликта к политическому торгу, в котором в их пользу делаются уступки.

В этой ситуации марксистская позиция теряет популярность. Для интеллектуалов все более значимой альтернативой публичной политической деятельности становится работа в университетах, которые в этот период быстро растут [18]. Можно сказать, что с расширением университетов интеллектуалы приобретают собственную экономическую базу и становятся отдельным профессиональным классом. А место идеологии этого класса занимает позитивизм. Главная идеологема здесь – это зависимость университета от достоверности производимого им знания. Утверждается, что общество обеспечивает университет именно как источник рационального знания, и, если знание перестает быть объективным, университет лишается поддержки. Соответственно, профессура внутренне заинтересована сохранять рациональный взгляд на вещи. В политэкономии это создает проблему: после Маркса трудовую теорию стоимости невозможно использовать, не затрагивая этического вопроса эксплуатации.

Новая теория появляется параллельно в университетах Великобритании, Австрии и французской Швейцарии: в 1871 г. выходят книги Джевонса «Теория политической экономии» и Карла Менгера «Принципы экономики», а в 1874 г. Леона Вальраса «Элементы чистой политэкономии». Главная идея всех трех работ «неоклассической революции» в том, что стоимость – это не производная от труда, а выражение полезности [12].

Естественно, что предшествующие неоклассикам мыслители, в част-

ности Смит, были в курсе, что полезность товара влияет на его стоимость. Но она считалась неподходящим критерием, так как по определению субъективна и ненадежна – в оценке полезности слишком много иррациональности. Это выражалось в известном парадоксе воды и бриллианта. Вода очень полезная, но ничего не стоит, а бриллиант абсолютно бесполезный, но очень дорогой.

Неоклассики решают эту проблему с помощью категории уменьшающейся полезности. Для человека, который мучится жаждой, вода, конечно, полезнее любого бриллианта. Но с каждым выпитым стаканом эта полезность сокращается. И в нормальной ситуации уменьшающаяся полезность воды, а также пищи, одежды и других необходимых предметов доходит до минимума, и их полезность начинает соотноситься с относительно бесполезными предметами роскоши, которые для благополучного человека становятся желанными. Отсюда важный вывод: с виду иррациональные предпочтения на самом деле рациональны, но определяются предельной полезностью не самого оцениваемого предмета, а всех предметов, доступных в данный момент.

Математическое оформление этой картины придал Вальрас. Человек у него описывается как вычислительный аппарат, нацеленный на получение максимальной полезности, поведение которого можно предсказать путем решения задачи на вычисление экстремума – максимального показателя полезности.

Рынок же в целом движется к ситуации, когда предельная полезность, которая выражается в том, сколько человек готов заплатить за еще одну единицу товара, равняется стоимости производства этой единицы товара. Это

состояние рыночного равновесия, которое позиционируется как оптимальное – при нем все участники рынка получают возможность получить максимум полезности. И при равновесии нет прибыли, так как все обмены эквивалентны по полезности.

В неоклассической революции был еще один участник – это английский экономист Альфред Маршал. По свидетельству его студентов, в своих лекциях уже в 1870 г. он рассказывал свою версию теории уменьшающейся полезности, но из-за своей склонности по многу раз переписывать свои работы, он опубликовал свои умозаключения только в 1890 г. [20] Но именно он сделал неоклассику мейнстримом экономической науки в Великобритании, на тот момент ведущей мировой державе. И важной антропологической новацией Маршала было то, что в качестве главного субъекта экономики он заменил человека на фирму. Если раньше фирма рассматривалась как квазичеловек, то теперь человек стал рассматриваться как квазифирма, обозначаемая как домохозяйство.

Это был значимый шаг в сторону уравнивания положения капитала и труда. Получалось, что качественной разницы в их положении нет: обе стороны заняты балансированием покупок и продаж. И труд здесь не рассматривается как особого рода затраты, связанные со страданием, – этическое отношение к труду, таким образом, исключается из внимания.

Кейнс и чикагская школа

Важной заслугой Маршала было также то, что он привел в экономическую науку Джона Кейнса, которому в начале его университетской карьеры Маршал даже платил из собственных средств зарплату. Экономические

взгляды Кейнса сложились на фоне Великой депрессии, которая показала, что существующая рыночная система не только не создает равновесия, но способна приводить к катастрофам. После нее начинается поиск моделей, призванных не допустить повторения подобного, и основой этой новой экономической политики становится кейнсианство. Кейнс пользовался маршаловским теоретическим аппаратом, в том числе пониманием человека как квазифирмы, но добавил в эту модель важную психологическую поправку в виде склонностей – к сбережению и потреблению. По сути дела, кейнсианский человек может быть в двух состояниях – благодушном, оптимистичном и испуганном, пессимистичном. И от этого состояния напрямую зависит ход экономики.

Причиной для введения этой поправки было то, что падение экономики сопровождается падением и зарплат, и цен и, по идее, когда падение достигает дна, цены должны соответствовать зарплатам и экономика должна снова начать работать. Но итогом краха становится общий страх: люди не готовы расставаться с только что появившимися накоплениями, из-за чего экономика не может снова начать набирать обороты. И по Кейнсу задача государств – добиться преодоления этих страхов. Инструмент же – денежные вливания: денег в экономике должно стать столько, чтобы с ними нестрашно было расставаться.

Таким образом, Кейнс инкорпорирует иррациональность в экономическую теорию, фактически обозначив ее двоичным кодом – оптимизм или пессимизм. Но, ожидаемо, такой подход был воспринят далеко не всеми экономистами. Базой Кейнса был Кембриджский университет, где среди эко-

номистов преобладали его сторонники. Центром же оппозиции стала Лондонская школа экономики, главной оппонирующей Кейнсу фигурой в которой стал приглашенный австрийский экономист Фридрих Хайек.

Его враждебность к идеям Кейнса была связана с личным опытом. 1920-е годы он провел в разоренной войной Австрии и в полной мере ощутил на себе послевоенную гиперинфляцию, в которой к тому же сгорели все накопления его родителей. И предложение Кейнса эту инфляцию разгонять вызвало у него отторжение [22]. Хайек считал, что такое искусственное увеличение потребления, без сопутствующего роста сбережений, превращающихся в инвестиции, не может заставить экономику работать. Без инвестиций предложение не сможет соответствовать увеличившемуся спросу, и вливания обернутся инфляцией.

Основу же собственной теории Хайек изложил в ходе так называемой дискуссии о расчетах, развернувшейся в 1930-е гг. Речь шла о возможности функционирования социалистической экономики, в которой все производство находится в государственном управлении. Это означает, что управляющие этим производством ведомства должны сами устанавливать цены на товары, причем так, чтобы не было ни избыточного спроса, ни избыточного предложения.

За то, что это возможно, выступал польский экономист Оскар Ланге, который в то время работал в США. Особенность его взглядов заключалась в том, что он считал, что обоснование социализма следует искать не в марксизме, а в неоклассической экономике. По его мнению, рыночное равновесие не просто не является проблемой для

социализма, а только при нем и достижимо. Такое состояние, когда нет никакой прибыли, а все получают исключительно стоимость своего вклада, если вообще возможно, то только при централизованном управлении экономикой. К тому же, в версии неоклассической теории Вальраса есть такой интересный персонаж – глашатай, который собирает и непрерывно оглашает цены на все товары, изменяя их, пока спрос не сравняется с предложением. Эта условная фигура указывает на то, что кто-то должен заниматься таким распространением информации, иначе достигнуть равновесия невозможно. И как считал Ланге, этот глашатай и есть социалистическое правительство, которое постепенно меняет цены, добиваясь равновесия на всех рынках [23].

Хайек, оценивая эту картину, указывал на две серьезные проблемы. Первая заключалась в том, что для сбора данных одного крикуна не хватит, а понадобится гигантская бюрократия. Помимо технических сложностей, связанных со сбором данных, этому аппарату придется еще иметь дело с халатностью, злоупотреблениями и просто обманом. И чтобы докопаться до подлинного состояния дел во всех отраслях экономики понадобится мощнейший полицейский аппарат. Таким образом, социалистическое государство автоматически превращается в репрессивное.

Вторая же проблема – в том, что, помимо сопоставления цен, нужно еще планировать и производство новых товаров. А полезность нового товара остается неизвестной, пока он не начнет продаваться и конкурировать с др. товарами. Эта информация возникает только в ходе рыночных отношений.

Здесь Хайек использует прямую аналогию между рынком и мозгом. В

мозге вся основная информация заключена в отношениях между клетками, а не в самих клетках, которые, по сравнению с мозгом, устроены довольно просто. Попытка централизовать действие подобного механизма, будет означать пере замыкание всех связей через некоторые «клетки», которые выделены в качестве «управляющих», что, конечно же, абсурдно.

Эта аналогия имела серьезное значение. Фактически здесь все отдельно взятые участники рынка признавались, по крайней мере, способными на иррациональное поведение. Рациональность же приписывалась не индивиду, а рынку как всеобъемлющему механизму по обработке информации [15]. Таким образом, из двухуровневой системы рациональности по Смиту – рациональный эгоизм на индивидуальном уровне и рациональность на уровне общественной организации труда – Хайек оставлял только второй уровень. Причем эта рациональность ставится подчеркнута выше любого человеческого разума: целенаправленная организация экономики людьми всегда будет значительно хуже, чем спонтанная рыночная организация.

Однако после завершения Второй мировой войны идеи Хайека практически полностью утратили популярность. Сторонники свободного рынка были вытеснены из мейнстрима под сохранявшимся впечатлением от депрессии 1930-х гг., и основная конкуренция за влияние в экономической науке шла между кейнсианцами и социалистами,

В США и во всех западных странах победило кейнсианство. Рыночный социализм ушел в фундаментальные исследования и в военную экономику: подходы, которые предлагали

социалисты, использовались в планировании военного заказа, в определении соотношения видов вооруженных сил и т.п. В дальнейшем в этой сфере зародилась теория игр [14].

Влияние же на экономическую политику захватили кейнсианцы. Главной фигурой этого течения стал экономист из Массачусетского технологического института Пол Самуэльсон с его знаменитым учебником «Economics», который начиная с 1950-х гг. играл роль главного пособия по государственному управлению. Причем сам Самуэльсон роль экономики хорошо осознавал. Широко известна его цитата: «Мне все равно, кто будет писать государственные законы или составлять сложные международные соглашения, если я буду писать учебники по экономике». [19, p. ix]

Монополия кейнсианцев закончилась в 1970-е гг. с началом стагфляции в США – сочетания инфляции и безработицы, что с точки зрения кейнсианской теории было парадоксом – эти два параметра полагались обратно пропорциональными. И к этому моменту сложился сильный лагерь недовольных слишком активной гос. эк. политикой, главным оплотом которого стал Чикагский университет, а лидером – Милтон Фридман. Стагфляцию он объяснял одновременным вливанием денег в экономику и усилением регулирования производства, в том числе – ростом влияния профсоюзов, из-за которого искусственно растут зарплаты, а значит усиливается безработица [11].

С этого момента начинается наступление неолиберализма. Его выход на первый план связан с победами на выборах в Великобритании Маргарет Тэтчер в 1979 г., а в США Рональда Рейгана в 1980 г. Оба были поклонни-

ками Хайека, как и экономисты чикагской школы. Без преувеличений можно сказать, что неолиберализм представляет собой культ рынка. Рынок обладает чудодейственным свойством – конкуренцией. И лучшее решение практически любой проблемы – это ее превращение в предмет рыночной конкуренции. Объясняется это тем, что таким образом запускается информационный механизм рынка, который обладает большими возможностями выработки оптимальных решений, чем любой отдельный человек или группа людей. И чем интенсивнее работает рынок, тем лучше. С этим было связано, в частности, дальнейшее увлечение глобализацией, то есть географическим расширением рынков, и ускорением работы рынков, которое резко подхлестнули компьютерные технологии. По сути дела, идеал неолиберализма – это компьютеризированная биржевая торговля, в которой каждую секунду совершаются тысячи сделок и в которую непрерывно вовлечен весь мир.

Из понимания рынка как механизма превращения индивидуальной иррациональности в коллективную рациональность вытекает то, что рыночная организация, вообще-то говоря, способна улучшить любую сферу жизни. Главный идеолог такой экспансии был представитель следующего после Фридмана поколения чикагских экономистов – Гари Беккер. В рамках его взглядов любое человеческое решение объясняется как сопоставление прибыли и издержек, а любой общественный процесс может анализироваться как рыночный.

Характерный пример дает первая книга Беккера «Экономика дискриминации», увидевшая свет в 1957 г. В ней он начинает с того, что бессмысленно

оценивать дискриминацию с моральной точки зрения. Предубеждения, в том числе расизм – это факт, расизм существует. И Беккер предлагает рассматривать его просто как разновидность иррациональных предпочтений.

Если же такой расист оказывается в роли работодателя, то из-за своих предпочтений он ограничивает круг претендентов на предлагаемые им рабочие места. Из-за этого доступное ему предложение труда сокращается, а зарплата, которую ему придется платить, повышается. Соответственно, бороться с дискриминацией по Беккеру следует путем расширения мобильности труда. Чем шире рынок, тем очевиднее и ощутимее будут издержки от дискриминации, а крупные предприятия с большим числом персонала они вообще могут сделать неконкурентоспособными. Главная идея здесь в том, что изолированный индивид вполне может быть склонен к иррациональному поведению, но, если он хочет участвовать в рыночном процессе, ему придется вести себя рационально [8].

На основе таких же принципов Беккер рассматривает преступность. В его видении решение совершить правонарушение принимается по принципу сопоставления выгоды с издержками. Издержки здесь оцениваются как ответственность, помноженная на вероятность того, что к ней привлекут [1]. Этот подход работает прямо против взгляда, согласно которому бороться с преступностью с помощью наказаний практически бесполезно. Преступники не переведутся, пока есть социально-экономические причины совершать преступления, прежде всего, бедность. А по Беккеру преступники не переведутся в принципе, но на них можно влиять с помощью наказаний. И в этом его теория идет против

еще одного гуманистского тезиса, согласно которому важна не тяжесть наказания, а его неотвратимость. У Беккера же – тяжесть наказания равнозначный фактор, с его точки зрения, когда нет возможности реально привлечь к ответственности всех нарушителей, их оправданно запугивать страшными приговорами.

Взгляд Беккера на человека получил развитие у его ученика – Стивена Левитта, одного из авторов популярной книги 2000-х гг. «Фрикономика». После успеха «Фрикономики» Левитт и его соавтор журналист Стефан Дабнер написали продолжение – «Суперфрикономика», а затем еще две книги – «Думай как фрик» и «Когда лучше ограбить банк». По мотивам первой книги сделали четырехсерийный фильм, а сами Левитт и Дабнер открыли станцию интернет-вещания «Радио Фрикономика», пользовавшуюся популярностью.

Исходно Левитт и Дабнер рассматривают человека как изначально predisposed к обману: «На каждого толкового человека, перед которым стоит задача создать схему стимулирования, испокон веков находится целая армия людей, готовых потратить кучу времени на то, чтобы обмануть эту схему. Неизвестно, насколько обман изначально присущ человеческой природе. Однако вполне очевидно, что обман можно встретить практически в любом направлении человеческой деятельности. Обман представляет собой первичный экономический акт: получение большего в обмен на меньшее». [2] Возможность же обмана связывается с информационной асимметрией, иначе говоря, обманывать может тот, кто обладает информацией, того, кто ее лишен.

В этом смысле в выгодном положении находятся профессионалы

рынка, которые обычно играют роль посредников – брокеры, маклеры, агенты и другие подобные персонажи. Они позиционируют себя как продавцы специального знания, которые могут помочь неспециалисту совершить выгодную сделку. Но, как выясняется, цена, которую бы определил их знанию открытый рынок, не в пример ниже того, на что они претендуют. Реальную же прибыль эксперты извлекают из эксплуатации страха, вызванного незнанием. Пример Левитта и Дабнера – риэлторы. Основу их заработка составляют комиссии, выплачиваемые главным образом продавцами недвижимости. Главный же аргумент риэлторов в пользу того, что они заслуживают доверия, заключается в том, что они получают процент от цены сделки, а значит заинтересованы добиваться максимально высокой цены. На самом же деле после всех вычетов изменение их реальной комиссии, зависящее от цены, оказывается небольшим, и их главным образом интересует не заключение максимально выгодных сделок, а заключение максимального числа сделок, которые, соответственно, нужно проводить как можно быстрее. И их основным приемом оказывается запугивание продавцов – преувеличением недостатков продаваемой недвижимости, «сгущением красок» по поводу состояния рынка и т.д. Учитывая же, что для большинства людей продажа или покупка дома – это самая большая сделка, которая совершается за всю жизнь, они изначально находятся в беспокойном состоянии, которое риэлторами целенаправленно усугубляется.

По мнению Левитта и Дабнера, лучший способ противодействовать такому рода злоупотреблениям – это распространение информации. Они

приводят в пример резкое падение средних цен на целый ряд товаров с появлением интернета, причем еще в 1990-е гг., до бума интернет-продаж. Например, в 1996 г. простое опубликование информации о стоимости страховых полисов разных компаний на общедоступном сайте снизило объем ежегодных страховых выплат только по одной категории полисов – срочному страхованию жизни – примерно на миллиард долларов. И такое распространение информации – это главная мера в расширении действия рыночных механизмов, которые сокращают возможности злоупотреблений.

В принципе, здесь повторяется тезис о том, что рынок изначально стремится к равновесному, то есть бесприбыльному состоянию. Но Левитт и Дабнер добавляют сюда заметные этические нотки: рынок стремится не просто к равновесию, а искореняет обман и страх, он способствует рациональной организации еще и в том смысле, что благодаря ему распространяется честное поведение. Если Беккер нейтрализует этический посыл «левых» мыслителей, то Левитт и Дабнер заявляют об этическом превосходстве рыночной организации. В принципе, марксистская точка зрения здесь буквально переворачивается: у Маркса человеческие пороки – продукт отчуждения, вызванного рыночными отношениями, а здесь человек изначально порочен, а рынок заставляет его быть порядочным.

Заключение. В итоге можно выделить три основные модели человека, представленные в экономических учениях. Это рациональный эгоист классической и неоклассической экономики, испуганный, нуждающийся в опеке психологический человек Кейнса и отчужденный человек Маркса.

Можно заметить, что во всех этих

случаях экономические учения нацелены на то, чтобы преодолеть человеческую иррациональность и создать систему, способствующую рациональному, то есть оптимальному экономическому поведению. В этом смысле классическая политэкономия фактически утверждает, что рациональность – это честное эгоистическое поведение, любые же претензии на большую моральность, на вмешательство в дела профессиональных эгоистов – коммерсантов – ради некоего общего блага иррациональны и вредны. Неоклассика делает рациональность более сложной, требующей постоянных калькуляций, что служит дополнительным аргументом в пользу неприкосновенности коммерческого сословия, выполняющего важную общественную функцию.

Антибуржуазный характер Маркса проявился в том числе и в том, что он фактически перевернул этот аргумент, сделав рынок источником всякой иррациональности через категорию отчуждения. В этом смысле он воспринял риторику старых правящих классов, указывающих на аморальность буржуазии. Но марксисты обвиняют буржуазию своей эпохи уже не только в безнравственности, но и в неэффективности – рациональный эгоизм, лежащий в основе буржуазной организации, перестал быть рациональным, и его следует заменить новым централизованным устройством общества.

Одним из главных оснований для утверждения иррациональности капитализма были кризисы перепроизводства, регулярно вызывавшие обрушения экономики, за которым следовало болезненное восстановление. Кейнс обозначил эти эпизоды как моменты иррациональности, отличные от среднего рационального состояния рынка.

Моменты перегрева и моменты депрессии – это всплески чрезмерного оптимизма и пессимизма, компенсировать которые необходимо правительству.

Способность правительств решать эту задачу кейнсианскими методами была серьезным образом поставлена под сомнение с появлением стагфляции, которая с точки зрения кейнсианской доктрины в принципе не должна была возникнуть. И с 1970-х гг. начинается подъем неолиберализма, утверждающего, что моменты иррациональности рынка возникают из-за накладываемых на его работу ограничений. Кризисы – это, таким образом, не проявления иррациональности рынка, а результат отклонений от рыночной организации. Собственно, идея о необходимости защищать рынок и расширять влияние рыночных процессов – одна из ключевых черт неолиберализма, отличающего его от классического либерализма. Линия «фрикономики» Левитта подводит под нее дополнительный этический аргумент: рынок обеспечивает честность.

По оценке историка экономической науки Б. Файна, «фрикономика», повлекшая за собой волну подражателей, стала высшей точкой «империализма» экономтеории [10, р. 110], заключавшегося в претензии на расширение ее предмета таким образом, что поле экономических исследований перекрывало фактически все другие гуманитарные науки. Сама возможность такой претензии основывалась далеко не только на демонстрации применимости исследовательского аппарата экономики к самым различным аспектам общественной жизни – Файн, в частности, отмечает, что как правило полученные с помощью этого аппарата объяснения определенных случаев не выдерживают проверки применением

к другим ситуациям. Важнее был этический посыл: распространение экономического знания работает на искоренение иррациональности и таким образом исключает возможность обмана.

По сути, дела данная линия экономической науки заявляет в качестве желанного состояния справедливость, под которой понимается эквивалентный обмен. Но, как известно, наряду с эквивалентностью справедливость может пониматься как равенство – параметр, противопоставляемый эквивалентности в марксистской политэкономии, с точки зрения которой эквивалентность всегда имеет идеологическое содержание, которое обеспечивает преимущество правящему классу.

Это противопоставление имеет принципиальное значение для истории экономической науки, акцентируемое, в частности, историком науки Р. Нельсоном, который проводит аналогию между противопоставлением католичества и протестантизма в религии и марксистской и неоклассической линиями в экономике. Важнейшее различие между двумя течениями христианства заключалось в том, что, если католичество допускало только коллективное спасение – в сообществе верующих, в церкви, то протестантизм заявлял об индивидуальном характере спасения [16].

Конечно, это лишь метафора, но все же следует признать, что выбор между разновидностями экономтеории явно определяется не только их «эффективностью» в объяснении исследуемых феноменов. В этом выборе явно отражаются ценностные предпочтения, которые проявляются, в частности в том, что провозглашается рациональным, а что классифицируется как проявление иррациональности. И этот ценностный аспект, как представляется, играл в исто-

рии экономической мысли гораздо более серьезную роль, чем показывается в большей части учебной литературы по «Истории экономических учений».

Список литературы

1. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход. В кн.: Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 282-352.
2. Дабнер С., Левитт С. Фрикономика. М.: Альпина Паблишер, 2019. 236 с.
3. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост.: Атнашев Т., Велижев М. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: АСТ, 2019. 1072 с.
5. Холопов А.В. История экономических учений. Шестое издание. М.: КНО-РУС, 2025. 429 с.
6. Шишкин М. В., Борисов Г. В., Сутырин С.Ф. История экономических учений. 4-е издание. М.: Юрайт, 2024. 228 с.
7. Anderson P. Lineages of the Absolutist State. New York: Verso, 2013. 576 p.
8. Becker G. The Economics of Discrimination. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 137 p.
9. Campbell, S., & Moore, D. A. (2024). Overprecision in the Survey of Professional Forecasters // Collabra: Psychology. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1525/collabra.92953>
10. Fine B., Milonakis D. From Economics Imperialism to Freakonomics. London: Routledge, 2009. 212 p.
11. Friedman M. Nobel Lecture: Inflation and Unemployment // Journal of Political Economy. 1977. No. 3. P. 451-472.
12. Hunt E., Lautzenheiser M. History of Economic Thought. A Critical Perspective. New York: M.E. Sharpe, 2017. 604 p.
13. Markus G., Kis J., Bence G. How Is Critical Economic Theory Possible? Leiden: Brill, 2022. 328 p.
14. Mirowski P. Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 655 p.
15. Mirowski P. Never Let a Serious Crisis Go to Waste. New York: Verso, 2014. 496 p.
16. Nelson R. Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001. 378 p.
17. Roncaglia A. The Age of Fragmentation: A History of Contemporary Economic Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 192 p.
18. Rüegg W. (ed.) A History of the University in Europe: Volume 3, Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 776 p.
19. Samuelson P. Foreword. In: Saunders P., Walstad W. (eds.) The Principles of Economics Course: A Handbook for Instructors. New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. P. ix-x.
20. Skousen M. The Making of Modern Economics. Fourth Edition. London: Routledge, 2022. 504 p.
21. Sum N.-L., Jessop B. Towards a Cultural Political Economy. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. 592 p.

22. Wapshott N. Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 382 p.

23. White L. The Clash of Economic Ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 428 p.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF IRRATIONALITY IN ANTHROPOLOGICAL MODELS OF ECONOMIC SCIENCE

The article deals with the evolution of ideas about irrationality in anthropological models of economic science. The author analyzes the dynamics of the development of economic theory, starting from the classical political economy of A. Smith and D. Ricardo, and ending with modern trends, highlighting their attempts to interpret and overcome the manifestations of irrationality. Smith and D. Ricardo, and ending with modern trends, highlighting their attempts to interpret and overcome the manifestations of irrationality in human behavior. Particular attention is paid to the transformation of the concepts of rationality and irrationality in K. Marx's labor theory of value, the Keynesian concept of psychological factors in economics, and in neoliberal approaches that consider the market as a mechanism that transforms individual irrationality into collective rationality. Methodologically, the study is based on intellectual history, which interprets scientific statements in their social context, as well as on the concepts of the political economy of culture. Analyzing the conflicting moments in the development of economic science related to the problem of irrationality, the author concludes that economic theory invariably strives to model rational behavior, seeking to interpret irrational phenomena in terms of economic rationality. However, the choice of models of rationality is determined not only by scientific arguments, but also by value attitudes, which weakens the claim of economics to the status of an unbiased positive science.

Keywords: anthropological models, neoclassical economic theory, Chicago school, economic imperialism

References

1. Becker G. Prestuplenie i nakazanie: ekonomicheskii podkhod [Crime and punishment: an economic approach]. In: Becker G. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Moscow: GU VShE, 2003. P. 282-352.

2. Dubner S., Levitt S. Frikonomika [Freakonomics]. Moscow: Al'pina Pabliher, 2019. 236 p.

3. Kembridzhskaia shkola: teoriia i praktika intellektual'noi istorii [The Cambridge school: theory and practice of intellectual history]. Compiled by: Atnashev T., Velizhev M. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 632 p.

4. Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: AST, 2019. 1072 p.

5. Kholopov A.V. Istoriia ekonomicheskikh uchenii. Shestoe izdanie [History of economic teachings. Sixth edition]. Moscow: KNORUS, 2025. 429 p.

6. Shishkin M. V., Borisov G. V., Sutyurin S.F. Istoriia ekonomicheskikh uchenii. 4-e izdanie [History of economic teachings. 4th edition]. Moscow: Iurait, 2024. 228 p.

7. Anderson P. Lineages of the Absolutist State. New York: Verso, 2013. 576 p.

8. Becker G. The Economics of Discrimination. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 137 p.

9. Campbell, S., & Moore, D. A. (2024). Overprecision in the Survey of Professional Forecasters // Collabra: Psychology. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1525/collabra.92953>

10. Fine B., Milonakis D. From Economics Imperialism to Freakonomics. London: Routledge, 2009. 212 p.

11. Friedman M. Nobel Lecture: Inflation and Unemployment // Journal of Political Economy. 1977. No. 3. P. 451-472.
12. Hunt E., Lautzenheiser M. History of Economic Thought. A Critical Perspective. New York: M.E. Sharpe, 2017. 604 p.
13. Markus G., Kis J., Bence G. How Is Critical Economic Theory Possible? Leiden: Brill, 2022. 328 p.
14. Mirowski P. Machine Dreams. Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 655 p.
15. Mirowski P. Never Let a Serious Crisis Go to Waste. New York: Verso, 2014. 496 p.
16. Nelson R. Economics as Religion: From Samuelson to Chicago and Beyond. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2001. 378 p.
17. Roncaglia A. The Age of Fragmentation: A History of Contemporary Economic Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 192 p.
18. Rüegg W. (ed.) A History of the University in Europe: Volume 3, Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 776 p.
19. Samuelson P. Foreword. In: Saunders P., Walstad W. (eds.) The Principles of Economics Course: A Handbook for Instructors. New York: McGraw-Hill Publishing Company, 1990. P. ix-x.
20. Skousen M. The Making of Modern Economics. Fourth Edition. London: Routledge, 2022. 504 p.
21. Sum N.-L., Jessop B. Towards a Cultural Political Economy. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. 592 p.
22. Wapshott N. Keynes Hayek: The Clash that Defined Modern Economics. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 382 p.
23. White L. The Clash of Economic Ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 428 p.

Об авторе

Талагаева Дарья Александровна - кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка №6, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия), E-mail: d.talagaeva@mail.ru

Talagaeva Daria Alexandrovna - PhD in Political Science, Associate Professor, English Department No. 6, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: d.talagaeva@mail.ru

УДК 94+329.11

Федосов А.В., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1920-Е - 1930-Е ГОДЫ.

Статья посвящена развитию идеологических построений Консервативной партии Великобритании в один из самых важных периодов мировой истории – период между двумя мировыми войнами (1919 – 1939 гг.). Именно в эти годы идеология оказывала колоссальное влияние на жизнь различных государств, а идеологические модели построения идеальных обществ активно претворялись в жизнь. Великая Октябрьская социалистическая революция в России в 1917 г., а затем приход к власти фашистов в Италии и нацистов в Германии в 1922 и 1933 гг. соответственно вызывали страх в среде традиционных британских элит. Особенную тревогу вызывал подъем социалистических настроений в обществе и быстрый рост популярности Лейбористской партии. В этих условиях, а также в условиях экономических трудностей середины 1920-х – 1930х гг., Консервативная партия все больше обращается к социальным вопросам, а также создает образ своего рода «партии мира», ратуя за межклассовый мир и сотрудничество в противовес социалистическому классовому антагонизму. При этом, консерваторы не отказываются и от своих «вечных» ценностей, таких как уважение к обычаям и традициям Британии, сохранение частной собственности, патриотизм и т.д.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании, консерватизм, идеология, политика, межвоенный период.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-149-158

Введение. 20-е – 30-е гг. XX века стали переломным моментом в европейской истории. Возникновение в предшествующие десятилетия новых идеологий, ликвидация, в результате Первой Мировой войны, сразу трех великих европейских империй (Российской, Германской и Австро-Венгерской), а также социалистическая революция в России вели к изменению уже устоявшихся и привычных правил политического процесса, а также к появлению новых акторов на мировой политической арене. Старые партии постепенно теряют популярность и уходят в прошлое, а на смену им приходят новые: так, в Великобритании лейбористы достаточно быстро вытесняют либералов в качестве второй ведущей

политической силы. Однако Консервативная партия не только не теряет своей популярности, но даже набирает ее. Конечно, консерваторам приходилось подстраиваться под меняющиеся условия, например, расширяя свою социальную программу дабы угодить рабочим. Однако, несмотря ни на что, они сохраняют в неизменном виде основные положения британского консерватизма, такие как уважение к традициям и обычаям, верность короне и английской конституции, патриотизм и империализм.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является идеология Консервативной партии в межвоенный период, а его методоло-

гической основой – принципы объективности, историзма и научности. Основное внимание при написании статьи было уделено англоязычным источникам и историографии по указанной теме.

Результаты и обсуждение.

Прежде чем переходить к заявленной теме, дадим определение самому понятию «идеология». Итак, согласно Новой философской энциклопедии, идеология – это «система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений); идеология и форма общественного сознания – составные части культуры, духовного производства» [1, с.81]. Английский консерватизм как идеология появляется в конце XVIII в. в связи с событиями Французской революции и до интересующего нас межвоенного периода остается практически неизменным. При этом, как отмечал один из наиболее влиятельных британских консервативных идеологов Х. Сесил, его «можно понимать в двух смыслах. Он может означать догматы Консервативной партии или естественную склонность человеческого разума, ни в коем случае не ограничивающуюся теми людьми, которые голосуют за консерваторов в партийной политике» [9, р.8]. И далее: «Естественный консерватизм – это тенденция человеческого разума. Это нежелание перемен; оно проистекает отчасти из недоверия к неизвестному и

соответствующего доверия к опыту, а не к теоретическим рассуждениям; отчасти из способности людей приспособиться к своему окружению, так что знакомое только в силу своей известности становится более приемлемым или более терпимым, чем неизвестное...» [9, р.9].

Что же касается партийной идеологии, то в ее основе в 1920-е – 1930-е гг., как и во времена Э. Берка и Б. Дизраэли, лежали уважение к традициям, почтение к существующим политическим и религиозным институтам, в первую очередь к королю, неписаной английской конституции и Англиканской церкви, патриотизм и стремление не допустить резких, революционных изменений в обществе [9, р.13, 36-39, 244]. Поэтому говорить об эволюции и изменении идеологии Консервативной партии вряд ли возможно.

Однако, при всей неизменности общих идеологических установок партии, с изменением общественно-политических условий в Великобритании, приходилось подстраивать свою политику под эти условия. При этом некоторые исследователи даже выделяют некие «идейные направления» в рамках Консервативной партии, представители которых по-разному отвечали на вызовы времени. Так, Т. Рассел пишет о существовании «реакционного крыла» и «прогрессивных консерваторов», а Р. Макдауэлл определяет эти направления как «традиционный торизм», во главе которого стояли лорд Солсбери и А. Бальфур, и «конструктивный торизм», руководимый Дж. Чемберленом [2, с.46]. На наш взгляд, выделение этих направлений не имеет под собой никакого основания, ведь они не упомянуты ни в документах партии, ни в воспоминаниях, ни в работах консервативных

деятелей той поры.

В целом, с идеей отсутствия у консерваторов конкретной идеологии соглашались и британские историки. Например, С. Болл пишет: «Консерватизм – это скорее широкие взгляды, чем конкретные принципы. Это скорее вопрос темперамента, чем идеологии, и по этой причине его всегда было трудно определить. Традиции внутренних дебатов не было: большинство работ о консерватизме были написаны как личные заявления, и, кроме традиционного преклонения перед Берком или Дизраэли, они не вступали в дискуссию друг с другом. Консерваторы также не стремились формулировать подробную политику и программы; планы действий, естественно, были неуместны для партии, которая стремилась сохранить статус-кво» [7, p.25-26]. При этом некоторые исследователи полагают, что именно сознательный отказ консерваторов от идеологии стал одной из причин их долгосрочного успеха [17, p.X; 7, p.27; 16, p.192]. Так, Дж. Барнс пишет: «Консерваторы считают, что идеология в лучшем случае является неадекватным руководством для политической практики» [8, p.318]. А Р. Хорнби отмечал: «Консерваторы часто с гордостью говорят, что их партия не является заложницей жесткого набора принципов. Они скептически относятся к теориям и предпочитают прагматичный подход к делам...» [14, [p. 229].

Это отсутствие конкретики может быть истолковано как простой прагматизм, ведь главной целью любой партии является получение и удержание власти. Однако британские историки отмечают, что политика консерваторов была гораздо сложнее, о чем сви-

детельствуют проблемы внутри партии, периодические трения между низами и лидерами, а также периоды в оппозиции [7, p.26]. При этом всегда существовала тенденция считать, что консерватизм – это то, что выражают консервативные лидеры и возглавляемые ими правительства, и им обычно выражали значительную, но не безграничную поддержку. Лидеры, которые не уважали интересы или традиции партии быстро теряли эту поддержку. Одного лишь прагматизма было недостаточно, чтобы вдохновить последователей. Когда умеренность и осторожность начинали преобладать в имидже партии, как в 1928-1930 гг., результатом становилась апатия в избирательных округах, поражение на выборах и, как следствие, недовольство, грозившее сместить лидера. Как отмечает С. Болл, консерваторы никогда не чувствовали себя комфортно ни с одним действительно прагматичным правительством. Даже в военное время партия часто была не согласна с решениями, основанными на целесообразности, например, по поводу ирландской воинской повинности в 1917-1918 годах или судьбы Польши и Восточной Европы в 1944-1945 годах. Самое прагматичное из современных министерств мирного времени – коалиция Ллойд Джорджа 1918-1922 годов – вызывала отторжение у большинства членов парламента от консерваторов и была низвергнута партийными настроениями снизу [7, p.26].

Таким образом, Консервативная партия сохраняла свой «отличительный характер и организационную цель» [7, p.26], при этом не скатываясь к беспринципной целесообразности и не ограничивая себя жесткими идеологическими рамками. Находясь на

службе у определенных экономических и социальных групп, партия основывалась на сочетании интеллектуального подхода и эмоциональной привлекательности [12]. Однако, как полагают многие историки Консервативной партии, это вовсе не означает, что ей не хватало последовательности, ведь, как отмечалось выше, всегда существовало несколько положений, характерных для консервативного образа мышления, о которых стоит поговорить подробнее.

Среди этих положений едва ли не важнейшее место занимал уже упомянутый «естественный консерватизм», который часто считается основой английского национального характера вообще. Природу этого явления можно вывести из иерархичности английского общества, в котором каждый стремился занять более высокое положение [20, p.189-190] и, в случае успеха, хотел сохранить его и уберечь от посягательств других. Соответственно, никто не хотел разрушения существующего социального порядка: одним он гарантировал сохранение их привилегий, а другим давал возможность занять более высокое положение в обществе.

Другим элементом «естественного консерватизма» было отношение к частной собственности, которая в англо-саксонских обществах всегда была едва ли не святыней: без собственности были бы невозможны права, свободы и обязанности, а люди бы постоянно враждовали из-за нее [18, p.99-100]. Кроме того, частная собственность не давала государству злоупотреблять своими полномочиями [8, p.326-327]. Таким образом, сохранение и приумножение собствен-

ности также требовали сохранения социального порядка и отсутствия резких изменений, поэтому англичане всегда настороженно относились к любым идеологиям, которые предполагали перераспределение собственности. Именно в консервативной среде возникла идея «демократии собственников» (a property-owning democracy) – ее выдвинул в 1924 г. Н. Скелтон, и суть ее заключалась в том, что для сохранения собственности необходимо распространить это право на как можно большее число членов общества [8, p.326]. Не случайно также, что нормы, касающиеся охраны прав частной собственности содержатся практически во всех английских конституционных актах, начиная с Великой хартии вольностей 1215 г.

Вообще, неписаная английская конституция была одним из «столпов» консервативной идеологии, т.к., развиваясь в течение многих веков на основе прецедентов и обычаев, было хорошо приспособлено к национальным потребностям, и потому отражало представления консерваторов о том, каким должно быть общество: «Оно выступало в качестве жизненно важного оплота индивидуальной свободы и собственности, предотвращая злоупотребления со стороны сильных мира сего, обеспечивая соблюдение общественными институтами своих обязанностей, предоставляя каналы для подачи жалоб и возмещения ущерба, а также обеспечивая сплоченность общества» [7, p.28].

Другим «столпом» английского консерватизма была Англиканская церковь, которая символизировала не только собственность, власть и стабильность, но и национальную иден-

тичность в борьбе с иностранным господством [7, р.27]. А для религиозных консерваторов она была гарантией того, что религиозная основа национальной жизни будет сохранена.

Консерваторы постоянно адаптировались к новым реалиям и начиная со времени Б. Дизраэли, на первое место выходит идея патриотизма, которая стала едва ли не основой партийной идеологии. С. Болл отмечает: «Самидентификация Консервативной партии с патриотизмом была очень сильной: она не могла ни признать, ни принять другую позицию. Либералы и социалисты были «маленькими англичанами», чья нерешительная слабость оставила бы британские интересы за рубежом уязвимыми для более жестких конкурентов и позволила бы национальной обороне прийти в упадок» [7, р.28]. Патриотизм и вытекавший из него империализм – гордость за империю, над которой «никогда не заходит солнце», – должны были способствовать «разрядке» внутренней напряженности, спланировать нацию вокруг единых понятных образов: «то, что объединяет все классы, – это преданность нации, а то, что трогает людей всех сословий, – это символическое представление нации: монарх, флаг, гимн» [15, р.5]. Апелляция к патриотизму нашла свое отражение и в названии партии: к 1902 г. термин «юнионист»¹ в значительной степени вытеснил термин «консерватор» из лексики партии, и последний снова стал общеупотребительным лишь в середине 1920-х годов [7, р.29], после того как Ирландия вышла из состава Соединенного Королевства.

Таким образом, патриотизм стал

отправной точкой для развития других идеологических конструкций консерватизма: идей единой нации и межклассового мира, социального реформизма (также социальный консерватизм, т.е. постепенный рост уровня жизни широких слоев населения), «демократии тори» (расширение избирательного права) [15, р.30, 32].

Патриотизм и вытекающие из него идеи сохраняли свою актуальность и в межвоенный период. В 1924 г. С. Болдуин в одном из своих выступлений заявил о приверженности консерваторов дизраэлевской идее единой нации [19]. Обращался он к ней и позднее, постоянно говоря о необходимости «Божьего мира» и «духа товарищества между работодателями и работниками», а также «недопущении классовой войны» [6, р.40; 4, р.6, 13]. Причиной этому стало возвышение в 1920-е гг. Лейбористской партии, напугавшее традиционные элиты и заставившее их пойти на уступки рабочему классу, выразившиеся в расширении избирательных прав в 1918 и 1928 гг., дальнейшем улучшении уровня жизни, выплатах пенсий и пособий и т.п.

Таким образом, комбинация идей межклассового единства и социального реформизма сформировала основу для так называемого «нового консерватизма» С. Болдуина, хотя, по сути, его идеи являлись лишь пересмотром идей Б. Дизраэли и их применением к новым условиям, о чем и сам он неоднократно упоминал в своих выступлениях и работах. Таким образом, говорить о «новом» консерватизме вряд ли возможно, поскольку ничего принципиально нового в нем, при бли-

¹ От англ. Union – «союз», под которым понималось Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии.

жайшем рассмотрении, не было. Говорить стоит, скорее, об устойчивой консервативной традиции, тянущейся со времен Б. Дизраэли.

Наконец, осталось рассмотреть еще один элемент консервативной идеологии, а именно отношение к государству, обществу и их взаимодействию.

Консерваторы, еще со времен Э. Берка, относились к обществу как к живому организму, слишком сложному для человеческого понимания, а раз так, то и изменения в него следовало вносить постепенно [9, р.48]. Далее, человеческая природа, по мнению консерваторов, несовершенна, поэтому они всегда делали акцент не на правах человека, а на обязанностях индивида [7, р.30]. Из этого же вытекал страх перед концепциями, стремившимися создать «идеальное» общество, будь то радикальный либерализм эпохи Великой Французской революции или социализм 1920-х гг. Консерваторы боялись предлагаемых социалистами социальных «экспериментов», особенно классовой борьбы и перераспределения собственности [4, р.13]. В то же время, некоторые мыслители, например, Х. Сесил полагали, что между консерватизмом и социализмом нет никакого противоречия и противопоставления [9, р.195-196, 246, 248-249]. В целом же британским консерваторам «повезло» в том, что идеи их оппонентов можно было представить, как иностранные, а значит, чуждые, неполноценные и неподходящие для любого патриота. Сами они были изоляционистами, почти не общались с правыми партиями за рубежом и не испытывали к ним симпатии. Им не нравились тесные связи большинства из них с промышленностью и католической церковью

[7, р.33], при том, что связи самих консерваторов с английским капиталом и Англиканской церковью никогда особо не скрывались.

В целом, консерваторы были более авторитарными и прагматичными в своем отношении к государству. Там, где какие-то функции должны были быть переданы от частных лиц государству, как в военное время, они не боялись расширять полномочия центральной власти, т.к. одним из элементов мышления консерваторов всегда было «сильное» правительство. Под этим подразумевалось не только поддержание социального порядка, но и то, что оно должно следовать четким принципам и законам. Поэтому некоторые исследователи даже полагают, что консерватизм всегда был «формой патерналистского социализма» [12, р.137]. Как бы то ни было, консерваторы были готовы пойти на принуждение, но в то же время тщательно следили за тем, чтобы обеспечить компенсацию за нарушение прав собственности. Там, где правительство брало на себя руководство частной промышленностью, должна была обеспечиваться «нормальная» норма прибыли для владельцев и акционеров, но все, что носило характер «наживы», особенно в военное время, оскорбляло патриотизм и вызывало их враждебность [7, р.31]. Поэтому в межвоенный период консерваторы использовали различные меры для борьбы с экономическим застоєм в Великобритании, включая квоты на импорт, субсидии, региональную помощь, рационализаторские схемы и маркетинговые советы. Эти и другие, в том числе социально ориентированные, меры отражали два элемента консерватизма: стремление к «честной игре» и поддержание эффективности и легитимности

правительства. Они не сводились ни к корпоративизму, ни к стремлению к «смешанной» экономике или управляемому капитализму [7, р.32].

Демократия была наиболее предпочтительной формой правления для консерваторов и составляла основу британской политической системы. Как писал Б. Дизраэли еще в 1835 году, она поддерживает институты страны, созданные ради общего блага и обеспечивающие равенство гражданских прав [11, р.183]. 89 лет спустя С. Болдуин пел дифирамбы демократии, говоря, что это «самая сложная форма правления, и поэтому она более достойна того, чтобы мы отдали свои жизни ради ее успеха» [4, р.30]. Саму демократию он определял как «правительство народа, созданное народом через своих свободно избранных представителей» [5, р.70]. Несколько иное определение британской демократии дал Л. Эмери: «демократия по согласию, а не по представительству, правительство народа, для народа, с народом, но не от народа» [3, р.21]. А Х. Сесил и вовсе называл «притворством» утверждение, что Палата общин представляет народ [9, р.237]. Как видим, отношение к демократии было не вполне однозначным. Его можно охарактеризовать знаменитой фразой, приписываемой У. Черчиллю: «Демократия – плохая форма правления, но человечество еще не придумало ничего лучше». Поскольку английская парламентская модель неплохо зарекомендовала себя в условиях как мира, так и войны, консерваторы не видели смысла ее менять. Тем более, что сложилась она исторически, а потому отражала, как писал Х. Сесил, черты английского национального характера [9, р.218]. Кроме того, что важнее, эта

система обеспечивала участие консерваторов в управлении страной: в межвоенный период, с 1918 по 1935 гг. количество голосующих за партию выросло примерно втрое [10, р.16]. Естественно, это способствовало стремлению консерваторов сохранить систему в неизменном виде.

Консервативное мировоззрение передавалось широкой публике несколькими способами. Первым из них были речи ведущих деятелей, звучавшие либо непосредственно на массовых собраниях, которые были основой политической кампании вплоть до 1950-х годов, либо по радио с начала 1920-х годов. Вторым была популярная массовая пресса, а поскольку большинство людей обычно покупали идейно близкие им газеты, то пресса скорее укрепляла их взгляды, чем меняла или создавала их. В-третьих, свою роль сыграло прямое распространение собственной партийной литературы. Плакаты, листовки и публикации содержали множество резонансных образов как в языке, так и в визуальном изображении, особенно в карикатурах. Тонкости отбрасывались, чтобы добиться воздействия с первого взгляда, и в ходу были грубые стереотипы. Эмблемы национального единства, такие как флаг, Британия и простая фигура Джона Буля, противопоставлялись бродячему агитатору, за которым стояли зловещие большевики с револьверами на поясе [7, р.34-35]. Архитекторами партийной системы пропаганды в межвоенную эпоху стали Джон Дэвидсон, председатель партии, и Джозеф Болл, бывший офицер военной разведки [13, р.34, 37-38]. Вместе они создали партийную машину агитации, которая во многом

способствовала успехам консерваторов на выборах в межвоенное время.

Заключение (выводы). Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что Консервативная партия обладала двумя преимуществами перед своими соперниками: она была более сплочена и легче приспосабливалась к меняющимся общественно-политическим условиям, а ее ценности и традиции отражали ценности и традиции тех социальных групп, которые поддерживали партию. Конечно, разногласия и внутренние конфликты имели место, а отдельные личности иногда покидали партию (самый яркий пример – У. Черчилль), однако массового исхода не было, а возникающие конфликты обычно быстро разрешались благодаря единству идей.

При этом консервативные принципы были не абстракциями, а инструментами, которые использовались для достижения практических целей. Идеи, предрассудки и образы консерватизма использовались для предотвращения классовой поляризации и

для обеспечения легитимности иерархической власти. Консерваторы стремились сохранить национальную идентичность и гордость, которые делали Британию сильной в мирное время и единой во время войны или кризиса. Также, эти принципы могли быть направлены как на ограничение, так и на оправдание действий, предпринимаемых государством. Наконец, они вносили решающий вклад в привлечение поддержки, необходимой для завоевания власти. Они часто упоминались без каких-либо дополнительных пояснений, поскольку консерваторы знали и понимали, особенно на эмоциональном уровне, что имеется в виду, и реагировали или судили соответственно [7, р.34-35]. Это также позволяло свободно маневрировать в нестабильном политическом пространстве 1920-х – 1930-х гг., приспосабливаясь к новым условиям и расширяя, таким образом, свою электоральную базу, и, одновременно, сохраняя приверженность базовым идеалам консерватизма.

Список литературы

1. Новая философская энциклопедия. Т. II. М.: Мысль, 2010. 634 с.
2. Чумак О.А. Эволюция политического курса британских консерваторов (1906-1931 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1999. 274 с.
3. Amery L. Thoughts On the Constitution. London; New York; Toronto, 1964. 195 p.
4. Baldwin S. Looking Ahead. Unionist Principles and Aims. London, 1924. 54 p.
5. Baldwin S. On England, and Other Addresses. London, 1926. 276 p.
6. Baldwin S. Peace and Goodwill in Industry. London, 1925. 80 p.
7. Ball S. The Conservative Party and British Politics. New York, 2013. 166 p.
8. Barnes J. Ideology and Factions / Conservative Century: The Conservative Party since 1900. Ed. by A. Seldon, S. Ball. Oxford; New York, 1994. P.315-346.
9. Cecil H. Conservatism. London, 1912. 256 p.
10. Cracknell R., Uberoi E., Burton M. UK Election Statistics, A Long Century of Elections. London: House of Commons Library, 2023. 110 p.
11. Disraeli B. Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned Lord. London, 1835. 210 p.

12. Glickman H. The Toryness of English Conservatism // *Journal of British Studies*. Vol.1. №.1. 1961. P.111-143.
13. Hollins T.J. *The Presentation of Politics: The Place of Party Publicity, broadcasting and Film in British Politics, 1918-1939*. Leeds, 1981. 374 p.
14. Hornby R. Conservative Principles // *Political Quarterly*. 32. 1961. 229-237 p.
15. O’Gorman F. *British Conservatism: Conservative Thought from Burke to Thatcher*. London, 1986. 237 p.
16. Pym F. *The Politics of Consent*. London, 1985. 212 p.
17. Ramsden J. *The Age of Balfour and Baldwin, 1902-1940*. London; New York: Longman, 1978. 400 p.
18. Scruton R. *The Meaning of Conservatism*. Harmondsworth, 1980. 204 p.
19. *The Times*, December 5, 1924.
20. Watson G. *The English ideology; studies in the language of Victorian politics*. London, 1973. 276 p.

THE EVOLUTION OF THE IDEAS OF THE CONSERVATIVE PARTY OF GREAT BRITAIN IN THE 1920S - 1930S.

The article is devoted to the development of ideological constructions of the Conservative Party of Great Britain in one of the most important periods of world history - the period between the two world wars (1919 - 1939). It was in these years that ideology had a tremendous influence on the life of various states, and ideological models of building ideal societies were actively implemented. The Great October Socialist Revolution in Russia in 1917, followed by the rise to power of the Fascists in Italy and the Nazis in Germany in 1922 and 1933 respectively, caused fear among traditional British elites. The rise of socialist sentiments in society and the rapid growth of the Labor Party's popularity were particularly alarming. In these conditions, as well as in the conditions of economic difficulties of the mid-1920s-1930s, the Conservative Party increasingly turned to social issues, and also created an image of a kind of “party of peace”, advocating inter-class peace and cooperation as opposed to socialist class antagonism. At the same time, the Conservatives do not abandon their “eternal” values, such as respect for British customs and traditions, preservation of private property, patriotism, etc.

Keywords: Conservative Party of Great Britain, conservatism, ideology, politics, interwar period.

References

1. *Novaia filosofskaia entsiklopediia* (2010) [New Philosophical Encyclopedia]. T.II. M.: Mysl', 2010. 634 s.
2. Chumak O.A. (1999) *Evoliutsiia politicheskogo kursa britanskikh konservatorov (1906-1931 gg.)* [The British Conservative political course evolution]: diss. ... kand. ist. nauk. Samara, 1999. 274 s.
3. Amery L. (1964) *Thoughts On the Constitution*. London; New York; Toronto, 1964. 195 p.
4. Baldwin S. (1924) *Looking Ahead. Unionist Principles and Aims*. London, 1924. 54 p.
5. Baldwin S. (1926) *On England, and Other Addresses*. London, 1926. 276 p.
6. Baldwin S. (1925) *Peace and Goodwill in Industry*. London, 1925. 80 p.
7. Ball S. (2013) *The Conservative Party and British Politics*. New York, 2013. 166 p.

8. Barnes J. (1994) *Ideology and Factions / Conservative Century: The Conservative Party since 1900*. Ed. by A. Seldon, S. Ball. Oxford; New York, 1994. P.315-346.
9. Cecil H. (1912) *Conservatism*. London, 1912. 256 p.
10. Cracknell R., Uberoi E., Burton M. (2023) *UK Election Statistics, A Long Century of Elections*. London: House of Commons Library, 2023. 110 p.
11. Disraeli B. (1835) *Vindication of the English Constitution in a Letter to a Noble and Learned Lord*. London, 1835. 210 p.
12. Glickman H. (1961) *The Toryness of English Conservatism // Journal of British Studies*. Vol.1. №.1. 1961. P.111-143.
13. Hollins T.J. (1981) *The Presentation of Politics: The Place of Party Publicity, broadcasting and Film in British Politics, 1918-1939*. Leeds, 1981. 374 p.
14. Hornby R. (1961) *Conservative Principles // Political Quarterly*. 32. 1961. 229-237 p.
15. O’Gorman F. (1986) *British Conservatism: Conservative Thought from Burke to Thatcher*. London, 1986. 237 p.
16. Pym F. (1985) *The Politics of Consent*. London, 1985. 212 p.
17. Ramsden J. (1978) *The Age of Balfour and Baldwin, 1902-1940*. London; New York: Longman, 1978. 400 p.
18. Scruton R. (1980) *The Meaning of Conservatism*. Harmondsworth, 1980. 204 p.
19. *The Times*, December 5, 1924.
20. Watson G. (1973) *The English ideology; studies in the language of Victorian politics*. London, 1973. 276 p.

Об авторе

Федосов Андрей Владимирович – ассистент факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Fedosov Andrey Vladimirovich – Assistant of the Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, E-mail: fedosov-andrey@yandex.ru

Фролов В.Н., аспирант, Псковский Государственный университет (Россия)

«ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ» РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (1902-1922 ГГ.) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

«Протестные настроения» представляют собой сложный междисциплинарный феномен, который долгое время не являлся предметом специального исследования. Особое внимание уделялось крестьянскому хозяйству и крестьянскому движению в годы революционных потрясений 1905–1907 и 1917–1922 гг. или в годы «крестьянской революции» 1902–1922 гг. Проблемы психолого-социальной истории, ментальные аспекты затрагивались, как правило, частично и эпизодически в рамках определения интересов крестьян. В 70-е–80-е гг. XX в. начинается отдельное изучение крестьянского сознания, крестьянского мироощущения. Эти работы ещё не ставили целью изучить конкретно «протестные настроения», однако они внесли свой методологический и теоретический вклад наравне с изучением крестьянского движения. Целью статьи является анализ и обобщение современной историографии крестьянского протеста в контексте изучения «протестных настроений». Используются историко-сравнительный и историко-системный методы. В исследованиях, посвящённых крестьянскому сознанию и ментальности, «протестные настроения» крестьян осмысляются в качестве особого явления. «Протестные настроения» крестьян рассматривается и как реакция крестьянства на попытку государства или модернизационных процессов вмешаться в их мир, и как составная часть крестьянской ментальности. Большинство авторов приходят к выводу, что крестьянство выступало не только за улучшение своего социально-экономического положения, но и за сохранение себя как социального слоя.

Ключевые слова: крестьянство, протест, протестные настроения, крестьянское сознание, крестьянское движение, революция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2023-09-01-159-172

Введение. Историографически «протестные настроения» крестьян теснейшим образом переплетены с организованным крестьянским революционным или повстанческим движением. При попытке современного исследования «протестных настроений» во всём многообразии их форм (как действия и бездействия, устного недовольства и т.д.) возникает необходимость разведения тем «крестьянского движения» и «протестных настроений». Ни дореволюционные историки, ни советские не ставили перед собой задачи исследования «протестных настроений» крестьянства. Предшественники касались тем крестьянского сознания и настроений

преимущественно для обозначения мотивации недовольства крестьян в контексте предметного изучения социальных взрывов, движений. Отдельное изучение «мотивации», видимой в «протестных настроениях», не проводилось дореволюционными и советскими исследователями. В наше время исследования «протестных настроений» других групп (интеллигенции, студенчества, молодёжи) не является редкостью, «протестные настроения» изучаются не только как действия, но и как намерения [1; 4; 11; 34; 43; 44].

Наконец, стоит отметить, что категории «протест» и «протестные настроения» находятся друг к другу ближе,

чем «крестьянское движение» и «протестные настроения». Многие авторы, анализирувавшие крестьянский «протест» во многом изучали крестьянские «протестные настроения».

Объекты и методы исследования. Объектом исследования являются исследования советской историографии, посвященные крестьянскому протесту или «протестным настроениям», их сущности, причинам возникновения, анализу и динамике.

Используются историко-сравнительный и историко-системный методы.

Результаты и их обсуждения. Дореволюционная историография о событиях 1902–1922 гг. ограничивается работами 1902–1917 гг., из которых наиболее важным значением обладают посвящённые «приговорному движению» 1905–1907 гг. [6; 7; 19; 23; 25; 33; 35; 39] В советской историографии крестьянского движения «протестные настроения» крестьянства также не изучались предметно, их касались косвенно, преимущественно для описания мотивации крестьянских противоправных действий [12; 13; 14; 28; 30; 31; 36; 37].

Отдельные работы, предметом исследования которых стало крестьянское сознание и психология, начали публиковаться лишь к 1970-х гг. после многолетнего накопления исторической наукой фактологического и эмпирического материала о крестьянском быте и мировоззрении. Вклад дореволюционных и советских историков в обобщение многочисленной информации о крестьянстве сделал возможным создание обобщающих трудов о крестьянском сознании, психологии, настроениях [15; 20; 21].

Прежде чем перейти к историографии, стоит уделить внимание особой специфики изучения «протестных

настроений». Исследователь общественного мнения Д. П. Гавра считал, что протест органически связан с общественной жизнью и является одним из проявлений общественного мнения. Протест в общественном мнении является диалектическим понятием, постоянным и необходимым для функционирования гражданского общества и государства. Носителями такого протеста выступают идеи, которые обществом воспринимаются только на фоне профессионально-политической деятельности отдельных лидеров [9].

В своём недавнем исследовании, посвященном советской историографии «протестных настроений», В. Ю. Титов утверждал, что их изучение началось после XIX Всесоюзной конференции КПСС, поскольку она положила начало переосмыслению всей политической истории СССР. Согласно точке зрения автора, специфические для каждой исторической эпохи правовые и экономические обстоятельства жизни изменяют мировоззрение общества – его менталитет, что в свою очередь предопределяет развитие «протестных настроений». «Протестные настроения», по его мнению, выражаются не в чём-то едином, а «распараллеливаются» на отдельные темы, связанные с отношением общества к власти, людей к обществу и человека к самому себе. Процесс «распараллеливания» – это превращение общего социального недовольства в «протестные настроения». Автор приходит к заключению, что отличить и распознать «протестные настроения» очень сложно. Единственный метод распознавания, способствующий этому – отождествление конкретной социально-негативной среды с социальной установкой, получившей наибольшее

распространение в исторических источниках, отражающих общественное мнение. Возникновение «протестных настроений» является результатом потери удовлетворённости граждан государственной политикой в сфере повышения уровня жизни [42].

Критическое переосмысление после 1991 г. господствовавших в СССР оценок социальных движений и отказ от многих идеологизированных социально-исторических представлений побудили исследователей приступить к выработке новых крестьяноведческих концепций. Помимо всего прочего продолжают развитие историко-психологические исследования сознания, психологии, ментальности крестьянства. Свобода дискуссий и многообразие подходов считается главным преимуществом современного этапа историографии [16, с. 25].

В качестве первых работ можно назвать исследования С. В. Лурье, О. Г. Вронского и Л. Т. Сенчаковой. Статья С. В. Лурье была посвящена описанию мировоззрения крестьянства [22]. Автор отмечала, что крестьянскому сознанию был свойственен родовой патернализм, где «протест» позиционировался как акт самозащиты от внешних вызовов, создающих угрозу их укладу.

О. Г. Вронский в своей работе исследовал взаимоотношения крестьянской общины с государственной властью в начале XX в., влияние общины на сознание и социальное поведение крестьян [8]. По однозначной оценке, О. Г. Вронского, самодержавно-монархический идеал государственного устройства оставался для крестьян незыблемым, а само крестьянское движение было борьбой крестьянских общин за сохранение традиционного уклада деревенской жизни. По этим

причинам О. Г. Вронский считал крестьянское движение оппозиционным, но не революционным. Из материалов и результатов исследования видно, что «протестные настроения» крестьян возникали реакционно.

Л. Т. Сенчакова исследовала крестьянские приговоры, наказания в контексте крестьянского мировоззрения. Автор доказывала, что земля, по мнению крестьян, была «божией», «ничейной» и должна была быть доступна тем, кто на ней трудится. Таким образом, крестьянством отрицалось частное землевладение в принципе. Несмотря на то, что автор не использовала категорию «протестные настроения», именно через отрицание частной собственности возникали «протестные настроения». Противоречия внутри крестьянского мировоззрения стали источником произрастания протеста [38, с. 157].

В работе Т. В. Осиповой 1995 г. отстаивалась точка зрения, согласно которой как минимум с 1905 г. крестьяне обладали высокой степенью осознанности своих интересов. Крестьяне стремились реализовать на селе общинную демократию и уравнильное землепользование [29], чем и были мотивированы их протестные действия. Автор широко использовала категорию «протест» при описании несогласия крестьян с продовольственной политикой большевиков.

Проблему крестьянской ментальности в контексте социальных конфликтов 1905–1914 гг. активно разрабатывал О. Г. Буховец. Автор пришел к заключению, что крестьянское сознание было многослойным: вместо последовательной смены традиционалистской модели сознания революционной имело место переплетение этих моделей [5, с. 225–226]. По его словам,

изучение крестьянского сознания лишь в начале 1980-х гг. было провозглашено по всему миру жизненно важным направлением [5, с. 63–64]. По мнению автора, «протестные настроения» были обусловлены переплетением факторов социально-экономического и политико-идеологического характера. Особое внимание автор уделит приговорному движению, которое состояло в принятии приговоров, наказов, обращений, заявлений, телеграмм, петиций политического характера, направляемых в Государственную думу, различным политическим партиям, в редакции газет и т.д. [5, с. 66–68]. О. Г. Буховец предлагал методы формализации и количественного анализа содержания массовых совокупностей текстов, эти методы реализуются в контент-анализе, который особенно хорошо демонстрирует свои преимущества при обработке больших по объёму источников. Анализ приговоров в предложенном автором методологическом русле определённо способствует изучению и «протестных настроений» крестьянства. Разделив по признакам крестьянские суждения из Самарской и Воронежской губерний, автор получил 177 признаков [5, с. 363–367].

Проблематика осознанности крестьянских интересов была развита в концептуальной статье В. П. Данилова «Крестьянская революция в России, 1902–1922». Автор предложил оригинальную идею «крестьянской революции», длившейся непрерывно с 1902 по 1922 гг., где революции 1905–1907 гг. и 1917 г. были её этапами [10]. Понятие «протестные настроения» В. П. Данилов не использовал, однако он уделит внимание процессу радикализации крестьянского сознания: «В 1902 г. на историческую сцену открыто выступил

новый крестьянин – крестьянин эпохи революции». Основные, по его мнению, причины протеста лежали корнями в экономической плоскости, в малоземелье. Автор руководствовался методологическим принципом крестьянской субъектности, он поставил крестьянина и его интересы во главу угла. Хронологическое описание автором «крестьянской революции» позволяет выделить этапы изменения крестьянского сознания: 1902 г. стал годом радикализации, революционизации общероссийского крестьянского сознания; события 1905–1907 гг. стали «крестьянской войной» и поспособствовали формированию радикальной программы «крестьянской революции»; социальный взрыв в деревне 1917 г. длился почти непрерывно до 1922 г. и принятия нового Земельного кодекса.

Созвучную с концепцией В. П. Данилова концепцию предложил Т. Шанин. По его словам, период 1902–1922 гг. являлся периодом «русской крестьянской войны» [45, с. 15], которая завершилась в 1922 г., когда в декабре «был принят Земельный кодекс, который дал почти всё то, за что крестьяне «открыто боролись с 1902 г. <...> Пришёл конец революции» [45, с. 14]. Теодор Шанин доказывал, что социальная напряжённость и радикализация крестьянских выступлений были обусловлены господством помещичьего землевладения и крестьянским земельным голодом.

Т. Шанин отмечал, что высокий уровень радикализма крестьян скорее снижал степень насилия из-за сплочённости, организованности и понимания крестьянством своих интересов. Ожесточение настроений и всплески насилия были свойственны этапу поражения революции (1906–1907 гг.) [45, с. 149].

Впоследствии Т. Шанин обосновывал модель многомерной и разнонаправленной циклической мобильности российского крестьянства: многодетность богатой крестьянской семьи предопределяла раздел земли на большее число единиц. Следствием этого становилось дробление богатого хозяйства на несколько, и богатое крестьянство переходило в «средняцкое». В контексте малоземелья постоянство «разорений» богатых крестьянских хозяйств не могло не создавать социальной напряженности и выливаться в протест против помещичьего землевладения [46].

О сложности исследований политической психологии так писал С. В. Яров: «Политические суждения, настроения, стереотипы масс по источникам прослеживаются весьма слабо. Нередко фиксируются не политические взгляды крестьян, а их политические действия» [47, с., 5]. Анализируя крестьянский протест, автор не использовал категорию «протестных настроений», однако уделил внимание крестьянскому волнению – как сложному акту протеста, в котором запутываются причины и следствия вспышки волнений, который внешне индивидуализирован, однако при рассмотрении которого возможно обнаружить «болевые точки» во взаимоотношениях власти и крестьянства. Благодаря обобщённым материалам С. В. Ярова можно отметить, что во многом крестьянские волнения выступали формой выражения «протестных настроений» против продовольственной политики большевиков.

Б.Н. Миронов уделил место борьбе традиции и модернизма в менталитете пореформенного крестьянства. Помимо этого, в его труде освещались и другие аспекты. Например,

автор затронул тему восприятия крестьянством справедливости суда и права, в пореформенной России, когда судебная-правовая система смогла охватить большую часть населения. В своей работе автор применял слово «протест» для краткости в обозначении кассационных и апелляционных жалоб на решение судов. Автор отмечал, что народное правовое сознание входило в противоречие с законом, что способствовало росту числа протестов [26, с. 64–65]. Кроме противоречия обычного права писанному Б. Н. Миронов выделяет и другие факторы роста числа апелляций: раскрепощение и повышение общего культурного и образовательного уровня населения, появление института адвокатуры, утрата прежнего страха перед судом и администрацией. Также, процесс эмансипации серьёзно влиял на рост преступности, т.к. разрушалась община, ослаблялся государственный и корпоративный контроль и были созданы повсеместно мировые суды, обеспечившие быстрый, доступный, дешёвый способ фиксации правонарушений. В «преступность» автор включает и преступления против собственности, против власти (т.е. против строя), а не только узко уголовные преступления (убийства, изнасилования, грабежи). Б. Н. Миронов фиксировал стремительный рост количества подсудимых в сравнении с ростом количества уголовных дел в начале XX в. [26, с. 86] и объяснял его массовым противоправным поведением (мы бы сказали, радикализацией «протестных настроений») в следствие политизации общества и отсутствия или ущемления прав и свобод. Б. Н. Миронов отмечает, что правые и после 1905–1907 гг. видели

опору самодержавия в народе, в крестьянстве, т.к. никакого протеста роспуск II Думы не вызвал и к политическим вопросам, и к парламентаризму крестьянство не выражало интереса [26, с. 239].

Через призму крестьянской повседневности проблемы крестьянского менталитета и общественного сознания деревни конца XIX – начала XX в. рассматривал В. Б. Безгин, понимая повседневность как видимое проявление базовых ценностей общества. Автор глубоко проанализировал формы крестьянского протеста и роль общины в его организации. Автор согласился с началом «крестьянской революции» в 1902 г. и в целом признавал результаты исследований В. П. Данилова, Т. Шанина и др. об объективных причинных возникновения крестьянского протеста [3].

Процессы и формы самоорганизации российского крестьянства в условиях революционной трансформации общества и раскрестьянивания деревни стали предметом докторской диссертации А. В. Посадского. Главные предпосылки самоорганизации крестьянства А. В. Посадский видит в ментальной сфере – в восприятии крестьянами власти и ее верховных носителей. Более того, автор проанализировал динамику массовых протестных выступлений российского крестьянства в условиях неоднократных изменений государственной политики и объектов недовольства 1905–1945 гг. При изучении дореволюционного периода автор склонен апеллировать категорией «протест», но при изучении советского периода (колхозного строительства и Великой Отечественной войны) автор употребляет словосочетания «антиколхозные настроения»,

«антивоенные настроения». Можно сказать, что автор апеллирует к категории «протестных настроений», правда, в отношении 1920-х–1940-х гг. [32]

Подход демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна к исследованиям причин революций 1905–1907 гг. и 1917 г. предложил историк С. А. Нефедов. Исследователь доказывал, что стремительное увеличение численности населения (процессы «сжатия в элите» и «сжатия в низах») привело в условиях ограниченных ресурсов к продовольственному кризису, а затем и к массовому недовольству [27, с. 348–352, 361–363]. Автор не использовал категорию «протестные настроения», однако широко использовал категорию «протест» в отношении крестьянских волнений и акций неповиновения властям. С. А. Нефёдов разделяет мнения В. П. Данилова и Т. Шанина о крестьянстве как о движущей силе революции в российской истории, поскольку демографически-структурная теория изучает события в контексте закономерностей традиционного доиндустриального общества, каким и оставалась во многом Российская империя [27, с. 420–421].

Социальные представления, формировавшие мировоззрение российского крестьянства конца XIX – начала XX века, изучались О. А. Суховой. Исследователь пришла к выводу, что «общинный архетип» и его мифологемы занимали прочные позиции в общественном сознании крестьянства, но государство не смогло предложить способа относительно безболезненной адаптации крестьянства к темпам и масштабам модернизационных процессов в России, что вызвало рост социальной агрессии как защитную реакцию крестьянского родового сознания [40; 41].

Развивая положения В. П. Данилова и Т. Шанина и обобщая работы современников, В. В. Кондрашин в своих исследованиях также отмечал осознанность крестьянских выступлений и подчёркивал обусловленность радикализации «протеста» государственной политикой, а не антипатриотической или несознательной «психологией мужика» [16; 17; 18].

Другим крестьяноведом, развивающим положения о «крестьянской революции» 1902–1922 гг. является В. Б. Бабашкин. Во многом, автор разделяет и ретранслирует сложившиеся представления о крестьянских настроениях. В своих работах автор охарактеризовал крестьянский протест как консервативный и антикапиталистический [2].

П. П. Марченя рассматривал «крестьянское сознание» как направляющий фактор общественной жизни (и в т.ч. протеста) начала XX в. в России. Согласно автору, крестьяне определяли суть и качество исторического процесса. В связи с этим, для характеристики социальной истории России начала XX в. стал использоваться термин «крестьянственность», предложенный В. В. Бабашкиным и означающий базовую ментальную характеристику населения России. Изменения в «крестьянском сознании» и в «крестьянственности» рассматриваются исследователем одновременно как причина дестабилизации и стабилизации общества. Важными становятся категории «свой – чужой», характеризующие отношение крестьян к власти. С признанием русским крестьянством власти «чужой», по мнению автора, начинались «смуты» в России. С признанием же крестьянством власти «своей», общество стабилизировалось [24].

Анализ вышеназванных работ показывает, что авторы предлагают новые модели изучения крестьянства 1902–1922 гг., не используя «протестные настроения» крестьян, но предлагая периодизацию по степени радикализации протеста и настроений крестьянства. Результатами их работ стали: описание системы факторов, которые провоцировали возникновение и рост крестьянского движения (те же факторы тождественны факторам радикализации крестьянских «протестных настроений»); а также описание и анализ данных о большей части крестьянских выступлений, которые являются формой выражения «протестных настроений».

Заключение (выводы). В современной историографии, ведущей начало с 1991 г., крестьянское движение рассматривают с позиции крестьянской субъектности и удовлетворённости государственной политикой. Предлагаются новые хронологические рамки крестьянской протестной активности, они охватывают значительно больший период 1902–1922 гг., что позволило объединить революционные процессы вокруг аграрного вопроса и стремления крестьянства распоряжаться результатами своего труда.

Трансформировался и подход исследователей к изучению крестьянского сознания. Вошли в оборот понятия «ментальность», «мировоззрение», «протест» по отношению к русскому крестьянству. Авторам работ о крестьянском движении с одной стороны, и о менталитете – с другой, приходится обращаться к «протестным настроениям» крестьянства и выделять формы их протеста. Первые обращают внимание на факторы их возникновения, уделяют место описанию и

анализу данных о большей части крестьянских выступлений. Вторые стремятся осмыслить крестьянский протест в рамках крестьянской традиции. Исследователи крестьянского мировоззрения считают, что «протест» являлся частью крестьянской ментальности. «Протест» рассматривается как реакция крестьянства на попытку модернизационных процессов или государства вмешаться в их мир.

Анализ и обобщение современной историографии крестьянского протеста

даёт возможность оценить деревенские события 1902–1922 гг. в рамках новой методологической парадигмы, согласно которой стремление крестьян привести своё социально-экономическое положение в соответствие с их общинными представлениями обуславливало их «протестные настроения». Радикализация «протестных настроений» крестьян влияла на углубление противоречий между крестьянством и властью и обеспечивало развитие «крестьянской революции» 1902–1922 гг.

Список литературы

1. Артюхина В.А., Шрайбер А.Н., Ахмедова А.Р., Желдакова А.В., Медведева М.В. Источники протестных настроений в студенческой среде (по материалам социологического исследования в Алтайском крае) // Социодинамика. 2022. № 9. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.9.38810 EDN:CEJDGQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38810
2. Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации / Бабашкин В.В. Москва: РГАЗУ, 2007. 232 с.
3. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва ; Тамбов : ТГГУ, 2004. 303 с.
4. Бурнос В.А. Протестные настроения в молодежной среде СССР (1965–1985 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Москва, 2005. 192 с.
5. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. Москва: МОСГОСАРХИВ, 1996. 399 с.
6. Васильев А.А. Два старых порядка в наказах 1789-1906 гг. // Крестьянские наказания Самарской губернии: (Опыт собраний материалов русской революции). Самара: Тип. А. Н. Хардина, 1906. С. 16–31.
7. Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906). Санкт-Петербург: Зерно, 1907. 172 с.
8. Вронский О.Г. Крестьянство и власть (1900–1923). Тула : Парус, 1993. 140 с.
9. Гавра Д. П. Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. Санкт-Петербург, 1995. 210 с.
10. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть : Материалы конф. Москва: МПШСЭН ; Тамбов : ТГТУ, 1996. С. 4–23.
11. Дементьева И.Н. Протестные настроения жителей региона как проявление деструктивных форм гражданской активности // Society and Security Insights, 3(2), 88-103. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-06](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-06) (дата обращения: 22.07.2024).
12. Дубровский С.М. Аграрное движение в 1905–1907 гг. // Труды ИКП. Москва: Госиздат, 1923. Т. 1. 680 с.

13. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 599 с.
14. Емельях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. Москва: Наука, 1965. 201 с.
15. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. Москва: Мысль, 1988. 240 с.
16. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. Москва: РОССПЭН, 2009. 575 с.
17. Кондрашин В.В., Юрчёнков В.А. Крестьянское сопротивление и его трактовки // Кондрашин В. В., Юрчёнков В. А. (ред.) Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. Москва; Саранск, 2017. С. 28–39.
18. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции / В.В. Кондрашин // Северо-Запад в аграрной истории России. 2020. № 26. С. 195–212.
19. Кудрявцев В.А. Чего ждала от Думы деревня // Крестьянские наказания Самарской губернии: (Опыт собрания материалов русской революции). Самара: Тип. А. Н. Хардина, 1906. С. 5–15.
20. Левыкин И.Т. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орел, 1970. 186 с.
21. Левыкин И.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии: на опыте изучения психологии колхозного крестьянства. Москва: Мысль, 1975. 256 с.
22. Лурье С.В. Как погибла русская община // Александров Ю. Г. (ред.) Крестьянство и индустриальная цивилизация. Москва: Наука, 1993. С. 136–173.
23. Марев П. Политическая борьба крестьянства // Борьба общественных сил в русской революции. Москва: Тип. А. И. Мамонтова, 1907. Вып. 3. С. 63–136.
24. Марченя П.П. Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.) // Годовова Е.В., Загидуллин И.К., Кузнецов В.А., Люкшин Д.И., Субботина А.М. (ред.) Материалы Круглого Стола «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. № 10. Т. 1. 2020. С. 133–146.
25. Маслов П. Аграрный вопрос в России : в 2 т. Т. 2 : Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1908. VIII, 458. 628 с.
26. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин. В 2 т. 3-е изд., испр., доп. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 2. 583 с.
27. Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: УГГУ, 2005. 539 с.
28. Нильве А.И. Приговоры и наказания крестьян во II Государственную Думу // История СССР. 1975. № 5. С. 99–110.
29. Осипова Т.В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. Москва, 1995. С. 90–162.

30. Першин П.Н. Аграрная революция в России : в 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1966. 574 с.; Крестьянство в революции 1905 г. // Вопросы истории. 1946. № 11–12. С. 12–30.
31. Першин П.Н. Формы землепользования // О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Вып. 1. С. 134–168.
32. Посадский А.В. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905–1945 годах : дис. ... д-ра ист. наук (07.00.02). Саратов, 2004. 531 с.
33. Прокопович С.Н. Аграрный кризис и мероприятия правительства. Москва: Тип. М. и С. Сабашниковых, 1912. 223 с.
34. Пушкарёва Н.Н. Динамика проявлений протестных настроений российской молодёжи на современном этапе. Москва: Проспект, 2013. 44 с.
35. Саваренский Н. Экономическое движение крестьянства // Борьба общественных сил в русской революции. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1907. Вып. 3. С. 16–21.
36. Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. Москва: Наука, 1989. 262 с.
37. Сенчакова Л.Т. РСДРП и крестьянство в революции 1905–1907 гг. Москва: Политиздат, 1984. 80 с.
38. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг.: По материалам Центральные губерний. Москва: ИРИ РАН, 1994. Кн. 1–2. 207+427 с.
39. Сивков К. Крестьянские приговоры 1905 г. // Русская мысль. 1907. Кн. 4. С. 24–48.
40. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза : ПГПУ, 2007. 374 с.
41. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. Москва: РОССПЭН, 2008. 679 с.
42. Титов В.Ю. Историография изучения протестных настроений в советский период // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». №4. 2022. С. 58–66.
43. Титов В.Ю. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века: (на материалах 1945-1960 гг.). Иркутск : Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 2005 (Иркутск : Репроцентр А1). 321 с.
44. Франц В.А. Особенности распространения протестных настроений в среде российской городской молодежи в условиях информационного общества (на примере Екатеринбурга) // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3. С. 61–80. URL: <http://fikio.ru/?p=4155> (дата обращения: 22.07.2024).
45. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. Москва: Весь мир, 1997. 555 с.
46. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925 / Т.Шанин; пер.с англ. А.В. Соловьёва. Москва: Дело, 2019. 408 с.
47. Яров С.В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: полит. мышление и массовый протест / С.В. Яров; Отв. ред. чл.-

корр. РАН В.А. Шишкин Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. С.-Петерб. фил. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. 168 с.

MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE «PROTEST SENTIMENTS» OF THE RUSSIAN PEASANTRY 1902–1922.

«Protest sentiments» are a complex phenomenon. «Protest sentiments» has not been an object of study by historians in the sense of a psychological, socio-historical phenomenon for a long time. Special attention was paid to the peasant economy and the peasant movement of 1905–1907 and 1917–1922 or 1902–1922 (the years of the Russian peasant revolution) in Russia. The problems of psychological and social history and mental aspects were touched upon, as a rule, partially and episodically within the framework of determining the interests of peasants. A separate study of peasant consciousness and peasant worldview begins in the 70s–80s of the twentieth century. These works did not aim to study specifically the «protest sentiments» at that time. The aim of the article is to analyze and summarize the modern historiography of peasant protest in the context of studying "protest sentiments". Historical-comparative and historical-systemic methods are used. Most researchers agree on the objectivity of the factors of peasant protest and designating a generally consonant set of subjective factors. The «protest sentiments» of peasants are interpreted as a special phenomenon in studies on peasant consciousness and mentality. Moreover, «protest» is seen as a reaction of the peasantry to an attempt by the state or modernization processes to interfere in their world, and as an integral part of the peasant mentality. Most authors conclude that the peasantry advocated improving their socio-economic situation and preserving themselves as a social stratum.

Keywords: peasantry, protest, protest sentiments, peasant consciousness, peasant movement, revolution

References

1. Artyukhina V.A., Shraiber A.N., Akhmedova A.R., Zheldakova A.V., Medvedeva M.V. Sources of protest sentiments among students (based on sociological research in the Altai Territory) // *Sociodynamics*. 2022. No. 9. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.9.38810 EDN:CEJDGQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38810
2. Babashkin V.V. Russia in 1902-1935 as an agrarian society: patterns and features of domestic modernization / Babashkin V.V. Moscow: RGAZU, 2007. 232 p.
3. Bezgin V.B. Everyday life of a peasant (traditions of the late 19th – early 20th century). M.; Tambov: TGGU, 2004. 303 p.
4. Burnos V. A. Protest sentiments among the youth of the USSR (1965–1985): dissertation ... candidate of historical sciences: 07.00.02. M., 2005. 192 p.
5. Bukhovets O. G. Social conflicts and peasant mentality in the Russian Empire at the beginning of the 20th century: new materials, methods, results. M.: MOSCOW STATE ARCHIVAL, 1996. 399 p.
6. Vasiliev A. A. Two old orders in the mandates of 1789–1906 // Peasant mandates of the Samara province: (Experience collecting materials of the Russian revolution). – Samara: Type. A. N. Khardin, 1906. Pp. 16–31.
7. Veselovsky B. The Peasant Question and the Peasant Movement in Russia (1902–1906). SPb.: Zerno, 1907. 172 p.
8. Vronsky O.G. The Peasantry and Power (1900–1923). Tula: Parus, 1993. 140 p.
9. Gavra D.P. Public Opinion as a Sociological Category and Social Institution. SPb., 1995. 210 p.

10. Danilov V.P. The Peasant Revolution in Russia. 1902–1922 // Peasants and Power: Proceedings of the Conf. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences; Tambov: TSTU, 1996. 4–23 pp.
11. Dementeva I.N. Protest sentiments of the region's residents as a manifestation of destructive forms of civic activity // *Society and Security Insights*, 3(2), 88–103. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)2-06](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)2-06) (date of access: 22.07.2024).
12. Dubrovsky S.M. Agrarian movement in 1905–1907 // Proceedings of the IKP. Moscow: Gosizdat, 1923. Vol. 1. 680 p.
13. Dubrovsky S.M. Stolypin land reform. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. 599 p.
14. Emelyakh L.I. Anti-clerical movement of peasants during the first Russian revolution. Moscow: Science, 1965. 201 p.
15. Kabitov P.S., Kozlov V.A., Litvak B.G. Russian peasantry: stages of spiritual liberation. Moscow: Mysl, 1988. 240 p.
16. Kondrashin V.V. The peasantry of Russia in the Civil War: on the origins of Stalinism. Moscow: ROSSPEN, 2009. 575 p.
17. Kondrashin V.V., Yurchenkov V.A. Peasant resistance and its interpretations // Kondrashin V.V., Yurchenkov V.A. (eds.) The peasantry and Cossacks of Russia in the context of the 1917 revolution and the Civil War: national-regional aspect. Moscow; Saransk, 2017. 28–39 pp.
18. Kondrashin V.V. Peasant movement in Russia during the First Russian revolution / V.V. Kondrashin // *The North-West in the agrarian history of Russia*. 2020. No. 26. 195–212 pp.
19. Kudryavtsev V.A. What the village expected from the Duma // Peasant mandates of the Samara province: (Experience of collecting materials of the Russian revolution). Samara: Type. A.N. Hardin, 1906. 5–15 pp.
20. Levykin I.T. Some methodological problems of studying the psychology of the peasantry. Orel, 1970. 186 p.
21. Levykin I.T. Theoretical and methodological problems of social psychology: based on the experience of studying the psychology of the collective farm peasantry. Moscow: Mysl, 1975. 256 p.
22. Lurye S.V. How the Russian community perished // Aleksandrov Yu.G. (ed.) The peasantry and industrial civilization. Moscow: Science, 1993. 136–173 pp.
23. Marev P. Political struggle of the peasantry // *Struggle of social forces in the Russian revolution*. Moscow: Type. A. I. Mamontova, 1907. Issue 3. 63–136 pp.
24. Marchenya P. P. Peasant consciousness as a factor in systemic crises in Russia (17th–20th centuries) // Godovova E. V., Zagidullin I. K., Kuznetsov V. A., Lyukshin D. I., Subbotina A. M. (eds.) Materials of the Round Table “Peasant consciousness as a factor in systemic crises in Russia (17th–20th centuries)” // From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region. No. 10. Vol. 1. 2020. 133–146 pp.
25. Maslov P. The agrarian question in Russia: in 2 vols. Vol. 2: The crisis of the peasant economy and the peasant movement. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1908. VIII, 458. 628 p.
26. Mironov B.N. Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th centuries). SPb.: Dmitry Bulanin. In 2 volumes. 3rd ed., corrected, supplemented.

SPb.: "Dmitry Bulanin". 548+583 p.

27. Nefedov S.A. Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia. Late 15th – early 20th century. Ekaterinburg: UGMU, 2005. 539 p.

28. Nilve A.I. Sentences and orders of peasants to the II State Duma // History of the USSR. 1975. No. 5. P. 99–110.

29. Osipova T.V. Peasant front in the civil war // Fates of the Russian peasantry. Moscow, 1995. 90–162 pp.

30. Pershin P.N. Agrarian revolution in Russia: in 2 books. Book 1. Moscow: Nauka, 1966. 574 p.; The peasantry in the 1905 revolution // Questions of history. 1946. No. 11–12. 12–30 pp.

31. Pershin P.N. Forms of land use // About the land. A collection of articles on the past and future of land-economic construction. Issue 1. 134–168 pp.

32. Posadsky A.V. Military-political self-organization of the Russian peasantry in 1905–1945: diss. ... Doctor of History (07.00.02). Saratov, 2004. 531 p.

33. Prokopovich S.N. Agrarian crisis and government measures. Moscow: Type. M. and S. Sabashnikov, 1912. 223 p.

34. Pushkareva N.N. Dynamics of manifestations of protest moods of Russian youth at the present stage. Moscow: Prospect, 2013. 44 p.

35. Savarensky N. Economic movement of the peasantry // The struggle of social forces in the Russian revolution. Moscow: Type. A. I. Mamontov, 1907. Issue 3. 16–21 pp.

36. Senchakova L.T. Peasant movement in the revolution of 1905-1907. Moscow: Science, 1989. 262 p.

37. Senchakova L.T. RSDLP and the peasantry in the revolution of 1905-1907. Moscow: Politizdat, 1984. 80 p.

38. Senchakova L.T. Sentences and orders of the Russian peasantry. 1905-1907: Based on materials from the Central provinces. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 1994. Book 1-2. 207+427 p.

39. Sivkov K. Peasant sentences of 1905 // Russkaya mysl. 1907. Book 4. Pp. 24-48.

40. Sukhova O. A. "Communal revolution" in Russia: Social psychology and behavior of the peasantry in the first decades of the twentieth century (based on materials from the Middle Volga region). Penza: PGPU, 2007. 374 p.

41. Sukhova O. A. Ten myths of peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and mentality of the Russian peasantry (late 19th – early 20th century) based on materials from the Middle Volga region. M.: ROSSPEN, 2008. 679 p.

42. Titov V. Yu. Historiography of the study of protest sentiments in the Soviet period // Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences". No. 4. 2022. 58–66 pp.

43. Titov V. Yu. Protest sentiments in public opinion of citizens of the RSFSR in the second half of the twentieth century: (based on materials from 1945-1960). Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State Pedagogical University, 2005 (Irkutsk: Reprocenter A1). 321 p.

44. Franz V. A. Features of the spread of protest sentiments among Russian urban youth in the context of the information society (on the example of Yekaterinburg) // Philosophy and Humanities in the Information Society. 2020. No. 3. Pp. 61-80. URL: <http://fikio.ru/?p=4155> (date accessed: 22.07.2024).

45. Shanin T. Revolution as a Moment of Truth. 1905-1907 – 1917-1922. Moscow: Ves' mir, 1997. 555 p.

46. Shanin T. An Inconvenient Class: Political Sociology of the Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910-1925 / T. Shanin; trans. from English by A.V. Solovieva. Moscow: Delo, 2019. 408 p.

47. Yarov S.V. The Peasant as a Politician: The Peasantry of North-West Russia in 1918-1919: Political Thinking and Mass Protest / S.V. Yarov; Ed. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Shishkin Russian Acad. Sciences, Institute of Growth. history. St. Petersburg Phil. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 168 p.

Об авторе

Фролов Виталий Николаевич – аспирант второго года обучения, исторический факультет, Псковский Государственный университет, E-mail: frolo.vitalij2012@gmail.com

Frolov Vitalij Nikolaevich – First year post graduate student, Department of Russian and World History, Pskov State University, E-mail: frolo.vitalij2012@gmail.com

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

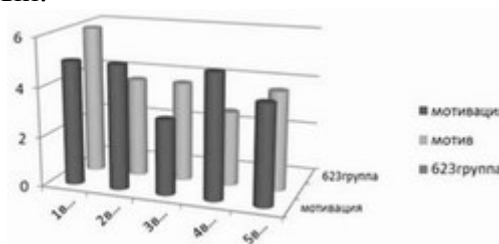

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (63) 2025

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 27.03.2025.

Дата выхода журнала в свет: 31.03.2025.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 22,00. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+